

Кеннет Грэхем

Ветер

в

и вах

Кеннэт Грэхем

ВЕТЕР В ИВАХ

С иллюстрациями Эрнста Шепарда

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического
университета
2008

ББК 84 (4 Вел/2 Рос)-5

Г 91

Перевод выполнен по оригиналу : *The Wind in the Willows by Kenneth Grahame, Wordsworth Classics, 1993.*

Грэхем, Кеннет.

Ветер в ивах / пер. с англ. С. Сапожникова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 152 с.

Перевод, примечания и оформление С. Сапожникова.

Иллюстрации Э.Шепарда к изданию 1969 г.

© Сапожников С., перевод, примечания, 2008
© Сапожников С., оформление, 2008
© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2008

ISBN 978-5-7422-1958-3

Кеннет Грэхем родился 8 марта 1859 г. в Эдинбурге. В 1864 г. умерла от скарлатины его мать, а спустя три года отец, страдавший от алкоголизма, уехал во Францию, оставив троих детей на попечении родственников. Грэхема взяла на воспитание бабушка, жившая в Беркшире, на берегах Темзы. Он хорошо учился в школе Св. Эдварда в Оксфорде и собирался поступать в Оксфордский университет, но опекун-дядя из-за высокой стоимости учёбы не позволил Кеннету продолжать образование. Вместо этого в 1879г. Грэхем поступил клерком в Банк Англии, где и прослужил до 1907г.

С 1880г. Грэхем начал писать эссе, некоторые из которых вошли в книгу «Записки язычника» (*«Pagan papers»*, 1893). Он публиковал свои рассказы в журнале «Нэшнл Обсервер» (*«National Observer»*); в основном это были воспоминания о детстве, которые затем легли в основу книг «Золотые годы» (*«The Golden Age»*, 1895) и «Дни грёз» (*«Dream Days»*, 1898). В сборник «Дни грёз» вошла также повесть «Дракон-лежебока» (*«The Reluctant Dragon»*), по которой в 1941г. кинокомпания «Уолт Дисней компани» выпустила одноимённый мультфильм.

В 1895г. Грэхем женился, но брак не стал удачным. Большую роль в жизни писателя играл его единственный сын Алистер, который рос очень слабым и был слеп на один глаз. Именно для сынишки Кеннет Грэхем начал сочинять и записывать истории о мистере Жабе, давшие начало книге «Ветер в ивах». Рукопись, отвергнутая американскими издательствами, в 1908г. была издана в Англии и принесла автору широкую известность. Несмотря на успех, Грэхем с этих пор практически полностью прекратил литературную деятельность. Огромным ударом для него стало самоубийство сына, который бросился под поезд за 2 дня до своего 20-летия. Из уважения к писателю, официально причиной смерти Алистера был назван несчастный случай.

Кеннет Грэхем скончался 6 июля 1932г. и был похоронен в Оксфорде, на кладбище Холиуэлл.

В России творчество Грэма долгое время было неизвестно широкой публике, и только в 1988г. книга «Ветер в ивах» вышла в свет на русском языке.

Предисловие

Человеку сколько-то начитанному Грэхем известен как автор двух книг, написанных в девяностые годы: «Золотого века» и «Дней грёз». В свободное время он был секретарем Банка Англии. Читая о нежных, чудесных картинах детства, и представить невозможно, что их автор был связан с чем-то нудным вроде банка; можно предположить, что в банке не меньше удивлялись тому, что уважаемый служащий имеет какое-то отношение к красоте.

«Ветер в ивах» Грэхем написал в 1908 году. Первые две его книги были о детях, но понять их могли только взрослые; теперь он писал о зверюшках, одинаково полюбившихся и старым, и малым. Естественно, что критиков, приветствовавших прежние книги Грэхема как шедевры, не могло не расстроить безрассудство автора, взявшегося за сочинения иного рода; естественно, что они с негодованием отказались считать новую книгу хоть сколько-нибудь «детской»: ведь в настоящих детских книгах героями должны быть дети. По этой (или иной) причине «Ветер в ивах» не сразу встретил тот приём, какого заслуживал. Однако два человека решительно выступили в защиту достоинств книги. Одним из них стало лицо столь значительное, как Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт*, другим – столь малозначительное, как автор этих строк.

Годами я говорил об этой книге, цитировал её, рекомендовал. В одном из ранних панегириков было сказано: «Иногда чудится, что именно я написал «Ветер в ивах» и посоветовал прочитать его Кеннету Грэхему». Теперь это звучит даже правдоподобнее, чем тогда. Несколько лет назад я переделал книгу в пьесу под названием «Жаб из Жаб-холла»; она многоократно шла в Лондоне на рождественские сезоны; постоянное присутствие на репетициях сделало диалоги столь мне близкими, что я всё меньше и меньше был уверен в том, что эти вот строки взяты прямо из книги, эти – переделаны, а вот эти – целиком моего сочинения. В случаях, когда цитату предваряли слова: «По восхитительному замечанию Кеннета Грэхема...», было большим разочарованием сознавать, что так здорово сказал именно он – и не меньшее разочарование наступало, если Грэхем ничего подобного не говорил.

* Вот письмо, написанное рукой Президента.

Белый Дом, Вашингтон, 17 января
1909г.

Лично

Глубокоуважаемый мистер Грэхем,
мысли мои текут обыденно, как текут, полагаю, почти все мысли вообще, и поначалу я не смог отступиться от привычно-восхитительного Гарольда с его друзьями; мне не сразу удалось принять жабу, крота, водяную крысу и барсука как достойную их замену. Но чуть погодя миссис Рузвельт и двое наших сыновей, Кермит и Тед, почти независимо друг от друга раздобыли «Ветер среди ив» и пришли от книги в такой восторг, что я почувствовал себя обязанным пересмотреть прежние взгляды. Потом миссис Рузвельт прочла книгу вслух младшим детям, и кое-что долетело до моих ушей. Теперь я сам прочитал и перечитал её, приняв героев как старых своих друзей; эта вещь мне нравится, пожалуй, даже больше, чем прежние Ваши сочинения. В самом деле, собираясь в Африку, я чувствовал себя крысом-мореходом, когда тот почти уговорил водяного крыса бросить всё и пуститься в странствия! Я не смог отказать себе в удовольствии сообщить Вам, какое наслаждение получили все мы от Вашей книги.

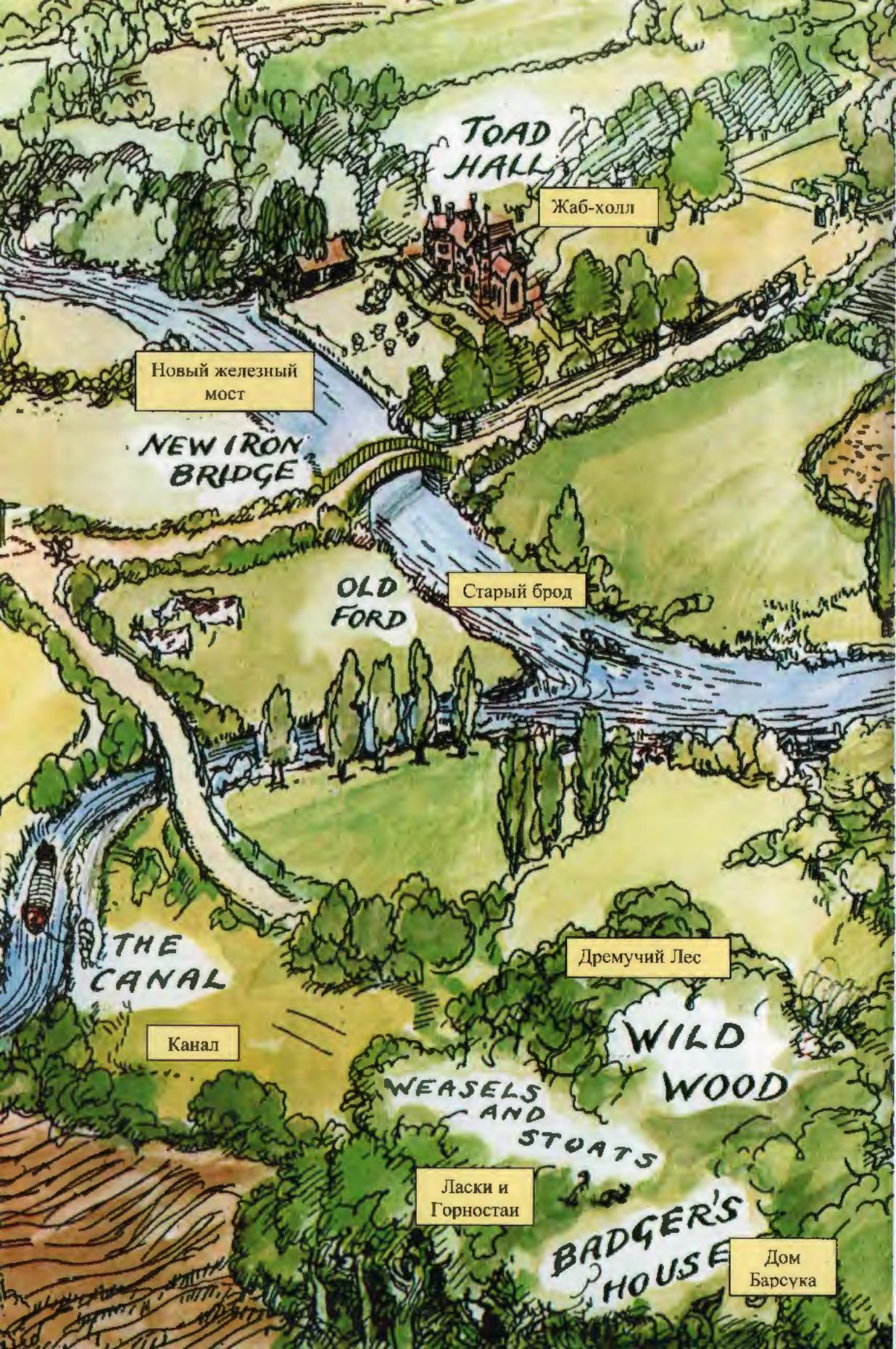
С добрыми пожеланиями,
Искренне Ваш,
Теодор Рузвельт

Когда автор книги и миссис Грэхем впервые посмотрели спектакль, они были так любезны, что пригласили меня в свою ложу. Я пришёл в ужас: будь автором я, а драматургом – он, меня возмущала бы каждая переделка и вставка.

С Грэхемом ничего подобного не случилось. Человек уже немолодой, он смотрел спектакль так же внимательно, как любой малыш в зале, и в случаях (по счастью, не столь уж редких), когда слышал собственные слова, переглядывался с женой, и они улыбались друг другу, словно говоря: «Это я написал... – Да, милый, это ты!», и счастливо кивали, и снова смотрели на сцену. Выглядело всё так, словно он благодарил меня в своей по-королевски величественной манере за то, что я вообще включил его слова в пьесу, хотя, конечно, вся пьеса целиком принадлежала ему, а я лишь старался её не испортить. Когда образы героев такие цельные, как образы Крыса и Крота, Жабы и Барсука, и у каждого из них свой голос, драматургу остается только слушать и записывать.

Можно спорить о достоинствах большинства книг, понимая в таком споре точку зрения противника. Можно даже прийти к выводу, что он, в конце концов, прав. Спорить о «Ветре в ивах» нельзя. Молодой человек даёт почитать эту книгу девушки, в которую влюблён, и, если «Ветер» ей не нравится, просит вернуть ему письма. Человек в летах прикидывает, на кого из героев похож его племянник, и соответственно меняет завещание. Этой книгой поверяют характер. Мы не можем судить о ней, зато она судит о нас. Я писал как-то, что это – Семейная Книга; книга, которую каждый в доме любит и постоянно цитирует, книга, которую читают вслух каждому новому гостю, поверяя на этом пробном камне, чего гость стоит. Но должен сказать и слово в предостережение. Когда вы раскроете книгу, не смешите других, полагая, что судите о моём вкусе или об искусстве Кеннета Грэхема. Пред судом предстаёте вы сами. Может, вы чего-то стоите, не знаю. Но судят именно вас.

Александр А. Милн

TOAD
HALL

Жаб-холл

Новый железный
мост

NEW IRON
BRIDGE

OLD
FORD

Старый брод

THE
CANAL

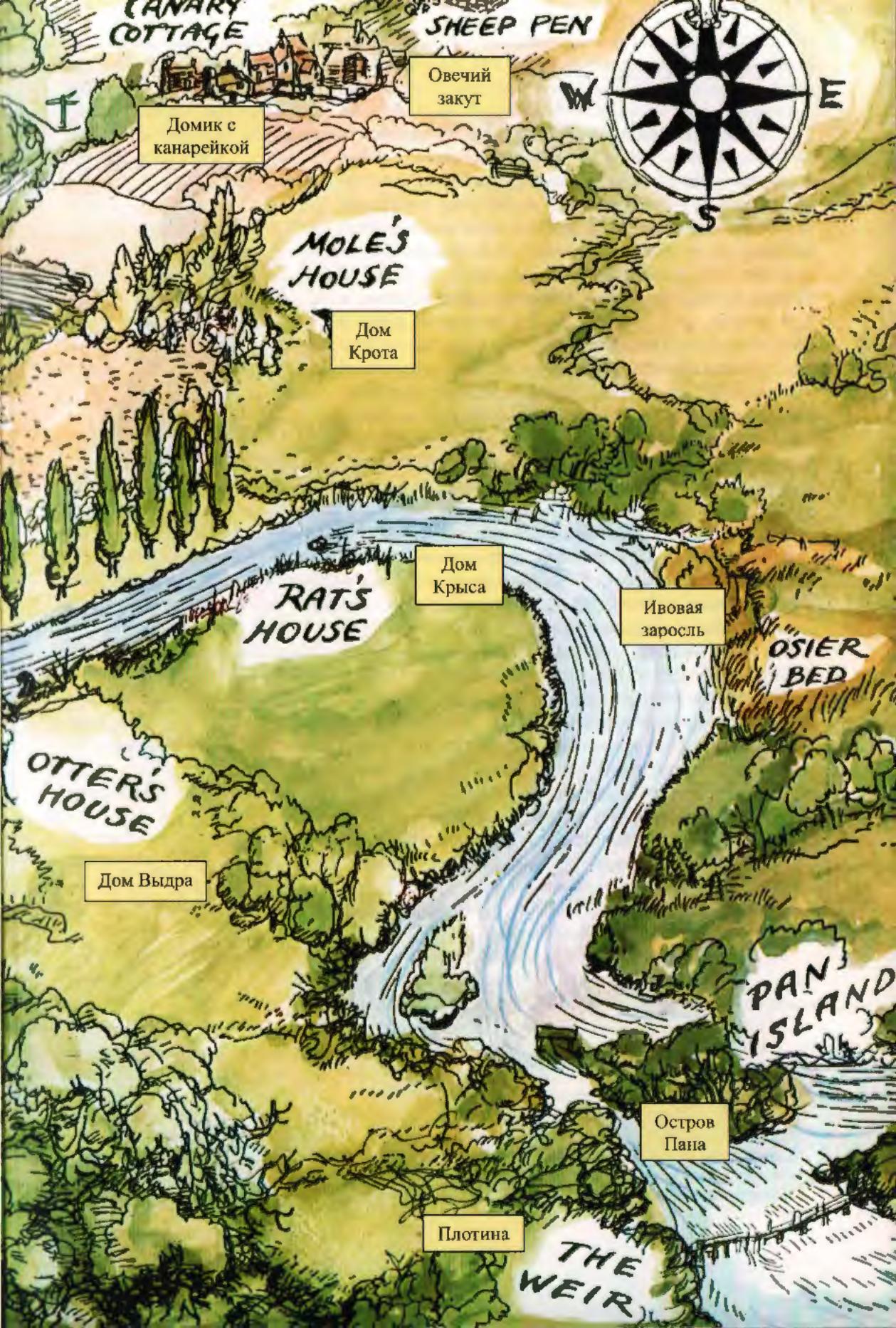
Канал

WEASELS
AND
STOATS

Ласки и
Горностаи

BADGER'S
HOUSE

Дом
Барсука

I. Речной берег

Всё утро крот весьма усердно копошился в своём домишке, прибирав его после зимы. Сперва трудился метёлками, потом тряпками, потом карабкался на стремянки, лесенки и стулья с кистью и ведёрком извести, пока от пыли у него не запершило в горле, не потекли слёзы, чёрный мех не покрылся следами побелки, поясницу не заломило, а лапки не устали. Весна ощущалась повсюду — и в воздухе, и под землей, и со всех сторон; проникая даже в тёмную и низенькую кротовую норку, она несла туда дух божественного недовольства и страстных желаний. Стоит ли удивляться, что Крот внезапно швырнул метёлку на пол, сказал: «Чёрт возьми!», и «Хватит!», и ещё «Плевать на уборку!», и пuleй вылетел наружу, не успев даже набросить пальто? Что-то наверху нетерпеливо тянуло его, и Крот заспешил по крутым и узкому туннелю, который заменял ему мощёную гравием подъездную дорожку для экипажей перед домами тех зверьков, что обитали ближе к солнцу и небу. Так он лез, и карабкался, и взбирался, и пропихивался, и опять пропихивался, взбирался, карабкался и лез, деловито работая лапками и бормоча под нос: «Нам наверх! Нам наверх!», пока, наконец, уф-ф, мордочка его не высунулась на солнечный свет, а сам он не выкатился в теплую траву на широкой поляне.

«Вот здорово! — сказал себе Крот. — Куда лучше побелки!»

Солнце грело его мех, лёгкий ветерок ласкал разгорячённый лоб, и после тишины подземелья, так долго окружавшей Крота, весёлый щебет птиц подействовал на притупившийся слух просто оглушающе. Подпрыгнув на всех лапках разом, радуясь жизни и очарованию весны — безо всякой там уборки — он припустил прямиком в сторону живой изгороди на дальней стороне поляны.

— Стой! — окликнул Крота из прогалины пожилой кролик. — Шесть пенсов за пользование частной дорогой!

Крот в нетерпении презрительно отпихнул его и затрусиł дальше вдоль изгороди, поддразнивая других кроликов, поспешно высунувшихся из норок взглянуть, из-за чего заварилась каша.

— Луковый соус! Луковый соус!** — насмешливо бросил он и удрал прежде, чем кролики нашли достойный ответ.

Тут кролики затягли перебранку. «Вот ты дурень***! Почему не сказал ему, что... — Ладно, а ты почему... — Надо было ответить....». И так далее, в том же духе; конечно, с большим опозданием, как всегда бывает в таких случаях.

Всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Крот деловито сновал туда-сюда по полянам, проносился вдоль изгородей, через перелески, и повсюду видел,

* В оригинале — *divine discontent*. Это крылатое выражение принадлежит перу английского писателя Чарлза Кингсли (1819 — 1875). (Здесь и далее — примечания переводчика).

** Под луковым соусом британцы традиционно подают жареную или тушёную крольчатину; юмор у милейшего Крота, как видим, тот ещё!

*** Выделение слов курсивом — часть стилистической манеры Грэхема; в переводе она, по возможности, сохранена.

как птицы вьют гнезда, цветы распускаются, клейкие листочки разворачиваются – и все счастливы, неугомонны и заняты делом. И нет, чтобы озабоченному сознанию одёрнуть Крота и шепнуть: «Побелка!» – он чувствовал лишь, как здорово быть единственным лентяем среди всех занятых граждан. В конечном счете, лучшее в отдыхе, возможно, не то, чтобы самому бездельничать; куда приятней видеть, как трудятся другие.

Переполненный счастьем, Крот шёл, куда глаза глядят, и вдруг замер, очутившись на берегу полноводной реки. До той поры ни разу в жизни не встречалась ему река – гладкая, извивающаяся, толстенькая зверюшка, настырная и игривая: она хватает что попало с бульканьем и бросает со смехом, чтобы кинуться за свеженькими, только освободившимися игрушками, готовыми попасться вновь. Всё в ней дрожало и переливалось: вспышки света, отблески, искры; всё кружилось, журчало и пузырилось. Крот был очарован, восхищён, пленён. Он засеменил вдоль берега, словно малыш, спешащий за взрослым, заслушавшись волшебными историями; а когда притомился, то сел у реки, и река нашёптывала, набулькивала ему лучшие в мире сказки, те, что несла из недр земли, чтобы рассказать ненасытному морю.

Крот сидел в траве, и глядел на другой берег, и приметил там тёмное отверстие у самой воды; он размечтался, какое славное жильё может устроить в такой норе зверёк, привыкший жить скромно, такой, которому понравится уютный домик у реки, над самыми её

струями, вдали от шума и пыли. Тут он заметил, как что-то яркое и маленькое сверкнуло в глубине дыры и тут же пропало, а потом ещё раз сверкнуло, как крохотная звёздочка. Но навряд ли в таком неподходящем месте могла сверкать настоящая звёздочка, а для светлячка огонёк был уж слишком яркий и крошечный. Тут огонёк подмигнул и оказался глазом, а вокруг глаза, словно рама вокруг картины, постепенно возникла чья-то мордочка.

Бурая мордочка, с усами.

Важная круглая мордочка с тем самым блеском в глазах, что раньше привлек внимание Крота.

Аккуратные ушки и густая шелковистая шёрстка.

Это был Водяной Крыс!

Оба зверька замерли и насторожённо взгляделись друг в друга.

— Привет, Крот! — сказал Водяной Крыс.

— Привет, Крыс! — ответил Крот.

— Почему бы тебе не перебраться сюда? — тут же пригласил Крыс.

— Ну, сказать-то легко, — чуть обиженно отозвался Крот; на реке он был новичком и не знал, что и как тут делается.

Крыс промолчал, но нагнулся, отвязал верёвку и потянул её на себя, а потом легко ступил в лодочку, прежде Кротом не замеченную. Снаружи она была выкрашена голубым, изнутри — белым, и места в ней хватало как раз для обоих зверьков, и она сразу пришла Кроту по душе, пусть он и не вполне понимал, как с ней управляться.

Крыс грёб усердно и переправился в один миг. Он протянул лапку Кроту и тот несмело шагнул навстречу.

— Обопрись, — велел Крыс. — А теперь прыгай, живо!

И Крот, к своему изумлению и восторгу, понял, что сидит на корме самой настоящей лодки.

— Какой замечательный день! — воскликнул он, когда Крыс оттолкнулся от берега и снова взялся за вёсла. — Знаешь, я ведь ни разу в жизни не сидел в лодке.

— Что? — во всю глотку завопил Крыс. — Ни разу не... ни разу... Чтоб меня... Ладно, а чем же ты вообще занимался?

— Здорово здесь, правда? — робко вставил Крот, уже готовый поверить, что на самом деле сидит в лодке; он с интересом разглядывал подушки, вёсла, уключины и прочие снасти, чувствуя, как лодка медленно покачивается под ним.

— Здорово? Да лучше вообще не бывает, — торжественно заверил Водяной Крыс, наклоняясь в очередном гребке. — Поверь, мой юный друг, нет ничего — вообще ничего — хоть в половину сравнимого даже с простой вознёй с лодками. Простой вознёй, — продолжал он задумчиво, — вознёй с лодками... вознёй...

— Осторожно, Крыс! — воскликнул Крот.

Но было поздно. Лодка сходу врезалась в берег. Мечтатель и весёлый гребец опрокинулся навзничь, сверкнув пятками.

— ... с лодками... или в лодке, — спокойно закончил он, поднимаясь с весёлым смехом, — на борту, за бортом — не важно. Ничего не важно, в этом вся штука. Отплываешь ты или нет, приплываешь, куда собрался, или совсем в другое место, или вообще никуда не приплываешь — ты всегда при деле, хотя ничего толком не делаешь, а если что и сделаешь, то всегда найдутся другие заботы, можешь ими заняться, если хочешь, но лучше не надо. Слушай! Если у тебя нет других дел, то, может, прокатимся вниз по реке и проведём там весь день?

Крот задрыгал лапками от совершенного счастья, расправил грудь удовлетворенным вздохом и блаженно откинулся на мягкие подушки.

— Ну и день сегодня! — сказал он. — Поехали прямо сейчас!

— Нет, обожди минутку! — возразил Крыс. Он привязал лодку к кольцу на своем причале, залез в нору прямо над ним и чуть погодя появился снова, пошатываясь под тяжестью большой плетёной корзины для пикников.

— Поставь к себе в ноги, — попросил он Крота, передавая корзину на борт. Потом отвязал лодку и взялся за весла.

— А что там? — спросил Крот, сжигаемый любопытством.

— Холодные цыплята, — коротко бросил Крыс. — Холодный язык холода наяву — чина холода наяву — говядина на салат из корнишонов свежие французские булочки тушищеное мясо и мбирное пиво содовая вода...

— Хватит, хватит, — восхищённо запричитал Крот, — это уж слишком!

— Думаешь? — серьёзно переспросил Крыс. — Это лишь то, что я всегда прихватываю на такие короткие прогулки; другие зверьки находят, что я скуповат, режу тонковато и многое мог бы добавить!

Крот его уже не слышал. Захваченный новой жизнью, он погружался в неё, опьяняющий блеском, рябью, запахами, звуками и солнцем; он опустил лапку в воду и сладко задремал, Водяной Крыс, как и подобает доброму приятелю, усердно грёб, стараясь не разбудить спящего.

— У тебя чертовски славный костюм, дружище, — заметил он спустя полчаса или около того. — Я тоже собираюсь завести чёрный бархатный смокинг, как только смогу себе такое позволить.

— Прошу прощения, — Крот с трудом собирался с мыслями, — не сочти меня совсем уж невоспитанным, но всё тут для меня так ново. Итак... это... река!

— Не река вообще, а именно эта, — уточнил Крыс.

— И ты действительно живёшь у реки? Завидная доля!

— У реки и с рекой, на реке и в реке, — пояснил Крыс. — Она мне сестрица и братец, и тётки, и приятели; еда и питьё, и, конечно же, умыванье. Это мой мир, и другого мне не надо. Чего в ней нет, то и не нужно вовсе, а чего она не знает, то и знать незачем. Бог мой! Нам с ней есть что вспомнить! Зимой или летом, весной или осенью — всегда свои забавы и развлечения. В февральское половодье в погребах и подвалах полно воды, в чем радости немногих, и бурные потоки хлещут через лучшие окна спальни; и ещё: когда вода сходит, то оставляет комья ила, пахнущие, как кексы с изюмом, а тростник и камыш забивают каналы так, что можно посуху пройтись чуть не по всему руслу и собрать свежие продукты и всякую всячину, которую беззаботные люди кидают за борт!

— А тебе не бывает скучно? — отважился спросить Крот. — Только ты да река, некому и словечка сказать?

— Некому? А-а, что с тебя взять! — снисходительно отозвался Крыс. — Ты здесь впервые, ясно, что ничего не знаешь. На берегу стало столько соседей, что многие даже снимаются отсюда целыми компаниями: совсем, мол, не то, что нужно, и прочее. Выдры, зимородки, утки-поганки, куропатки — целый день так и крутятся, и всем от тебя что-то надо, словно без них и заняться было бы нечем!

— А что там? — спросил Крот и махнул лапкой в сторону леса, тёмной стеной обрамлявшего заливные луга на другом берегу.

— Там? Там — Дремучий Лес, — коротко пояснил Крыс. — Мы, речные жители, ходим туда нечасто.

— Там что, там... не слишком надежная публика? — Крот немного испугался.

— Н-ну, — протянул Крыс, — дай подумать. С белками всё в порядке. А вот кролики — есть такие, что вполне ничего, но вообще-то встречаются всякие. Ну и Барсук, конечно. Живёт в самой чаще и нигде больше жить не согласен, даже если б кто доплатил. Старина Барсук! Никто *в его дела* не сутёлся. И правильно делает, — добавил он со значением.

— А что, кое-кто *мог бы* и сунуться? — поинтересовался Крот.

– Да, пожалуй... всякие тут бывают, – уклончиво заметил Крыс. – Ласки... горностаи... лисы... и прочие. В целом они ничего, я с ними в дружбе, здороваемся при встрече и всё такое, но целиком доверять им не следует, это уж точно.

Крот знал, что у зверюшек не принято развивать неприятные темы, а лучше их и вовсе не затрагивать, поэтому заговорил о другом.

– А за Дремучим Лесом что? – спросил он. – Там, где всё такое голубое, неясное: то ли холмы, то ли нет их совсем; что-то вроде городского дыма, а, может, это просто тучи?

– За Дремучим Лесом лежит Широкий Мир, – сказал Крыс. – Ни тебе, ни мне он не нужен. Никогда там не был, иходить не собираюсь, и ты не пойдёшь, если ума хватит. И не будем об этом, ладно? Кстати! Вот наша заводь, тут и перекусим.

Сойдя со стремнины, они вошли в небольшое, как показалось вначале, прибрежное озерцо. Отлогий берег зеленел свежей травкой, корни деревьев бурыми змеями извивались под тихой водой, а вдали серебрился край плотины над пенным кружевом вод – рука об руку с роняющим капли мельничным колесом, вертевшимся возле островерхой серой мельницы; в воздухе разливалось упоительное журчание – монотонное, приглушённое, нарушающее другими голосами, тоже негромкими, но звонкими и весёлыми. Это было так прекрасно, что Крот смог лишь вздеть лапки к небу и воскликнуть:

– О Боже! Боже! Боже!

Крыс причалил, привязал лодку к берегу, помог немного неловкому Кроту сойти на сушу и вытащил корзинку с провизией. Крот попросил об одолжении самому всё распаковать, и Крыс охотно ему позволил, а сам растянулся на травке и отдыхал, пока его взволнованный друг встряхивал и расстипал скатерть, извлекал один за другим таинственные пакетики, выкладывал их содержимое куда следовало, восклицая: «О Боже! О Боже!» с появлением каждого нового кушанья. Когда все было готово, Крыс сказал:

– Ну что ж, старина, приступим!

Крота уговаривать не пришлось, ибо весеннюю приборку он начал, как водится, ни свет ни заря, а перекусить так и не собрался; событий же за день набралось столько, что, казалось, не ел он давним-давно.

– Что ты там увидел? – спросил Крыс чуть погодя, когда они слегка утолили голод, и глаза Крота смогли на миг оторваться от скатерти.

– Увидел, – отозвался Крот, – цепочку пузырьков на воде, и они движутся. Забавно, правда?

– Пузырьки? Ого! – оживился Крыс и весело застремился, словно приглашая кого-то.

Широкая блестящая мордочка высунулась из воды у самого берега. Выдр выбрался на траву и отряхнул шубку.

— Жадюги! — бросил он, разглядывая пиршество. — Почему ты не пригласил меня, Крыссы?

— Всё получилось неожиданно, — объяснил Крыс. — Кстати, это мой друг мистер Крот.

— Рад познакомиться, — сказал Выдр, и оба зверька мигом подружились.

— Ну и суматоха кругом! — продолжал Выдр. — Будто весь мир сегодня на реку вылез. Приплыл вот в эту заводь, думал, хоть тут спокойно, и наткнулся на вас, ребята... Н-ну, прошу прощенья, я совсем не то имел в виду, вы же понимаете.

Прямо в живой изгороди позади них, густо усыпанной прошлогодней жухлой листвой, что-то зашуршало, и полосатая голова, зажатая высокими плечами, уставилась прямо на них.

— Милости просим, Барсук, старина! — завопил Крыс. Барсук приблизился на шаг-другой, буркнул: «Хм-м! Компания!», развернулся и скрылся из виду.

— Вот *такой* он у нас! — заметил разочарованный Крыс. — Прямо-таки не выносит Общества! Сегодня его уже не увидим. Ладно, расскажи нам лучше: кого ты встретил на реке?

— Ну, скажем, Жаба, — ответил Выдр. — В новёхонькой гоночной двойке, в костюме с иголочки, весь новый-преновый!

Зверьки переглянулись и захихикали.

— Сперва был без ума был от паруса, — пояснил Крыс, — потом парус ему наскучил, увлёкся плоскодонкой с шестом. Хлебом не корми, дай помахать шестом — с утра до ночи, без выходных; сам себя замучил. В прошлом году завёл домик на воде, и всем нам пришлось у него гостить и делать вид, будто мы в полном восторге. Собирался провести в плавучем домике остаток дней. И так всегда, за что бы ни взялся: надоест, бросит, схватится за что-то новенькое.

— В общем-то, он неплохой, — задумчиво протянул Выдр, — только неустойчивый, особенно когда в лодке!

Оттуда, где они сидели, виден был участок главного русла с островком посередине; как раз теперь там маячила гоночная двойка с гребцом — кургузым коротышкой; грёб он неумело, поднимал тучу брызг, но очень старался. Крыс встал и окликнул его, но Жаб (это был он) лишь мотнул головой и замахал веслами еще шустрее.

— Через минуту выплетит за борт, если продолжит в том же духе, — заметил Крыс, снова усаживаясь.

— Ясно, выплетит, — хмыкнул Выдр. — Я тебе не рассказывал занятную историю про Жаба и смотрителя шлюза? Было вот как. Жаб...

Заблудившаяся муха-подёнка заложила выражение против течения, и весьма неудачно, как то свойственно многим её юным соплеменницам-щеголяхам, подгулявшим на публике. На воде появилась воронка, раздалось громкое «плюх!» — и мухи как ни бывало.

И Выдра тоже.

Крот потупился. Он все ещё слышал голос Выдра, но там, где тот только что лежал, было пусто. Нигде, до самого горизонта, Выдра и в помине не было.

Только на речной глади снова появилась цепочка пузырьков.

Крыс что-то насвистывал, и Крот вспомнил, что среди зверушек не принято обсуждать, куда вдруг подевался кто-то из компании – неважно, по какой причине, а то и вовсе безо всяких причин.

– Ну-ну, – промолвил Крыс. – Думаю, нам пора. Я вот размышляю, кому из нас лучше упаковать корзинку? – В голосе его не слышалось горячего желания взяться за дело самому.

– О, позволь мне, – попросил Крот. И, ясное дело, Крыс позволил.

Укладывать корзинку совсем не так весело, как распаковывать. Так всегда. Но Крот твёрдо решил от всего получать удовольствие; правда, как только он упаковал корзинку и туго стянул ее ремешком, из травы на него уставилась позабытая

тарелка, а когда всё сделал сызнова, Крыс показал ему на вилку, валявшуюся у всех на виду, а тут ещё – представьте! – горчичница, на которой Крот сидел, сам о том не подозревая... но всему приходит конец, и Крот даже не слишком расстроился.

Полуденное солнце клонилось к закату, когда Крыс аккуратно повёл лодку к дому, мечтательно бормоча под нос рифмованные строчки и не обращая на Крота особого внимания. А тот был переполнен закуской, самодовольством и гордостью, он совсем (как ему казалось) освоился в лодке и посему решил обратиться к Крысу с довольно безрассудной просьбой:

– Крысси! А можно, я погребу?

Крыс покачал головой и улыбнулся:

– Не теперь, мой юный друг, – сказал он, – потерпи, пока я не дам тебе несколько уроков. Грести не так просто, как кажется.

Крот на минутку-другую угомонился. Но вскоре понял, что всё сильнее и сильнее ревнует Крыса: тот грёб мощно, уверенно, и гордыня стала нашептывать Кроту, что и он справится не хуже. Крот вскочил и схватился за вёсла так неожиданно, что Крыс, всё глядевший на воду и бормотавший стишки, был захвачен врасплох и во второй раз за день шлёпнулся на спину, сверкнув пятками, а торжествующий Крот занял его место и самоуверенно завладел веслами.

– Перестань, ты, безмозглый осёл! – заорал Крыс со дна лодки. – Не умеешь ведь! Опрокинемся!

Крот изящно закинул вёсла назад и решил резко сунуть их в воду. Но воду вёсла проскочили, и тут же ножки гребца взлетели выше головы, и он свалился прямо на поверженного Крыса. Страшно напуганный, Крот вцепился в борт лодки, а в следующий миг раздалось полновесное «плюх!».

Лодка перевернулась, и Крот забарахтался посреди реки.

Боже, какой холодной была вода, Боже, какой мокрой! Как пела она у Крота в ушках, когда он шёл вниз, вниз, вниз... Каким ярким и приветливым было солнышко, когда он появлялся на поверхности, кашляя и отфыркиваясь! Каким чёрным было отчаянье, когда река снова тянула его на глубину! И тут чья-то крепкая лапа ухватила Крота за загривок. Это была лапа Крыса, и он, похоже, хотел: Крот

чувствовал, как смех через плечо и лапу друга проникает прямо в его, Крота, загривок.

Крыс протолкнул одно весло под левую лапку Крота, другое под правую, а сам поплыл сзади, подпихивая беспомощного зверька к отмели, и вытащил его на берег — мокрый, сочащийся ком уныния.

Крыс провёл лапой по шёрстке приятеля, отжал немного воды и сказал:

— Слушай, старичок! Побегай туда-сюда по дорожке, да попроворней, чтобы согреться и обсохнуть, а я пока нырну за корзинкой.

И вот унылый Крот, мокрый снаружи и пристыженный внутри, стал согреваться бегом, пока мех его не просох, а Крыс тем временем снова залез в воду, поймал лодку, перевернул ее и причалил к берегу, потом выудил поочерёдно все плававшие пожитки и, наконец, успешно нырнул за корзинкой, с которой и выбрался на отмель.

Когда можно было снова пускаться в плаванье, Крот, пристыженный и удрученный, занял место на корме; они оттолкнулись от берега, и тут он сказал тихо и прочувствованно:

— Крысси, великодушный мой друг! Я страшно жалею, что оказался таким глупым и неблагодарным. Прямо сердце разрывается, как подумаю, что мог потерять нашу чудесную корзинку с едой. Я был настоящим ослом, сам знаю. Забудь, если можешь, и прости меня, и пусть всё будет как раньше, ладно?

— Да брось ты, всё в порядке! — весело отозвался Крыс. — Вода — Крысу не беда! Я в воде чаще бываю, чем на суше. И думать об этом забудь, и... вот что ещё! Пожалуй, неплохо бы тебе пожить немного у меня. Всё в моей норке по-простому, без затей, знаешь ли, — совсем не то, что у Жабы, правда, ты у него ещё не бывал; постараюсь, чтобы тебе было уютно. Научу грести и плавать, скоро привыкнешь к воде не хуже любого из нас.

Крот был так тронут добрыми словами, что комок застрял у него в горле, и он смахнул тыльной стороной лапки слезинку-другую. Но Крыс деликатно отвернулся, и вскоре Крот так осмелел, что сумел даже поставить на место парочку куропаток, потешавшихся над его потрёпанным видом.

Когда они вернулись домой, Крыс развёл яркий огонь в гостиной, усадил гостя в кресло перед камином, принёс ему халат и шлёпанцы и до самого ужина рассказывал разные речные истории. Истории, надо заметить, весьма захватывающие для зверька вроде Крота, жившего под землей. Истории о плотинах

и внезапных паводках, о проворных щуках и о паровых катерах, с которых летят твердые бутылки – в конце концов, бутылки всегда выбрасывают, и с катеров тоже, возможно их бросают *сами* катера – и о цаплях: о том, как придилично выбирают

они собеседников; о приключениях, связанных со спуском по дренажным каналам, о ночных рыбалках с Выдром, о долгих прогулках по полям с Барсуком. Ужин прошел чудесно, а сразу после него гостеприимный хозяин проводил засыпающего на ходу Крота вверх по лестнице в самую лучшую спальню, где тот уронил голову на подушку в полном довольстве и мире, зная, что за окном плещется его новый друг – река.

Так началась вереница дней, каждый из которых был для начавшего новую жизнь Крота длинней предыдущего и гораздо интересней – по мере того, как лето вступало в свои права. Крот выучился плавать и грести, приобщился ко всем развлечениям на бегущей воде, а когда он вслушивался, между делом, в шелест тростника, до него долетало иной раз даже то, о чём ветерок нашёптывал одним только тростниковым стеблям.

II. Широкая дорога

— Крысси, — сказал однажды Крот солнечным летним утром, — хочу тебя кое о чём попросить.

Крыс сидел на берегу и напевал песенку. Он только что её сочинил, и был настолько увлечён, что не замечал ни Крота, ни вообще ничего вокруг. С раннего утра он плавал по реке со своими друзьями-утками. Едва только утки ныряли вниз головой, как это у них принято, как Крыс нырял следом и щекотал им под водой шейки в том месте, где должен быть подбородок — будь он у уток вообще — пока те не выныривали в спешке, сердито лопоча и раздувая на шутника перья: ведь невозможно высказать всё, что думаешь, пока голова у тебя под водой. Наконец, утки убедили Крыса убраться, заняться собственными делами, а им не мешать заниматься своими. Так вот, Крыс оставил уток в покое, а сам устроился у воды на солнышке и сочинил о них песенку, которую так и назвал:

УТИНЫЕ ПРИПЕВКИ

Где скрывается заводь
В камыше густом,
Уточки ныряют
Вверх хвостом!

Раз — хвост, два — хвост,
Лапки машут смело,
Клювы жёлтые внизу
Занялись делом!

Тины зелень густа,
Для плотвы — рай!
Здесь припасы у нас:
Нырь — и забирай.

Радость каждому — своя,
Ну, а для нас —
Клюв вниз, хвост вверх —
В самый раз!

Неба густа синь —
Там, стриж, твой дом!
Мы ж в реке ныряем
Вверх хвостом!

— Не скажу, чтоб мне *так* уж нравилась твоя песенка, Крыс, — осторожно заметил Крот. Сам он стихов писать не умел и этого не скрывал, но по натуре был чистосердечен.

— Уткам тоже, — отозвался неунывающий Крыс. — Говорят: «Почему бы некоторым не дать другим заниматься тем, чем они хотят, когда хотят и как хотят, вместо того, чтобы торчать на берегу, и таращиться, и делать замечания, и сочинять

про других стишки и всякую ерунду? До чего же всё это *неумно!*». Так прямо и говорят.

— И верно, и верно, — с жаром подхватил Крот.

— Нет, неверно! — звился Крыс.

— Ну, неверно, неверно, — согласился покладистый Крот. — Так вот о чём я хотел попросить: не представишь ли ты меня мистеру Жабу? Я так наслышан о нём и так хочу с ним познакомиться.

— Почему бы и нет, — отозвался добродушный Крыс; он вскочил на ноги и на весь день выбросил поэзию из головы. — Выводи лодку, мы до него мигом доберёмся. Для визита к Жабу любое время годится. Рано приехал или поздно — ему всё равно. Жаб всегда в хорошем настроении, всегда рад тебя видеть, всегда огорчён, когда уезжаешь!

— Мистер Жаб, должно быть, очень славный зверёк, — заметил Крот; он сел в лодку и взялся за вёсла, а Крыс с удобствами расположился на корме.

— Лучше не сыскать, — подтвердил Крыс. — Простой такой, душевный, чувствительный. Может, не слишком умный, так не всем же быть гениями; ещё он немного хвастлив и тщеславен. Но всё равно у него много достоинств, у нашего Жабби.

Миновав излучину, они увидели нарядный, полный достоинства дом из потемневшего от времени красного кирпича; ухоженные газоны сбегали к самой воде.

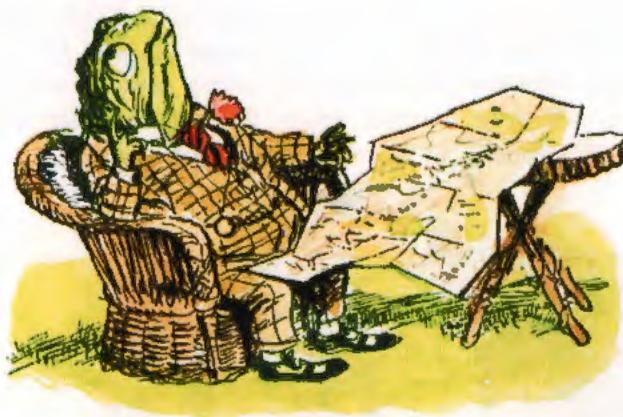
— Ну, вот и Жаб-холл, — сказал Крыс, — а тот ручей слева, где табличка «Частное владение. Высаживаться запрещено!», ведёт к лодочному сараю, туда мы и причалим. Вон там, справа, конюшня. Там, куда ты смотришь, банкетный зал, и притом весьма старинный, это точно. Знаешь, ведь Жаб довольно богат, и дом его — один из лучших в округе, хотя мы-то Жабу нипочём в этом не признаемся.

Они скользнули вверх по ручью, и в тени большого лодочного сарая Крот сложил вёсла. В сарае друзья увидели множество прекрасных лодок, лежавших на поперечных балках или поднятых на стапели, на воде же было ни единой, отчего сарай казался ненужным и заброшенным.

Крыс огляделся.

— Ясно, — сказал он. — Лодкам — отставка. Гребля надоела, с ней покончено. Чем, интересно, он теперь увлёкся? Пошли, навестим хозяина. Он нам сразу всё расскажет.

Они высадились и в поисках Жаба пересекли усеянные весёлыми цветами газоны; Жаб с озабоченным видом сидел в плетёном садовом кресле, а на коленях у него лежала обширная карта.

— Ур-ра! — завопил он, вскакивая при виде вошедших. — Вот здорово! — Он тепло пожал лапы обоим пришедшим, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

— Как мило с вашей стороны, — продолжал он, приплясывая вокруг гостей. — Я только что собрался послать вниз по реке лодку за тобой, Крысси, со строгим предписанием доставить сюда тотчас, чем бы ты ни был занят. Я страшно хотел видеть тебя... то есть, вас обоих. Что же мы стоим, располагайтесь, будьте как дома! И представить не можете, как удачно, что вы заглянули именно сейчас!

— Давай немножко посидим, Жабби! — предложил Крыс, усаживаясь в уютное кресло; Крот пристроился по соседству и сказал что-то вежливое про «восхитительный дом» Жаба.

— На всей реке лучшая усадьба, — самодовольно согласился Жаб. — И вообще самая лучшая, если честно, — не смог удержаться он.

Тут Крыс подтолкнул Крота. Жаб, к несчастью, это заметил и покраснел как рак. Повисла тягостная тишина. Потом Жаб рассмеялся.

— Ладно, Крысси, — сказал он. — Сам знаешь, не могу я без этого. Дом ведь и вправду неплох, а? Тебе самому нравится. А теперь слушайте. Дело серьёзное. Лучше вас мне никого не найти. Вы должны мне помочь. Это крайне важно!

— Речь идёт, полагаю, о гребле, — с невинным видом отозвался Крыс. — Ты делаешь успехи, хотя брызг еще многовато. Немного терпения, опытное руководство — и сможешь...

— Тыфу, гребля! — прервал его явно недовольный Жаб. — Глупая мальчишеская забава. Давно забросил. Пустая трата времени, и всё. Обидно смотреть, как вы — ребята, способные на большее — размениваетесь на бесполезную возню. Я нашёл кое-что получше: дело, которому не жаль посвятить жизнь. Собираюсь заниматься им по гроб дней и страшно жалею, что столько лет возился с разной чепухой. Пойдём, милый Крысси, и твой любезный друг тоже, если он будет так добр, прямо на конюшенный двор, там вы увидите то, что увидите!

Он, разумеется, первым зашагал в сторону конюшни; Крыс последовал за Жабом с видом крайне недоверчивым; на дворе перед каретным сараем они увидели цыганскую кибитку, сиявшую новизной, выкрашенную канареечно-жёлтой краской с зелёной отделкой, с красными колесами.

— Вот вы и пришли! — воскликнул Жаб, широко расставив задние лапы и напыжившись. — Настоящая жизнь для вас начнётся с этой повозочки. Широкие дороги, пыльные просёлки, вересковые пустоши, выгоны, живые изгороди, пологие холмы! Стоянки, деревни, посёлки, города! Нынче здесь, завтра там! Путешествия, перемена мест, впечатления, приключения! Весь мир перед вами, и всегда новые горизонты! И, заметьте, лучше этой повозки сроду не делали, я не хвастаюсь. Залезайте и взгляните, как всё устроено. Сам всё придумал, всё сам!

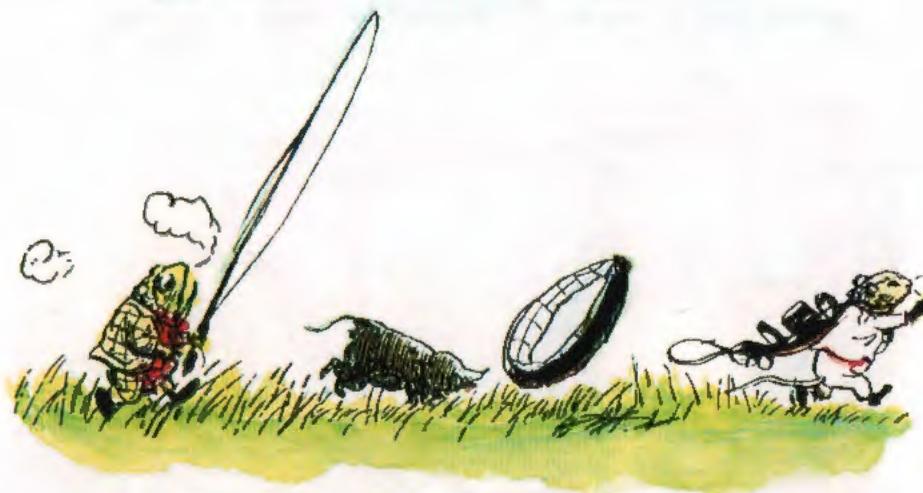
Интерес и любопытство переполняли Крота, потому так проворно последовал он за Жабом по лесенке, ведущей в кибитку. Крыс лишь фыркнул и заложил лапы поглубже в карманы, но с места не двинулся.

Внутри и вправду оказалось компактно и уютно. Маленькие спальные полки... раскладной столик у стенки... кухонная плита, шкафчики, полки для книг, клетка с птичкой, и еще горшочки, сковородки, кувшины, чайники всех размеров и форм.

— Всё на местах! — гордо заметил Жаб, открывая один из шкафчиков. Глядите: галеты, консервированные омары, сардинки — всё что угодно. Содовая — здесь, табачок — там; писчая бумага, бекон, джем, карты, домино — всё тут, — продолжал он, когда они уже спускались назад, — ничего не забыл, сами убедитесь, когда мы нынче же отправимся в дорогу!

— Прошу прощенья, — процедил Крыс, жевавший соломинку, — не ослышался ли я насчет «мы», «отправимся» и «нынче же»?

— Ну, славный старина Крысси, — взмолился Жаб, — ну, не бурчи, не брюзжи так, сам ведь понимаешь, что не сможешь не поехать. Я же без тебя не справлюсь, давай считать, что договорились, и не спорь, это единственное, чего не выношу. Ты ведь не собираешься всю жизнь проторчать на своей скучной старомодной реке, деля время между норой на берегу и лодкой? Я хочу показать тебе мир! Я сделаю из тебя настоящего зверя, парнишка!

— Не поеду, — заупрямился Крыс. — Не поеду, и всё тут. И я собираюсь торчать на своей старой реке, и жить буду в норе и в лодке, как жил всегда. Да и Крот меня не бросит, верно, Крот?

— Нет, конечно, — преданно заверил Крот. Я всегда с тобой, Крыс, как скажешь, так и будет. Только если б мы поехали, ну, было б, довольно весело, — смущённо добавил он.

Бедный Крот! Жизнь-с-Приключениями была ему внове и очень будоражила, а новые идеи так заманчивы, и он с первого взгляда влюбился в канареечную повозку со всей её начинкой.

Крыс понял, что творится с Кротом, и заколебался. Он терпеть не мог отказывать друзьям, а Крот ему нравился, ради него Крыс готов был почти на всё. Жаб внимательно наблюдал за друзьями.

— Пошли, перекусим, — дипломатично предложил он, — там всё и обсудим. Незачем принимать решения в спешке. Мне ведь лично всё это ни к чему. Я лишь хотел доставить удовольствие вам, ребята. «Живи для других!» — вот мой девиз.

За ленчем — разумеется, превосходным, как и всё в Жаб-холле — Жаб просто разошёлся. Не обращая внимания на Крыса, он, как на арфе, играл на чувствах неопытного Крота. Говорун от природы, вечно влекомый воображением, Жаб расписывал прелести путешествия, радости жизни на свежем воздухе и саму дорогу такими сочными красками, что Крот едва мог усидеть в кресле от охватившего его волнения. И как-то так вышло, что вскоре все трое заговорили о путешествии как о деле решённом; даже Крыс, все ещё сомневавшийся, позволил своему добродушию одолеть некоторые личные возражения. Он не мог обмануть ожиданий обоих друзей, а те зарылись в планы и расчеты, взявшись расписать каждый день в отдельности на несколько недель вперед.

Когда они совершенно уже подготовились, торжествующий Жаб проводил друзей в загон и поручил им поймать старого серого коня, которому, заранее с ним не посоветовавшись и к большому его неудовольствию, хозяин приискал самую пыльную работёнку во всей пыльной экспедиции. Конь откровенно предпочитал загон, и поймать его оказалось непросто. Тем временем сам Жаб все плотнее набивал свои шкафчики; он доверху натолкал повозку, развесил лошадиные торбы, косицы лука, тюки сена и корзинки. Коня, наконец, поймали и запрягли, и друзья тронулись в путь, болтая все разом; каждый делал, что хотел: кто шагал рядом с кибиткой, а кто и сидел на оглобле. Полуденное солнце сияло золотом. Запах взбитой пыли был роскошным, вполне во вкусе путников; из густых садов по обе стороны дороги птицы окликали их и что-то весело высвистывали, добродушный попутчики, обгоняя, здоровались со всей компанией, а то и останавливались, чтобы сказать, что-нибудь приятное о чудесной повозке; кролики, сидевшие подле собственных парадных дверей в живой изгороди, всплескивали лапками и повторяли: «О Боже! Боже! Боже!».

Поздно вечером усталые, счастливые, на много миль отъехавшие от дома, они остановились на глухом пустыре вдали от жилья, пустили коня щипать травку, а сами съели скромный ужин прямо на траве возле повозки. Жаб заговаривал всех своими планами на ближайшие дни, а тем временем звёзд становилось всё больше, светили они всё ярче, а жёлтая луна, вдруг беззвучно выкатившаяся из ниоткуда, решила составить путникам компанию и послушать их болтовню.

Наконец, они устроились на спальных полочках в повозке, и Жаб, сонно потягивая лапки, сказал:

— Ну, спокойной ночи, ребята! Вот она, настоящая жизнь для джентльмена! А вы ещё болтаете о старой реке!

— Я не болтал о реке, — сдержанно отозвался Крыс. — Сам знаешь, Жаб, не болтал. Но я о ней думаю, — добавил он взволнованно, понизив голос. — Думаю... всё время думаю!

Крот высунулся из-под одеяла, в темноте нашупал лапу Крыса и пожал её.

— Я всё сделаю, как ты скажешь, Крысси, — шепнул он. — Хочешь, убежим завтра утром, совсем рано — очень-очень рано — и вернёмся в свою славную старую нору на реке?

— Нет-нет, доведём всё до конца, — прошептал в ответ Крыс. — Спасибо тебе огромное, но не могу я бросить Жаба до конца поездки. Одного его оставлять небезопасно. Это не слишком надолго. С ним всегда так. Спокойной ночи!

Конец поездке пришёл даже скорее, чем представлялось Крысу.

После целого дня на свежем воздухе и всех треволнений Жаб уснул так крепко, что утром, как его ни тормошили, а добудиться не смогли. Крот и Крыс занялись делами не спеша, но решительно; пока Крыс управлялся с конём, разводил огонь, мыл оставленные с вечера грязными чашки и тарелки и готовил всё необходимое для завтрака, Крот направился в ближайшую деревню, до которой было далековато, за молоком, яйцами и прочей снедью, о которой Жаб, разумеется, позабыл. Когда нелёгкий труд подошёл к концу и оба зверька, изрядно притомившись, сели отдохнуть, на сцене появился Жаб, свежий и весёлый; он рассуждал о том, какую легкую, приятную жизнь ведут они все после забот, хлопот и обыденности повседневных домашних дел.

В этот день друзья чудесно прокатились по заросшим травой холмам и узким глухим переулкам, и снова, как накануне, стали лагерем на пустыре, но теперь оба гостя следили, чтобы Жаб выполнил свою долю работы. В результате назавтра, когда пора было трогаться в путь, Жаб уже не так восхищался преимуществами вольной жизни; он решил не вылезать из постели, но был вытащен силой. Путь лежал по деревенским просёлкам, но ещё до полудня они выбрались на шоссе — на

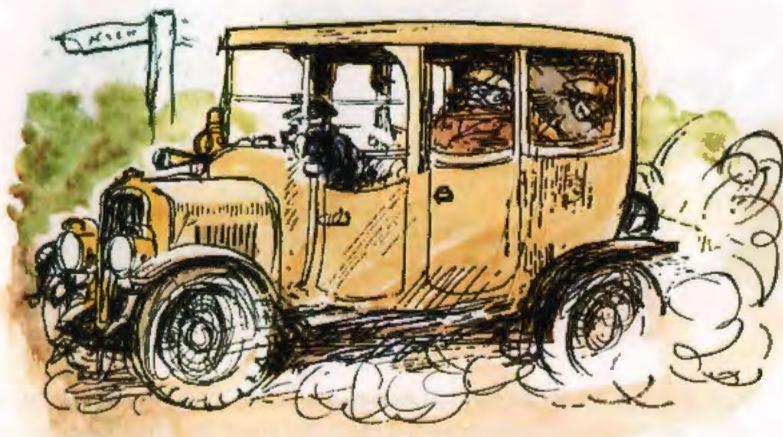
первое своё шоссе – и тут беда, скорая и непредвиденная, обрушилась на них; беда для всего предприятия, она более всего искорёжила дальнейшую судьбу Жаба.

Они беспечно шагали по шоссе: Крот держался у головы коня и слушал жалобы на то, что только он, конь, так жутко заброшен и никому не нужен, и что никто его не замечает; Жаб и Водяной Крыс топали позади повозки, увлечённые беседой – во всяком случае, Жаб говорил, а Крыс время от времени вставлял что-то вроде «Да, конечно; ну, а *ты ему что?*», думая в это время о чём-то своём, совсем другом, как вдруг далеко позади послышалось слабое предостерегающее гудение, словно где-то жужжала пчела. Обернувшись, друзья заметили небольшое облачко пыли с тёмным движущимся сгустком посередине, настигавшее их с невероятной скоростью; облачко издало чуть слышное «пуп-пуп» – точно зверёк, которому сделали больно. Не придав облачку значения, путники вернулись к беседе, но тут мигом (как показалось) мирная жизнь оборвалась, шквал и грохот сбросили их в ближайшую канаву. И всё это натворило Оно! «Пуп-пуп» оглушило путников рёвом меди, перед ними мелькнуло сияющее лобовое стекло и роскошная кожа сидений, и великолепный автомобиль, огромный, от которого дух захватывало, неудержимый, с шофёром, напряженно нависшим над рулём, в доли секунды заслонил собой весь мир; пыльное облако окутало и совершенно ослепило их, а затем уменьшилось до пятнышка где-то далеко-далеко и вновь обратилось в жужжащую пчелу.

Старый серый конь, таившийся в мечтах о тихом загоне еле-еле, в этой нежданной передряге совершенно преобразился. Он вздыбился, рванул вперед, сдал назад; он не замечал Крота, повисшего у него на морде, он презрел все Кротовы призывы к лучшим его чувствам, попятился и стукнул повозку в глубокую придорожную канаву. Повозка вздрогнула, раздался душераздирающий треск, и канареечно-желтый экипаж, всеобщая гордость и радость, боком завалился в канаву и окончательно рассыпался.

Крыс метался взад-вперёд по дороге, вне себя от гнева.

– Мерзавцы! – вопил он, потрясая кулаками. – Негодяи, грабители, вы... вы... Лихачи чёртовы! Я найду на вас управу! Я жаловаться буду! Я вас по судам затаскаю!

Тоска по дому на время покинула его, теперь он чувствовал себя шкипером канареечно-жёлтого судна, выброшенного на мель из-за лихачества другого капитана, и силился припомнить все те на редкость обидные слова, какие кричал

хозяевам паровых катеров, когда они держались чересчур близко к берегу, и ковёр у него в гостиной заливала волна.

Жаб, растопырив лапы, сидел в дорожной пыли прямой, как свечка, и, не мигая, таращился туда, куда укатил автомобиль. Он часто дышал, на мордочке его застыло безмятежное, счастливое выражение, временами он восторженно бормотал: «Пуп-пуп!».

Крот пытался успокоить коня, и чуть погодя ему это удалось. Потом он отправился взглянуть на повозку, лежавшую на боку в канаве. Зрелище было воистину жалким. Филёнки и оконца выбиты, оси безнадёжно погнуты, одно колесо укатилось, жестянки с сардинками разлетелись по всей округе, птичка в клетке жалобно всхлипывала и просилась на волю.

Крыс пришёл другу на помощь, но и объединёнными усилиями повозку было не поднять.

— Эй, Жаб! — позвали они. — Иди помогать, что ли!

Но Жаб ни словом не ответил и с места не сдвинулся, и они решили сами подойти и взглянуть, что с ним стряслось. Жаб был вроде как в трансе, он блаженно улыбался и не отрывал глаз от облачка — виновника всех бед. Временами он вслушивался в далёкое «пуп-пуп!».

Крыс потряс его за плечо.

— Эй, Жаб, ты помогать думаешь? — строго спросил он.

— Замечательно, потрясающе! — пробормотал Жаб, не трогаясь с места. — Поэзия движения! Настоящий способ путешествовать! Единственный способ! Нынче здесь — завтра там! Деревень не замечаешь, города проскакивают мимо, а на горизонте — что-то новенькое! О блаженство! О «пуп-пуп!» О Боже! Боже!

— Не будь ослом, Жаб! — в отчаянье заорал Крыс.

— Подумать только, я и *не знал*! — мечтательно бубнил Жаб. — Вся жизнь — зря, я ведь *не знал*, *не мечтал* даже! Но *теперь* — теперь я знаю, теперь я всё понял! Какой чудесный путь передо мной с этого часа! Какие тучи пыли взметнутся вслед, когда я помчусь, не разбирая дороги! Сколько повозок полетит в канавы под натиском моего неудержимого порыва! Жалких повозок, таратаек с пустошней, канареечно-желтых кибиток!

— И что нам теперь с ним делать? — опросил Крот Водяного Крыса.

— Ничего не делать, — твёрдо ответил Крыс. — Потому что здесь ничего не поделаешь. Видишь ли, я его давным-давно знаю. Он опять тронулся. У него новый пункттик, с ним всегда так, это — первая стадия. Несколько дней будет таким: словно бредёт в счастливой дрёме, да всё без толку. Не обращай внимания. Пошли взглянём, что можно сделать с кибиткой.

Тщательный осмотр показал, что, даже подними они кибитку и поставь как надо, ехать она не сможет. Оси в безнадежном состоянии, отлетевшее колесо рассыпалось на кусочки.

Крыс завязал вожжи узлом у коня на спине и повёл его под уздцы, а в свободную лапу взял клетку с её ополоумевшей жилицей.

— Пошли, — угрюмо бросил он Кроту. — До ближайшего города миль пять-шесть, их придётся пройти пешком. Чем скорее тронемся, тем лучше.

— А Жаб-то как? — обеспокоенно спросил Крот, когда они двинулись по дороге. — Нельзя ведь бросить его здесь, посреди дороги, одного, да ещё в таком состоянии! Это небезопасно! А вдруг с ним опять что стряслось?

— О, чёртов Жаб, — разозлился Крыс. — Хватит с меня, сыт им по горло!

Они отошли не слишком далеко, когда позади послышался топот: Жаб догнал их и ухватил под лапки; дышал он часто, а глядел куда-то в пустоту.

— Вот что, Жаб! — резко сказал Крыс, — как только доберёмся до города, пойдёшь прямо в полицейский участок и выяснишь всё об этом автомобиле: узнаешь, чей он, и подашь на владельца жалобу. А потом разыщешь кузнеца или каретника и договоришься, чтобы повозку притащили, починили и привели в порядок. Дело долгое, но не безнадёжное. Тем временем мы с Кротом отправимся в гостиницу и снимем удобные номера, чтобы ждать, пока повозку не исправят, а твои нервы не придут в порядок после всех потрясений.

— Полицейский участок! Жалоба! — задумчиво бормотал Жаб. — Чтобы я стал жаловаться на чудесное, божественное виденье, снизошедшее на меня! Чинить повозку! Хватит с меня повозок. Ни видеть их, ни слышать про них не хочу! О, Крысси! Не представляешь, как я благодарен, что ты поехал со мной! Без тебя я ехать не решился бы, и мог так и не увидеть этого... этого лебедя, этот луч солнца, этот удар молнии! Мог никогда не услышать этих манящих звуков, не почувствовать этого колдовского запаха! Я в долгу перед тобой, лучшим из моих друзей!

Крыс в отчаяньи отвернулся.

— Ну, видишь, что с ним? — обратился он к Кроту поверх головы Жаба. — Он безнадёжен. Я сдаюсь — в городе идём прямо на железнодорожную станцию и, если повезёт, успеем на поезд, чтобы к вечеру добраться до берега реки. И чтобы я ещё раз отправился куда-нибудь с этим баламутом! — Крыс фыркнул и весь остаток пути разговаривал только с Кротом.

Войдя в город, они направились на станцию и оставили Жаба в зале ожидания второго класса, дав два пенса носильщику, чтобы тот за Жабом приглядывал. Коня поставили на конюшню при гостинице и дали все указания, какие смогли, насчет повозки и её содержимого. Поздно вечером поезд неспешно подвёз их к станции неподалеку от Жаб-холла, они проводили зачарованного, засыпающего на ходу Жаба до дверей, втолкнули внутрь и поручили домоправительнице накормить хозяина, раздеть и уложить в постель. Потом друзья вывели из сарая свою лодку и спустились по реке домой, и уж совсем за полночь сели ужинать в уютной гостиной на речном берегу – к великой радости и удовлетворению Крыса.

На следующее утро Крот встал поздно и весь день провёл как-то бездумно, а к вечеру сел на берегу и собрался порыбачить; здесь-то Крыс, успевший навестить друзей и всласть наболтаться, а теперь гулявший перед сном, и разыскал друга.

– Слышал новость? – спросил он. – По всему берегу только и разговоров. Жаб первым утренним поездом уехал в Город. Там он заказал огромный, шикарный автомобиль.

III. Дремучий Лес

Кроту давно не терпелось познакомиться с Барсуком: тот, по общим отзывам, был весьма заметной персоной; объявлялся он нечасто, однако оказывал незримое влияние на всю округу. Но как только Крот изъявлял своё желание Водяному Крысу, тот сразу увиливал.

— Разумеется, — говорил Крыс, — Барсук появится не сегодня-завтра, он всегда появляется, и я тебя представлю. Милейший малый! Но принимать его надо не только *таким*, каков есть, но и *тогда*, когда вообще удастся принять.

— Может, ты пригласишь его к нам — отобедать или ещё зачем-нибудь? — не унимался Крот.

— Он не придёт, — не задумавшись отвечал Крыс. — Барсук ненавидит Общество, приглашения, обеды и всё такое.

— Ну, а если мы сами к нему зайдём? — предлагал Крот.

— Вот уж это, уверен, ему и *всё* не понравится, — говорил Крыс с немалой тревогой. — Он так всех чурается, что считёт это оскорблением. Даже мне в голову не

приходило нагрянуть к нему в гости, хоть и давно е ним вожусь. И вообще, так не годится. Тут и толковать не о чём: он ведь живёт в самой чаще Дремучего Леса.

— Ну и что, — возражал Крот. — Ты ведь сам говорил, что с Дремучим Лесом всё в порядке.

— Ну, говорил, говорил, — нехотя соглашался Крыс, — но не прямо же сейчас туда идти. *Не сейчас*. Путь неблизкий, да Барсука и дома может не быть в это время года, и вообще, он сам появится со дня на день, имей терпение.

Кроту приходилось этим довольствоваться. Но Барсук всё не шёл, а каждый день приносил свои развлечения, и лишь когда лето кончилось, когда холод, стужа и слякоть разогнали всех по домам, а вздувшаяся река понеслась мимо окон так стремительно, что о лодочной прогулке любого рода и речи не шло, Крот обнаружил, что мысли его с неуклонным упорством возвращаются к одинокому серому Барсуку, который жил своей жизнью и сам по себе в норе посреди Дремучего Леса.

Зимой Крыс отсыпался: ложился рано, вставал поздно. В течение короткого дня он набрасывал несколько рифм или занимался недолгой и несложной вознёй по хозяйству; и, конечно, в доме всегда были гости, заглянувшие на огонёк, а значит, был повод потолковать о прошедшем лете, обо всех летних проказах.

О, какая это была благодарная тема, если кто-то решал вспомнить всё по порядку! Как много возникало образов, и каких ярких! Шествие по речным берегам происходило всегда в одном и том же порядке, разворачивалось в картинах, сменявших одна другую в раз и навсегда заведённой последовательности. Пурпурный вербейник появлялся рано, он встряхивал изысканно-тяжёлыми кистями над самым краем зеркала, где отражалась его смешливая рожица. Сразу следом являлся кипрей, нежный в задумчивый, как розовое закатное облачко. Пурпурный-с-белым окопник бочком протискивался на своё законное место; и, наконец, однажды утром несмелый копуша-шиповник робко выходил на сцену, и всякий знал, что он возвещает приход июня – подобно тому, как величавые

звуки скрипок первыми начинают гавот. И ещё одного гостя ожидали с нетерпением – пастушка, уивающегося за нимфами, рыцаря, о котором вздыхают дамы за окнами, принца, чей поцелуй возвратит спящее лето к жизни и любви. И когда побег таволги, веселый и благоухающий в янтарном своём уборе, грациозно занимал место среди собравшихся, всё было готово к началу пьесы.

Ах, что это была за пьеса! Сонным зверюшкам, укрывшимся в норках от дождя и ветра, колотивших в двери, особенно сильно врезались в память предрассветные часы, когда белый, неразорванный ещё туман плотно укрывает всю водную гладь; затем – восхитительное утреннее купанье, пробежка вдоль берега, и – лучистое преображение земли, воздуха и воды, когда – вдруг

– на небо возвращается солнце, и серое становится золотым, и все краски вновь сбегают на землю. Они вспоминали душные сиесты в жаркий полдень, в гуще зелёного подлеска, куда солнце проникает лишь тоненькими лучиками и пятнами; катанье на лодках и купанье среди дня, прогулки по пыльным тропинкам и жёлтым полям пшеницы, и, наконец, долгие прохладные вечера, когда подводились итоги, завязывались знакомства и замышлялись бесчисленные приключения на завтра.

Да, было о чём поболтать у камелька короткими зимними днями, но всё равно у Крота оставалась уйма свободного времени, и вот как-то раз, когда Крыс в своём кресле у камина то клевал носом, то колдовал над рифмами, не желавшими подходить, он принял решение в одиночку исследовать Дремучий Лес и, если получится, свести знакомство с мистером Барсуком.

Холодным тихим днем, когда над головой повисло свинцовое небо, он выскользнул из тёплой гостиной на свежий воздух. Стылая земля и облетевшие деревья окружили его, и Крот подумал, что до сих пор ни разу не заглядывал так глубоко в сокровенную суть вещей, как в этот зимний день, когда Природа погрузилась в ежегодную дрёму, сбросив все одеяния. Рощицы, лощины, каменоломни и все потаённые уголки, бывшие волшебными приисками для исследователя в летнем своем зелёном убранстве, трогательно раскрывали теперь все секреты, и, казалось, просили извинить их за убогий вид – на времена, пока не наденут вновь пышные маскарадные облачения, не начнут обманывать и дурачить всех на прежний манер. Сердце щемило, но впереди всё было радостным... даже пьянящим. Крот счастлив был, что природа понравилась ему неприкрытой, лишённой прикрас. Ему представился один голый остов – красивый, сильный, простой. Он не затосковал по тёплому клеверу, по игре трав, роняющих семена. Завесы живых изгородей, волнистый убор берез и вязов показались Кроту чем-то далёким, и с лёгкой душой зашагал он к Дремучему Лесу, лежавшему перед ним низкой угрожающей грядой, словно чёрный риф в одном из тихих южных морей.

Поначалу ничто его не встревожило. Хворост хрустел под ногами, он спотыкался о кряжи, грибы на пнях казались карикатурами на что-то знакомое, но далёкое; всё было и забавным, и волнующим. Всё это вело Крота дальше, туда, где света становилось меньше, а деревья обступали все плотнее и плотнее, и страшные пасти нор щерились на него со всех сторон.

Было совсем тихо. Сумерки надвигались неудержимо, быстро, сгущались и сперди, и сзади; свет отступал, как приливная волна.

Потом появились лица.

Первое, как ему показалось, вылезло откуда-то из-за плеча: злое, клинышком, оно глядело на Крота из норы. Когда Крот обернулся и посмотрел на лицо, оно исчезло.

Крот ускорил шаг, с нарочитой бодростью убеждая себя не давать воли фантазиям, иначе конца им не будет. Он миновал одну нору, еще одну, и еще; и тут... Да! Нет! Да, точно! Узенькое личико со злыми глазами на миг показалось из норы и сразу исчезло. Крот замер в нерешительности, но преодолел страх и зашагал дальше. И вдруг, словно так и было с самого начала, из каждой норы, дальней или ближней, а нор были сотни, вылезло свое лицо – каждое появлялось и пропадало, и каждое буравило Крота люто ненавидящим взглядом – холодным, злобным, язвительным.

Стоит убраться от этих нор, подумал он, и лица исчезнут. Крот свернулся с тропки и бросился в нехоженную чащобу.

Тут раздался свист.

Свист был слабенький и тонкий; Кроту показалось, что свистят где-то далеко позади, но всё равно свист заставил насторожиться. Затем такой же слабый и тоненький свист прозвучал далеко впереди; Крот замер, ему захотелось вернуться. Пока он раздумывал, засвистели со всех сторон: казалось, свист наполняет, пронизывает лес до самых дальних пределов. Все злюки, кто бы они ни были, насторожились и приготовились! А он – он был один, безоружный, без надежды на помощь; к тому же надвигалась ночь.

Затем послышался топот.

Сперва Кроту чудилось, что просто падают листья, такими тихими и легкими были звуки. Топот усилился, в нем появился ритм, эти «топ-топ-топ» могли издавать только чьи-то ножки страшно далеко отсюда. Впереди или сзади? Сперва казалось, что впереди, потом – что сзади, потом – и там, и там. Топот делался всё

слышнее, шаги словно множились, неслись, как с тревогой заметил Крот, отовсюду, словно брали его в кольцо. Пока зверёк стоял и молча вслушивался, промеж стволов прямо на него выскоцил кролик. Крот ждал, что кролик убавит ходу или отвернёт в

сторону. Но тот, не снижая скорости, чуть не сшиб Крота с ног; мордочку кролик имел презлющую, глазёнки его сверкали.

— Уноси ноги, придурок, уноси ноги! — бросил кролик на бегу, обогнув пень и юркнул в спасительную нору.

Топот все усиливался, шаги градом били по сухим листьям, ковром устилавшим всё вокруг. Бежал будто весь лес, бежал грузно, уверенно, по-охотничьи, словно преследовал какую-то цель — или кого-то. В панике Крот тоже куда-то побежал, сам не ведая, куда и зачем.

Он бежал, сам не зная от кого, падал через кого-то, об кого-то спотыкался, под кого-то проваливался, через кого-то карабкался. Наконец Крот забился в глубокое тёмное дупло на старом буке, давшем ему приют, тайное убежище, а может, как знать, и защиту. Как бы то ни было, сил бежать дальше у Крота не осталось, он лишь поглубже зарылся в сухую листву, занесённую сюда ветром, и понадеялся, что хоть на время укрылся от беды. И в дупле он всё ещё задыхался и дрожал, вслушиваясь в свист и топот снаружи; Крот понял, наконец, во всей полноте почувствовал, что так страшило в лесу маленьких обитателей полей и живых изгородей, познал то жуткое, от чего тщетно пытался уберечь своего друга Крыс: Ужас Дремучего Леса!

А тем временем Крыс в тепле и уюте дремал подле камина. Листок с недописанными стихами упал с его колен, голова запрокинулась, рот был раскрыт; Крыс бродил в своих снах по зелёным речным берегам. От горящего полена с треском отскочил уголёк, яркий язычок пламени взметнулся вверх, и Крыс сразу проснулся. Вспомнив о незаконченном занятии, он поднял стихи с полу, поразмышилял с минутку и поискал глазами Крота, чтобы тот подсказал, если знает, нужную рифму.

Но Крота нигде не было.

Крыс прислушался. В доме ни звука.

Потом он несколько раз позвал: «Кротти!», и, не получив ответа, вышел в переднюю.

Шапки Крота на обычном месте не было. Галоши его, всегда стоявшие возле подставки для зонтиков, тоже исчезли.

Крыс вышел из дома и внимательно рассмотрел слой грязи вокруг, надеясь напасть на след Крота. И напал, не сомневайтесь. Галоши у Крота были новыми, купил он их как раз к этой зиме, и свежие следы от пупырышков на подошвах выделялись чётко. Отпечатки на грязи, ровные и целеустремленные, вели прямо к Дремучему Лесу.

Вид у Крыса стал озабоченным, на минуту-другую он всерьёз задумался. Затем вернулся в дом, подпоясался ремнём, сунул за него пару пистолетов, прихватил тяжёлую дубинку, стоявшую в углу прихожей, и быстро зашагал в сторону Дремучего Леса.

Уже смеркалось, когда Крыс достиг опушки и без колебаний углубился в чащу, внимательно оглядывая всё вокруг в поисках друга. Злые личики тут и там высовывались из нор, но прятались, едва завидев доблестного зверька с пистолетами и тяжелой, устрашающей дубинкой в лапах; свист и топот, явно различимые с той поры, как Крыс вступил в лес, замерли и стихли, кругом воцарилась тишина. Он уверенно прошагал весь лес насквозь, до самых дальних пределов, потом, не разбирая дороги, прошёл по нему поперёк, тщательно прочёсывая местность и бодро взывая:

— Кротти, Кротти, Кротти! Ты где? Это я, старина Крыс!

Он терпеливо обшаривал лес около часу или чуть дольше, пока, наконец, к своей радости, не услыхал слабый ответный крик. Двигаясь на звук в сгущавшейся тьме, Крыс вышел к подножью старого бука с дуплом; из дупла и нёсся чуть слышный голосок:

— Крысси! Неужто и вправду ты?

Крыс влез в дупло и нашёл там Крота, измученного и дрожащего.

— Ой, Крыс! — всхлипнул он. — Я так напугался, ты представить не можешь!

— Отчего же, могу, — заверил Крыс. — Незачем было тебе творить такое, Крот. Уж как я стремился тебя уберечь! Мы, речные жители, стараемся держаться отсюда подальше. Если и ходим, то хотя бы вдвоём, тогда обычно всё кончается благополучно. Кроме того, надо знать уйму такого, что мы знаем, а ты пока что нет. Имею в виду пароли, знаки, присказки, от которых и сила, и действие, и кое-какие травки в кармане, и стихи, чтобы их приговаривать, всякие уловки и хитрости, чтоб ими воспользоваться; всё довольно просто, когда их знаешь, а знать просто обязательно, если ты маленький и слабый, иначе беды не миновать. Вот будь ты Барсуком или Выдром, тогда, конечно, другое дело.

— Наверно, храбрый мистер Жаб не боится сюда ходить, правда? — поинтересовался Крот.

— Старина Жаб? — переспросил Крыс и от души рассмеялся. — В одиночку он и носу в Лес не сунет, хоть насыпь ему кто полную шляпу золотых гиней!

Крота сильно приободрил беззаботный смех Крыса, а также его дубинка и блестящие пистолеты, он унял дрожь и почувствовал себя смелее, вновь обретая присутствие духа.

— Ну ладно, — чуть погодя промолвил Крыс. — Пора брать себя в лапы и отправляться домой, пока совсем не стемнело. Не стоит, сам понимешь, оставаться в Лесу на ночь. Хотя бы потому, что слишком холодно.

— Крысси, милый, — взмолился бедняга Крот, — мне страшно жаль, но я совсем разбит, ничего с этим не поделаешь. Мне просто надо немного прийти в себя и собраться, если я вообще хочу дойти до дома.

— А, ну ладно, — согласился добродушный Крыс, — отдохай сколько хочешь. Всё равно пока вокруг темень, а луна выглядит попозже.

Тут Крот еще глубже зарылся в сухие листья, и устроился поудобнее, а минутой позже погрузился в сон, правда, тревожный и некрепкий; Крыс тоже укрылся как мог, чтобы не замерзнуть, и стал терпеливо ждать, не убирая лапы с пистолета.

Когда, наконец, Крот проснулся набравшимся сил и в обычном своём состоянии духа, Крыс сказал:

— Пора! Сейчас выгляну наружу проверить, все ли кругом тихо, и сразу выходим.

Он подобрался к выходу из убежища и высунул голову. Тут Крот услыхал, как Крыс бормочет себе под нос:

— Хо-хо! Ну и дела!

— Что стряслось, Крысси? — спросил Крот.

— Снег стряся, — коротко ответил Крыс. — *Падает*, если точнее. Снегопад.

Крот полез вслед за другом и, высунувшись наружу, увидел, что лес, так напугавший его, стал совсем иным. Норы, ямы, лужи, рытвины и другие чёрные пятна, грозившие путнику, быстро исчезали, мерцающий волшебный ковёр покрывал всё кругом и казался слишком нежным, чтобы ступать по нему грубыми лапами. Тонкая изморозь висела в воздухе, пощипывала щеки, а чёрные стволы деревьев проступали на свету, казалось, исходившем снизу.

— Ладно, ничего не поделаешь, — чуть подумав, заметил Крыс. — Придётся рискнуть, идти всё равно надо. Хуже всего, что я не знаю точно, где мы теперь. А в снегу всё выглядит совсем по-другому.

Так и было. Кроту не верилось, что это тот самый лес. Как бы то ни было, вылезли они смело и взяли направление, казавшееся наилучшим; крепко держась друг за друга, зверьки с неколебимой бодростью изображали, что узнают старого приятеля в каждом дереве, молчаливо и мрачно глядевшем на них, или что видят хорошо знакомые просеки в монотонной череде белых промежутков между чёрными стволами, неотличимыми один от другого.

Спустя час или два, счёт времени они потеряли, друзья остановились — сломленные, усталые, безнадёжно заблудившиеся — сели на ствол поваленного дерева, чтобы перевести дух и решить, как быть дальше. Усталость валила с ног, они были сплошь в синяках от многочисленных падений; несколько раз путники проваливались в норы и насквозь промокли; снегу выпало столько, что зверьки едва пробирались по нему на маленьких своих лапках, а деревья становились всё толще и казались совсем одинаковыми. Чудилось, что у леса нет ни начала, ни конца, всё в нём похоже одно на другое, и, что хуже всего, из него нет выхода.

— Нельзя нам тут рассиживаться, — сказал Крыс. — Нужно попытаться ещё раз, а не сидеть сложа лапы. Холод — штука не из приятных, да и снегу скоро навалит столько, что мы с места не сдвинемся. — Он огляделся вокруг и задумался. — Погляди вон туда, — продолжал он, — вот что мне сдаётся. Впереди что-то вроде лощины, земля там неровная, сплошь бугры да пригорки. Спустимся туда и поищем что-то вроде убежища, сухую пещеру или нору, укрытую от снега и ветра, и хорошенъко

отдохнём перед новой попыткой, ведь мы оба смертельно устали. А может, снег тем временем перестанет или ещё что случится.

Итак, друзья снова поднялись и побрали вниз, в лощину, в надежде на пещеру или другой сухой уголок, способный защитить от пронизывающего ветра и выюги. Они осматривали один из тех бугорков, о которых говорил Крыс, как вдруг Крот обо что-то споткнулся и с криком упал мордочкой вниз.

— Ой, лапа! — завопил он. — Ой, бедная моя голень! — Крот сел на снег и обхватил заднюю лапку обеими передними.

— Бедолага ты, Крот! — ласково сказал Крыс. — Сегодня тебе не слишком везёт, правда? Давай посмотрим лапу. А-а, — продолжал он, становясь на колени, — так и есть, ты порезал голень. Погоди, сейчас достану платок и перевяжу.

— Споткнулся, наверно, о сухую ветку или пень, — жалобно протянул Крот. — О Боже! Боже!

— Порез очень ровный, — заметил Крыс, внимательно разглядывая ранку. — Ветка или пень здесь ни при чем. Так можно порезаться об острый край какой-нибудь железки. Любопытно! — Он чуть поразмыслил и осмотрел бугры и скаты вокруг.

— Какой разницы, чем порезался, — Крот от боли забыл про грамматику. — Всё равно больно, чем бы ни порезался.

Но Крыс, заботливо перевязав лапу носовым платком, оставил друга и стал упорно разгребать снег. Он скреб, копал, погружался, все четыре лапы трудились вовсю, а Крот ждал его, теряя терпение, и время от времени окликал:

— Ой, Крыс, ну пойдём же!

Вдруг Крыс завопил:

— Ура!

А затем:

— Урра-а-а-урра-а-а! — и попробовал сплясать на снегу слабое подобие джиги*.

— Ну, что там, Крысси? — спросил Крот, не отнимая лапок от повязки.

— Сам взгляни! — в восторге заорал Крыс, не останавливая джиги.

Крот приковылял на раскопки и внимательно всё оглядел.

— Ну, — протянул он наконец, — мне всё хорошо видно. Видел и раньше штуки вроде этой, уйму раз видел. Предмет, я бы сказал, знакомый. Железная скоба у двери. Ну, и что с того? Зачем плясать джигу вокруг какой-то скобы?

— Ты что, не понял, что это значит, ты, глупейший из зверьков? — взвился возмущённый Крыс.

— Да нет, знаю я, конечно, что это значит, — ответил Крот. — Это значит, что какой-то очень безответственный и забывчивый тип бросил скобу посреди Дремучего Леса, на том самом месте, где об неё непременно споткнётся каждый. Поступил весьма бездумно, я бы сказал. Когда вернёмся домой, подам на него жалобу... кому-нибудь; вот увидишь, подам!

— А-а, Бог ты мой! — возопил Крыс, впадая в отчаянье от несообразительности друга. — Ладно, хватит рассуждать, иди сюда и копай! — И он снова взялся за дело, и снег полетел во все стороны.

Немного погодя труды его увенчались успехом, и обозрению предстал весьма потертый коврик для ног.

— Ну, что я говорил? — торжествовал Крыс.

— Абсолютно ничего, если честно, — ответил Крот, и был совершенно прав. — Ну, похоже, — продолжал он, — тебе удалось найти другую домашнюю утварь,

* Джига — быстрый и динамичный английский народный танец.

никуда не годную и выброшенную, и от этого ты, полагаю, в полном восторге. Ну, давай, спляши джигу вокруг находки, если хочешь, и хватит, пора заниматься делом, а не собирать всякую рухлядь. Может, коврик можно съесть? Или укрыться им? Или сесть на него и доехать по снегу домой, как на санках? Отвечай, несноснейший из грызунов!

— Ты-хочешь-сказать, — прошипел вышедший из себя Крыс, — что дверной коврик ни о чём тебе не говорит?

— Слушай, Крыс, — Крот не скрывал раздражения, — мы уже досыта позабавились. Разве слыхал кто от дверных ковриков *хоть слово*? Они не говорят. Они вообще не для этого. Дверные коврики свое место знают.

— А теперь слушай, ты, упрямый тупица, — ответил Крыс, взъярившись не на шутку, — хватит болтать. Молчи и разгребай, греби, скреби, копай, да гляди в оба, особенно на склоны пригорка, если хочешь сегодня спать в тепле и сухости, потому что это — наш последний случай!

Крыс с пылом бросился на снежную насыпь поодаль, он тыкал в неё дубинкой и копал прямо с яростью, и Крот тоже ковырял снег усердно — более чтобы уважить Крыса, чем по какой-то другой причине, ибо считал, что друг просто повредился рассудком.

Ещё минут десять упорного труда — и конец Крысовой дубинки обо что-то глухо стукнулся. Крыс поковырял ещё, чтобы можно было сунуть лапу и прощупать, а потом позвал Крота на помощь. Оба зверька пыхтели вовсю, пока плоды их трудов не предстали во всей полноте перед удивлённым и все еще недоверчивым Кротом.

На склоне того, что казалось сугробом, появилась крепкая на вид тёмно-зеленая дверца. Сбоку свисала железная ручка звонка, а пониже на небольшой медной табличке была аккуратно выгравирована угловатыми печатными буквами надпись, которую они прочитали в лунном свете:

Мистер БАРСУК

От неожиданной радости Крот навзничь опрокинулся в снег.

— Крыс! — покаянно вопил он. — Ты чудо! Настоящее чудо, вот ты кто. Я всё понял! Ты всё продумал, шаг за шагом, мудрой своей головой, с той самой минуты,

когда я упал и порезался, а ты взглянул на порез, и сразу волшебный разум сказал тебе: «Скоба у двери!» И ты вернулся, и нашёл скобу, о которую я порезался! Остановился ты на этом? Нет. Кто другой остановился бы, но не ты. Твой ум продолжал работать. «Только бы отыскать коврик, — сказал ты себе, — и моя теория подтвердится!». И, конечно же, ты нашёл коврик. Ты такой умный, что, я уверен, всегда найдёшь то, что нужно. «Теперь, — сказал ты, — дверь существует, я словно вижу её. Осталось её найти!». Знаешь, я читал про такое в книжках, но ни разу не встречал ничего похожего в жизни. Тебе надо туда, где тебя оценят по достоинству. Ты просто губишь себя в нашей компании. Будь у меня такая голова, Крысси...

— А раз у тебя её нет, — грубо перебил Крыс, — ты, похоже, собрался всю ночь провести на снегу и в болтовне? Вставай, берись за ручку звонка, что перед тобой, и звони изо всех сил, пока я буду стучать! — Тут Крыс бросился на дверь со своей дубинкой, а Крот подпрыгнул к ручке, ухватился за неё и повис, причем задние лапки его болтались в воздухе, и через довольно долгое время они с трудом расслышали, как где-то глухо зазвенел колокольчик.

IV. Мистер Барсук

Они терпеливо ждали, как показалось, довольно долгое время, притопывая на снегу, чтобы согреться. Наконец, послышались шаркающие шаги, приближившиеся к двери изнутри. Создавалось впечатление, и Крот указал на это Крысу, что кто-то идёт в ковровых туфлях, которые, к тому же, ему велики и стоптаны; отадим Кроту должное: так оно и было.

Лязгнул отодвинутый засов, и дверь приоткрылась всего на несколько дюймов; этого хватило, чтобы в щель высунулась длинная морда с парой, заспанных моргающих глазок.

— Вот в следующий раз, когда такое случится, — сказал грубовато-подозрительный голос, — рассержусь не на шутку. Ну, а на этот раз кто поднял меня среди ночи? Отвечай!

— Ой, Барсук, — закричал Крыс, — впусти нас, пожалуйста. Это я, Крыс, и мой друг Крот; и в снегопад мы сбились с дороги.

— Как, Крысси, милый мой малыш! — совсем другим голосом воскликнул Барсук. — Входите же, быстрей входите оба. Э, так и пропасть недолго. Как пить дать! Заблудиться в снегу! Да в Дремучем Лесу, да в ночную темень! Ну, входите же.

Торопясь оказаться внутри, гости засуетились, но как только дверь за ними захлопнулась, оба сразу почувствовали огромную радость и облегчение.

Барсук, облачённый в халат до полу и шлёпанцы, и вправду совсем стоптанные, держал в лапе плоский подсвечник; хозяин, наверно, как раз направлялся в спальню, когда услыхал их звонок. Он доброжелательно взглянул на гостей и потрепал их по загривкам.

— Не годится зверькам выходить из дома в такую ночь, — произнёс он отеческим тоном. — Боюсь, что это одна из твоих затей, Крысси. Ладно, пошли, проходите на кухню. Там чудесный очаг, и ужин, и всё остальное.

Барсук шаркал ногами впереди, освещая дорогу, а друзья не отставали и подталкивали друг друга, предвкушая всю прелест кухни; они шли длинным тёмным и, по совести, довольно запущенным коридором, пока не попали

в некоторое подобие центральной прихожей, от которой расходились другие, похожие на тунNELи, коридоры — таинственные и, казалось, бесконечные. Но были в прихожей и двери: крепкие, дубовые, хранившие, казалось, покой. Одну из них Барсук распахнул, и на вошедших разом хлынули свет и тепло просторной освещённой огнём кухни.

Пол здесь был вымощен изрядно стёршимся красным кирпичом, а на поленьях, сложенных в широком очаге между двумя сиденьями по бокам, в каминной нише, пылал огонь, и в тяге сомневаться не приходилось. Пара скамей с высокими спинками, обращённых одна к другой и стоявших по обе стороны камина,

тоже предназначались для любителей поболтать. Середину комнаты занимал длинный стол из грубых досок, опертых на козлы, вдоль него тянулись две лавки. На одном конце стола виднелось отодвинутое кресло и остатки простого, но сытного ужина Барсуга. Ряды тарелок без единого пятнышка поблескивали на полках буфета в дальнем конце кухни, а с балок над головой свисали окорока, связки сухих трав, косицы лука, корзинки с яйцами. Здесь, пожалуй, герои могли бы отпраздновать победу, усталые жнецы, усевшись в ряд, с весельем и песнями отметить праздник урожая^{*}, а два-три приятеля без особых претензий – привольно расположиться, поесть, покурить и поболтать, ни о чем не тревожась. Красный кирпичный пол улыбался продымлённому потолку, дубовые скамьи, прётёрты до блеска, весело переглядывались друг с дружкой, тарелки в буфете подмигивали горшкам на полке, а отсветы весёлого пламени играли на всех предметах без исключения.

Славный Барсук усадил гостей поближе к огню, чтобы те хорошоенько прогрелись, и велел снять сырую одежду и ботинки. Он принёс им халаты и шлёпанцы, собственноручно промыл Кроту лапку тёплой водой и залепил ранку пластирем, после чего лапка стала как новая, если не лучше. Окружённые теплом и уютом, согреваясь и обсыхая, вытянув перед собой усталые лапки, слушая соблазнительный стук тарелок, расставляемых позади них на столе, гости почувствовали себя зверьками, потрёпанными бурей, но нашедшими всё же тихое пристанище, из которогоказалось, что стужа и бездорожье Дремучего Леса лежат на много миль вдали, а всё, что стряслось – не более, чем полуза забытый сон.

Когда, наконец, гости совсем согрелись, Барсук пригласил их к столу, где его стараниями приготовлено было подлинное пиршество. Друзья и так изрядно проголодались, а когда перед ними развернулась картина ужина, вопрос свёлся лишь к тому, с чего начать: ведь всё выглядело так аппетитно, что непросто было решить, какое блюдо может подождать, пока и ему уделят внимание. Довольно долго беседа была просто невозможна, а когда всё же стала понемногу разгораться, то напоминала те достойные сожаления беседы, когда все говорят с набитым ртом. Барсук на такие мелочи внимания не обращал, не волновали его и локти гостей на столе или то, что все говорили разом. Он не любил Общество и держался мнения, что всё это ерунда, тут и говорить не о чём. (Мы, конечно, знаем, что здесь Барсук ошибался, проявляя узость взглядов; всё перечисленное вовсе не настолько лишено смысла, хотя почему – объяснять слишком долго). Он сидел в своем кресле во главе стола и важно кивал головой в промежутках между историями, которые зверьки ему рассказывали; он не выглядел удивлённым или потрясённым ни в малейшей мере, и ни разу не сказал «я же предупреждал» или «этого следовало ожидать», не советовал поступать так-то и так-то или чего-нибудь никогда не делать. Крот начал испытывать к хозяину самые тёплые чувства.

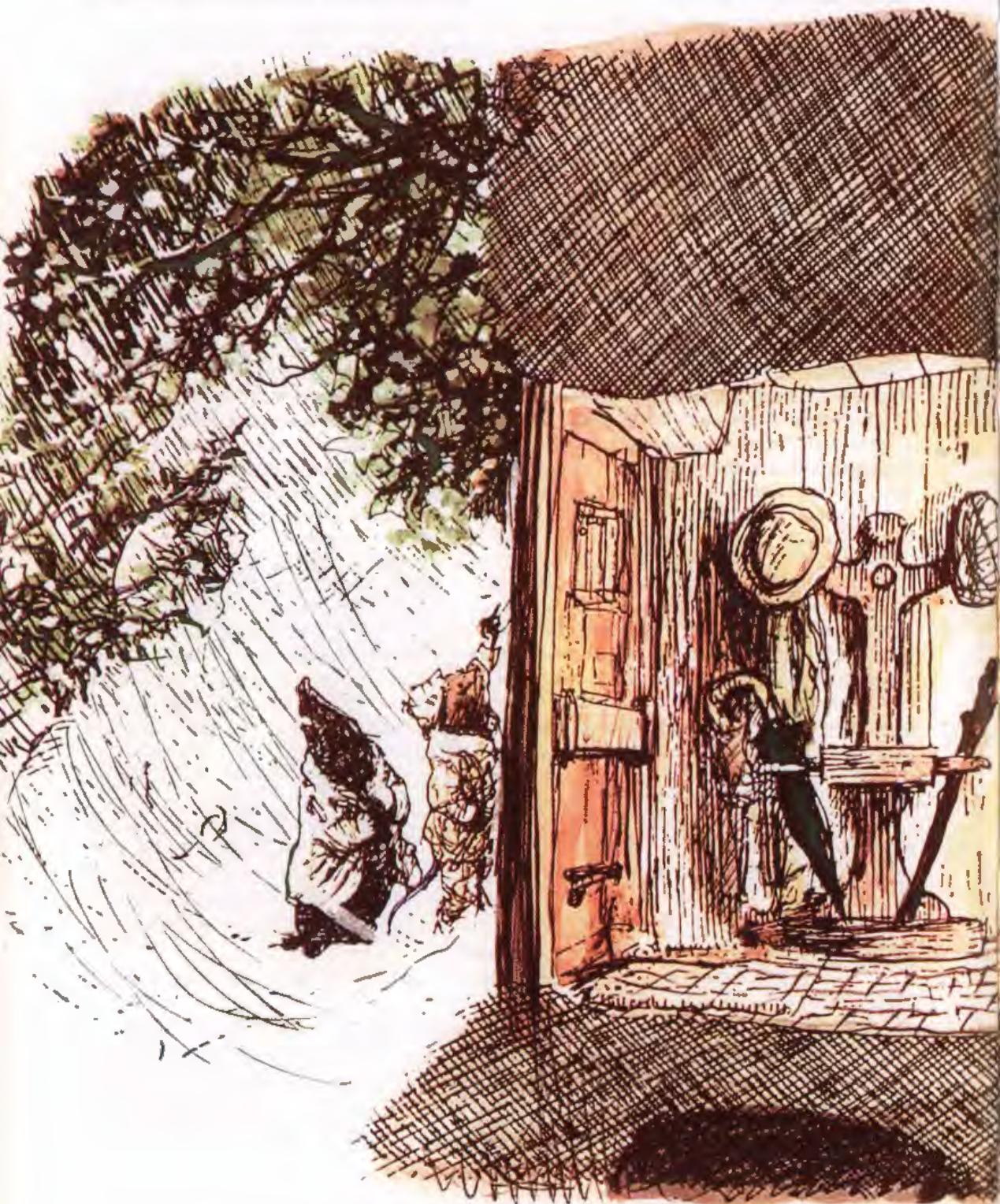
Когда ужин, наконец, окончился и зверьки почувствовали, что шкурка у них на животиках растянулась до опасных пределов, когда, кажется, никому ни до кого уже не было дела, они расположились вокруг тлеющих угольков – остатков целой поленницы – с мыслями о том, как славно сидеть *так* поздно, *так* независимо и *такими* сытыми; и когда они просидели достаточное время, рассуждая на столь общие темы, Барсук искренне поинтересовался:

– Ну, рассказывайте, что нового в вашей части света. Как поживает старина Жаб?

– О, чем дальше, тем хуже, – важно ответил Крыс, а Крот, забравшийся на скамью погреться у камина, задрав лапки выше головы, попытался состроить скорбную мину. – Очередная авария на прошлой неделе, причём серьезная. Видишь ли, он желает править машиной сам, но, к несчастью, напрочь к этому непригоден. Ему бы нанять в шоферы приличного, спокойного, знающего дело зверька, да

* «Урожайный ужин» проводят в Англии после сбора хлебов, обычно в октябре. Хозяева собирают всех, кто помогал в поле, а посреди стола или под балкой помещают последний убранный сноп.

платить как следует, доверив всё, что касается машины, и не ведать забот. Так нет же, возомнил себя прирожденным водителем, думает, что в учителях не нуждается – со всеми вытекающими последствиями.

— Сколько их уже было? — спросил Барсук, нахмурившись.

— Аварий или машин? — уточнил Крыс. — Впрочем, когда речь о Жабе, это одно и то же. Эта — седьмая. А что до остальных... помнишь его каретный сарай? Так вот, он забит — под самую крышу — обломками машин, и ни единого куска больше твоей шляпы! Это — за счёт шести предыдущих аварий, если там вообще хоть что-то можно сосчитать.

— Трижды лежал в больнице, — вставил Крот. — А какие штрафы платит — подумать страшно.

— Да, но и это ещё не все, — продолжил Крыс. — Жаб богат, что всякий знает, но он не миллионер. И безнадёжно скверный водитель, ему дела нет до закона и порядка. Рано или поздно или погибнет, или разобъётся, одно из двух. Барсук! Мы ведь ему друзья, нельзя сидеть сложа лапы!

Барсук серьезно задумался.

— Послушайте! — сказал он, наконец, довольно сурово. — Вы понимаете, конечно, что сейчас я ничего сделать не могу?

Друзья согласились, вполне понимая ход его мысли. Ни от одного зверька, следуя лесному этикету, нельзя требовать самых простых действий, не говоря уже о героических или хотя бы умеренно-активных, зимой, в мёртвый сезон. Все ходят сонные, а некоторые спят по-настоящему. Все в той или иной мере зависят от погоды, все отдыхают после напряжённых дней и ночей, когда проверялся каждый мускул, а силы тратились без остатка.

— Тогда ладно! — продолжал Барсук. — Но как только солнце повернёт на лето, дни станут длиннее, как только с полуночи каждым овладеет смутное беспокойство и захочется встать на рассвете, если не раньше — ну, сами знаете...

Оба зверька важно кивнули. Они знали!

— Вот тогда, — добавил Барсук, — мы, то есть ты, я и наш новый друг Крот, зайдёмся Жабом всерьёз. Мы его глупостей не потерпим. Мы призовём его к порядку, надо будет — силой призовём. Мы заставим его быть благоразумным Жабом. Мы... Крыс, ты же спиши!

— Нет-нет, — возразил Крыс, встряхиваясь и зевая.

— Он уже за столом засыпал раза два или три, — засмеялся Крот. Сам он чувствовал в себе бодрость и даже живость, хоть и не знал, почему. Причина, конечно, таилась в том, что Крот был подземным жителем и по рождению, и по

воспитанию, и весь дух Барсучьего дома очень ему подходил и напоминал собственное жилище; Крыс же привык спать с окнами, открытыми свежему речному ветру, поэтому под землей был сонным и подавленным.

— Ну что ж, пора всем на покой, — сказал Барсук, поднимаясь, и достал плоский подсвечник. — Пойдёмте со мной, вы оба, отведу на ночлег. И не спешите вставать, позавтракаете, когда захотите!

Он проводил зверьков в длинную комнату — казалось, полуспальню, получердак; зимние припасы Барсука, от которых ломился весь дом, занимали здесь половину места: горы яблок, репы, картофеля, полные корзины орехов, горшочки с мёдом; но две белые кроватки на свободной части пола казались мягкими и уютными, а постельное белье, пусть и грубое, было чистым и чудесно пахло лавандой; Крот и Водяной Крыс в полминуты скинули с себя одежду и с огромным удовольствием зарылись в простины.

Следуя предложению добрейшего Барсука, оба утомлённых зверька на следующее утро спустились к завтраку страшно поздно; на кухне уже пыпал яркий огонь, а на лавках у стола сидели, уплетая овсянку из деревянных плошек, два ежонка. С появлением друзей ежики отложили ложки, встали и учтиво поклонились.

— Полно, сидите, сидите, — любезно сказал Крыс, — занимайтесь овсянкой. Как вы сюда попали, ребяташки? Заблудились в снегу, полагаю?

— Именно так, сэр, — вежливо ответил ежик постарше. — Я и малыш Билли, мы хотели добраться до школы, мама велела нам идти в школу, несмотря на непогоду, и, конечно, мы заблудились, сэр, и Билли взял да разревелся, заячья душонка. Наконец мы, к счастью, оказались у задней двери мистера Барсука и набрались смелости постучать, сэр, ведь мистер Барсук добросердечный джентльмен, это всякий скажет...

— Понятно, — молвил Крыс, нарезая бекон ломтиками, в то время как Крот разбил несколько яиц на сковородку. — Как там погода на дворе? И незачем говорить «сэр» так часто, — добавил он.

— О, погода жуткая, сэр, столько снегу навалило, — сказал ежик. — Джентльменам вроде вас лучше остаться дома.

— Где мистер Барсук? — поинтересовался Крот, державший кофейник над огнём.

— Хозяин ушёл к себе в кабинет, сэр, — ответил ёжик, — и сказал, что будет особенно занят сегодня утром, и просил ни по какому поводу его не тревожить.

Такое объяснение, конечно же, поняли все присутствовавшие. Дело в том, что если, как было сказано, живёшь активной жизнью шесть месяцев в году, а остальные шесть месяцев проводишь сравнительно или по-настоящему спокойно, то неудобно постоянно ссылаться на сонливость, когда в доме не один или надо что-то сделать. Извинения могут надоест. Зверьки отлично знали, что Барсук, сытно позавтракав, ушёл к себе в кабинет, уселся в кресло, задние лапы положил на другое, накрыл морду красным бумажным платком и занялся обычным для этого сезона «делом».

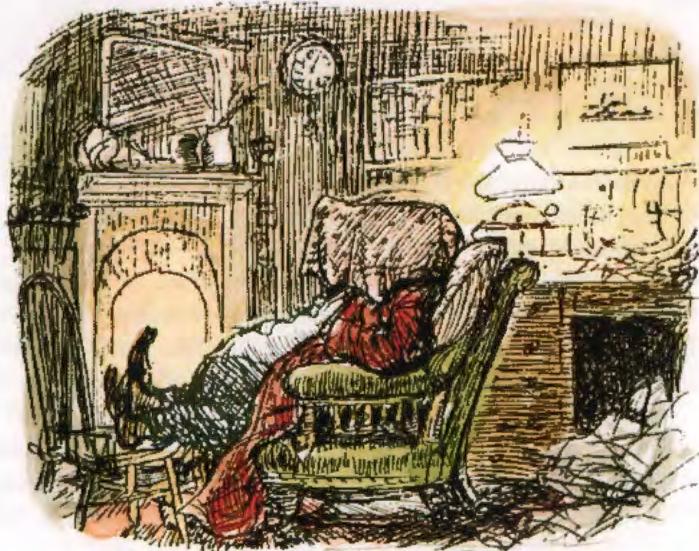
Колокольчик у входной двери громко зазвонил, и Крыс, изрядно вывозившийся в масле, пока намазывал хлебец, послал Билли, младшего ежонка, посмотреть, кто бы это мог быть. Из прихожей донесся топот, и Билли тут же

вернулся, ведя за собой Выдру; тот кинулся к Крысу с объятьями и радостными приветствиями.

— Пусти! — бормотал Крыс, всё ещё с набитым ртом.

— Так и знал, что здесь ты в полном порядке, — весело отвечал Выдр. — На речном берегу все всполошились, когда я появился там утром. «Крыс не ночевал дома, и Крот тоже, случилось что-то ужасное» — говорили мне; ну а снег, ясное дело, скрыл все ваши следы. Но я-то знаю: попади кто в беду, сразу кинется искать помощи у Барсука, если только Барсук не узнает о чужой беде сам, вот я и отправился прямо сюда через весь Дремучий Лес, по глубокому снегу! Бог мой! Вот здорово-то было бежать по лесу, когда красное солнце подсветило на восходе чёрные деревья! Бежишь себе впритруску, а шапка снега с веток — хлоп! Так и подпрыгнешь от неожиданности, и захочется где-нибудь укрыться. Снежные замки, снежные пещеры неизвестно откуда взялись за одну ночь, а ещё снежные мости, террасы, валы — так и остался бы там поиграть на часок-другой. Повсюду валяются большущие ветки, сломанные тяжестью снега, и малиновки садятся на них, и прыгают с ветки на ветку с обычным своим надутым видом, словно сами всё это натворили. Гуси неровной вереницей пронеслись высоко в сером небе, да несколько грачей покружили над деревьями, посмотрели, что и как, и улетели вовсю, недовольно треща крыльями; но я так и не встретил никого, кто мог бы про вас знать. Где-то на полпути мне попался кролик — сидел на пне и умывал лапками глупую мордочку. Он здорово струхнул, когда я подобрался сзади и положил ему тяжёлую лапу на плечо. Пришлось дать пару подзатыльников, чтобы привести в чувство. Наконец, удалось вытрясти из парня, что прошлой ночью один из его собратьев видел в Дремучем Лесу Крота. В норках болтают, сказал он, что Крот, близкий друг мистера Крыса, попал в переделку; он заблудился, а «Они» вышли на охоту и гоняли бедолагу круг за кругом. «И почему же никто из вас ничем ему не помог? — спрашивала. — У мом не блещете, но вас сотни и сотни, здоровенных, крепких ребят, жирных, как масло, и норы у вас повсюду, могли бы взять, да укрыть его в безопасном месте, или хоть попытаться укрыть». «Кто, мы? — только и спросил он. — Что-то сделать? Нам, кроликам?» Тут я поддал ему ещё разок и побежал дальше. Больше ничего не оставалось. Кое-что всё же узнал; а выпади мне удача повстречать кого-нибудь из «Них», узнал бы побольше — или они у меня кое-что узнали бы.

— А ты не... э... не нервничал? — спросил Крот; какая-то часть вчерашних ужасов вернулась к нему с этими разговорами про Дремучий Лес.

— Нервничал? — Выдр улыбнулся, сверкнув набором крепких белых зубов. — Я б им показал «нервы», только сунься кто. Послушай, Крот, будь другом, поджарь мне ломтик-другой ветчины. Чертовски проголодался, и надо еще столько всего рассказать Крысси. Целую вечность его не видел.

Добродушный Крот нарезал ветчину, послал одного из ёжиков её жарить и вернулся к собственному завтраку, а Крыс и Выдр, склонившись друг к другу, погрузились в речные новости, а нового на реке всегда много, и беседа такая бесконечна, она течет, как сама говорливая река.

Тарелка с жареным беконом только что очистилась и была послана за добавкой, когда вошёл, зевая и протирая глазки, Барсук; он поприветствовал всех на свой спокойный, задушевный манер, и для каждого нашёл доброе слово.

— Пожалуй, пора перекусить, — заметил он Выдру. — Оставайся и позавтракай с нами. Ты, наверно, проголодался, вон какое утро холодное.

— Охотно! — согласился Выдр, подмигнув Крысу. — При виде этих юных прожорливых ёжиков, набивающих брюшко жареной ветчиной, и у меня аппетит разыгрался.

Ежата, как раз успевшие снова проголодаться после овсянки и тяжких трудов по обжариванию бекона, робко посмотрели на мистера Барсука, но сказать что-либо постеснялись.

— Вы, ребятишки, отправляйтесь-ка домой, к маме, — ласково сказал Барсук. — Я пошлю кого-нибудь вас проводить. Уверен, что обедать вам сегодня не захочется.

Он дал каждому малышу по шестипенсовику, погладил по головкам и они ушли, вежливо приподняв на прощанье шапки и кивнув чубчиками.

Вскоре все снова собрались за ленчом. Крот оказался рядом с мистером Барсуком, и, пока двое других приятелей с головой ушли в последние речные новости — занятие, от которого оторвать невозможно — воспользовался случаем сказать хозяину, как уютно, по-домашнему чувствует он себя в этом жилище.

— Что под землей хорошо, — говорил он, — так это то, что не грозят никакие неожиданности. Ничего с тобой не случится, и никто тебя не обидит. Сам себе хозяин, ни у кого не надо спрашиваться. Наверху всё идёт своим чередом, и пусть себе идёт, тебя это не касается. А если так уж захочется, поднимись наверх и погляди, что там творится.

Барсук прямо расцвел от удовольствия.

— Именно так всегда и говорю, — подхватил он. — Нигде не найдёшь безопасности, мира и покоя, кроме как под землей. Ну, а коль мысли идут дальше, хочется простора — так копай, скреби, и все дела! Почувствуешь, что дом стал великоват — завали один-два прохода, и порядок! Ни тебе строителей, ни торговцев, никаких замечаний от прохожих, что суют нос через забор, и, главное, никакой погоды. Возьмём хоть Крыса. Поднимись вода на пару футов, и ему надо искать другую квартиру, возможно, неуютную, далеко расположенную и жутко дорогую. Возьмем Жаба. Ничего не имею против Жаб-холла: лучший дом в округе — как дом. А случись пожар, где будет Жаб? А если свалится черепица, стены просядут или дадут трещины, или стёкла побьются — что станет с Жабом? А если в комнатах сквозняк — терпеть не могу сквозняков — каково будет Жабу? Нет, хорошо подняться наверх, выйти наружу, побродить туда-сюда, но, в конце концов, вернуться под землю; вот так я понимаю дом!

Крот с жаром согласился, и Барсук проникся к нему ещё большей симпатией.

— Управимся с едой, — сказал он, — покажу тебе весь свой домишко. Ты, сдаётся мне, его оценишь. Ты понимаешь, как должен быть устроен дом.

После трапезы, когда двое друзей с реки поудобнее устроились на угловых сиденьях у камина и яростно заспорили по поводу угрей, Барсук зажёг лампу и пригласил Крота следовать за собой. Миновав прихожую, они двинулись одним из главных туннелей, где дрожащий огонёк лампы выхватывал из тьмы по обе стороны разные помещения: обширные и тесные, одни не больше шкафа, другие просторные, как столовая в Жаб-холле. Узкий проход, отходивший от главного туннеля почти под прямым углом, вывел их в другой коридор, и там было всё то же самое. Крота ошеломили размеры, протяжённость, разветвлённость всего увиденного; он восхищён был длиной тёмных туннелей, прочными сводами набитых доверху кладовых, кирпичной кладкой, колоннами, арками, мощёным полом.

— Разве на поверхности, — вымолвил он, наконец, — хватит времени и сил построить вот этакое? Поразительно!

— *Было бы* вправду поразительным, — просто ответил Барсук, — сделай я всё это *сам*. Но, по правде говоря, я тут ни при чем, только очистил туннели и помещения, которые мне нужны. Тут их повсюду гораздо больше. Ты, вижу, не понял, сейчас объясню. Давным-давно на том самом месте, где сейчас шумит Дремучий Лес, *ещё до того, как он вообще появился*, а потом вырос и стал таким, как сейчас, был город — город людей, конечно*. Здесь, где мы сейчас стоим, они жили, прогуливались, разговаривали, спали, занимались делами. Здесь на конюшнях стояли их лошади, здесь они пировали, отсюда верхом отправлялись сражаться или торили торговые пути. Это были сильные люди, богатые, замечательные строители. Строили на века, потому что думали, будто город их будет стоять вечно.

— Но что с ними стало? — спросил Крот.

— Кто знает? — ответил Барсук. — Люди приходят, осматриваются, богатеют, строят — и уходят. Так у них принято. А мы остаёмся. Барсуки жили здесь, я слыхал, задолго до того, как появился город. И снова барсуки здесь. Нам приходится немало

* Речь идёт о римлянах, высадившихся в Британии в 55 г. до н.э. и покинувшими её в конце IV в.н.э.

вытерпеть всякого, можем даже уйти на время, но мы ждём, ждём терпеливо, и непременно возвращаемся. И так будет всегда.

— Ну, а что случилось, когда ушли люди? — поинтересовался Крот.

— Когда они ушли, — продолжал Барсук, — за дело взялись могучие ветры и бесконечные дожди; они работали терпеливо и неотступно, год за годом. Может, и мы, барсуки, помогли в меру слабых сил, кто знает? Вниз, вниз, вниз — город все время разрушался, сравнивался с землей, уходил в небытие. А затем всё пошло в рост — вверх, вверх, всё время вверх: из семян выросли побеги, из побегов деревья, а на помощь им спешили ежевика и папоротник. Листва ковром устилала землю, половодье несло песок и почву, забивая все щели, все сравнивая, и, годы спустя, наши дома снова ждали нас, и мы вернулись. Над нами, на поверхности, случилось то же самое. Звери вернулись, осмотрелись, выбрали себе жилища, заняли их, распространились и преуспели. До прошлого им дела мало: поразмыслить некогда, слишком заняты. Местность тут немного холмистая, с буграми; нор, ясное дело, полно, но это, скорей, преимущество. И будущее зверей не заботит, а в будущем сюда снова могут нагрянуть люди — на время; запросто могут. Сейчас Дремучий Лес изрядно заселён; народец тут разный — славный, скверный, никакой — не хочу называть имен. В мире всякого хватает. Да ты, думаю, и сам успел это заметить.

— Вот-вот, — согласился Крот и слегка вздрогнул.

— Ну-ну, — Барсук похлопал гостя по плечу, — ты ведь попал сюда впервые, сам понимаешь. Не такие уж они, в общем, гадкие; надо и самим жить, и другим не мешать. Завтра я тут дам знать кое-кому, и, думаю, неприятностей у тебя больше не будет. *Мои* друзья в этих краях гуляют, где им захочется, а нет — я живо наведу порядок!

Возвратившись на кухню, они увидели, что Крыс беспокойно шагает взад-вперед. Гнетущий дух подземелья действовал ему на нервы, и он, казалось, начинал

бояться, что река сбежит куда-нибудь, если он не будет за ней приглядывать; Крыс успел одеться, и пистолеты снова торчали у него из-за пояса.

— Нам пора, Крот, — обеспокоенно заметил он, едва завидев обоих зверьков. — Надо выйти засветло. Не хочу еще раз ночевать в Дремучем Лесу.

— Всё будет в порядке, дружище, — успокоил его Выдр. — Я вас

проводжу, дорогу я и с закрытыми глазами найду; и если здесь кто-то хочет получить трёпку – положись на меня, получит.

– И правда, Крыс, не волнуйся, – добавил Барсук мягко. – Мои туннели длиннее, чем ты думаешь; запасные выходы выводят прямо на опушку, хотя не обязательно, чтобы все про это знали. Придёт время уходить, воспользуетесь кратчайшим путем. А пока расслабься и присядь.

Крыс, тем не менее, был так взвинчен, так хотел идти и поглядеть, что творится с его рекой, что Барсук снова взял лампу и повел их сырым душным туннелем, с поворотами и спусками, местами сводчатым, кое-где пробитым в сплошной скале, таким долгим, что, казалось, они прошли целые мили. Наконец, свет робко блеснул сквозь заросли, укрывавшие выход; здесь Барсук сердечно попрощался с гостями, торопливо помог им выбраться наружу, привёл, по возможности, всё в прежний вид, прикрыл корневыми побегами, валежником, сухой листвой, и двинулся в обратный путь.

Друзья оказались на самом краю Дремучего Леса. Позади остались кучи камней, поросших ежевикой и оплетённых корнями деревьев – спутанными, беспорядочно перевившимися; впереди открывался неоглядный простор безмятежных полей, расчерченных рядами изгородей – чёрных на снегу; а где-то далеко-далеко под лучами повисшего над горизонтом красного солнца поблескивала их старая знакомая – река. Выдр, знавший все тропы, шёл впереди, прямиком ведя друзей к ближайшему перелазу. Они замерли на миг и оглянулись, охватив взглядом весь Дремучий Лес – густой, грозный, плотно сгрудившийся, мрачно лежавший на бескрайнем белом фоне; зверьки разом отвернулись от леса и заспешили домой, к огням, освещавшим знакомые места, к голосу, радостно звеневшему у них за окошком – голосу реки, которую они знали, которой доверяли в любую пору, которая никогда и ничем их не пугала.

Крот спешил, с радостью предвкушая миг, когда снова окажется дома, среди любимых и знакомых вещей; он особенно ясно понял, что накрепко привязан к миру возделанных полей, живых изгородей, борозд, оставленных плугом, огороженных пастбищ, тропинок для прогулок по вечерам, ухоженных садов. Пусть выпадут на долю других лишения, дела, требующие упрямства и выносливости, столкновения или настоящие стычки из тех, что неразрывно связаны с Природой, – ему пора стать умнее, держаться уютных мест, для которых создан, где ему вдоволь хватит приключений на всю оставшуюся жизнь.

V. Dulce Domum*

За плетнём жались друг к дружке, сбившись в кучу, овцы; они раздували тонкие ноздри, притопывали изящными копытцами, забрасывали назад головы, и легкий парок поднимался в морозное небо над овечьим закутом, мимо которого прошагали два зверька; оба пребывали в добром расположении духа, болтали и смеялись. Они полем возвращались домой после долгого дня, проведённого вместе с Выдром; друзья исследовали верховья реки **, где берут неприметное начало все образующие её ручьи; тени короткого зимнего дня нагоняли их, а идти было ещё далеко. Наудачу бредя через пашню, они услыхали, как блеют овцы, и повернули в ту сторону; теперь, миновав закут, нашли хоженую тропку, шагать по которой было веселее, и которая, самое главное, отвешала скромному требованию, тому, что сидит внутри каждого зверька и безошибочно подсказывает: «Да, всё верно, эта дорога – к дому!».

– Мы, похоже, вышли к деревне, – сказал Крот не вполне уверенно, замедляя шаг в том месте, где тропка, успев стать сначала тропой, а потом и дорожкой, теперь вывела их на гладкое шоссе. Зверьки сторонятся деревень; привычные им пути хоть и бывают оживлёнными, но обходят стороной церковь, почтовую контору и общественное здание.

– Ну, не робей! – велел Крыс. – В это время года, да ещё ближе к вечеру, все сидят по домам, у камелька – мужчины, женщины и дети, собаки и кошки, и все прочие. Пройдём спокойно, безо всяких неприятностей, заодно, если хочешь, заглянем в окошки, узнаем, что там творится.

Торопливые декабрьские сумерки тихо окутали деревушку, куда друзья вошли, ступая мягкими лапками по свежему пушистому снегу. Мало что удавалось разглядеть, кроме оранжево-красных квадратов по обеим сторонам улицы, где свет очага или лампы прерывался сквозь оконные переплёты во тьму окружающего мира. Большинство низких решётчатых окон занавешено не было, и на взгляд, брошенный снаружи, обитатели домов, собравшиеся за обеденным столом, поглощённые хлопотами по хозяйству, занятые веселой, мирной беседой, отличались той естественной грацией, которая трудней всего дается профессиональным актерам: грацией людей, не знающих, что за ними наблюдают. Переходя от одного театра к другому, наши два зрителя, очутившиеся вдали от собственного жилья, немного затосковали: вот кто-то гладит кошку, уснувшего малыша на руках относят в кроватку, усталый мужчина трясёт и выбивает трубку о край тлеющего полена.

Но из одного занавешенного оконца лился в ночь свет простой, чистый, прозрачный, и чувство дома, чувство своего мира, заключённого в родных стенах, позволяющего отвлечься от тревог мира внешнего, мира Природы, забыть о нём, стало особенно сильным. За белой шторой ясно различалась птичья клетка; каждая проволочка, насест, любая деталь легко узнавалась, даже полусклёванный кусочек вчерашнего сахара. Нахохленный обитатель сидел на средней жёрдочке, зарыв головёнку глубоко в перья, сидел, казалось, так близко, что можно, при желании, его погладить; даже изящный хохолок вырисовывался над плавной линией оперения, словно на подсвеченном экране. Пока они смотрели, сонный малый чуть шевельнулся, встряхнулся и поднял голову. Он зевнул со скучающим видом, раззявив на друзей клювик, и снова зарылся головой в хвост, и пёрышки,

* Начало первой строки гимна, который распеваю ученики Винчестера и других подобных школ перед выпускным на каникулы: "Dulce domum resonemus", т.е. «Начнём сладостную песнь о доме» (лат.). В переносном смысле – «милый дом».

** Читатель, внимательный к подробностям, обнаружит неточность на «карте» Э.Шепарда, предваряющей текст: там деревня, о которой идёт речь, находится *ниже*, а не выше по течению!

растопырившиеся было, улеглись каждое на своё место. Тут резкий порыв ветра влетел зверькам за шиворот, а ледяные крупинки на шкурках пробудили от мечтаний; оба почувствовали вдруг, как устали и замерзли у них лапы, как далеко ешё да дому.

На околице, где дома кончались как-то сразу, сквозь тьму с обеих сторон дороги снова пахнуло родными полями; зверьки собрались с силами на последний долгий переход, на последний рывок к дому, тот, что кончается, как известно, стуком в дверь, разом вспыхнувшими окнами, видом знакомых вещей, встречающих вас, словно путешественников, вернувшихся из долгих странствий к дальним берегам. Друзья брели молча, не останавливаясь, и каждый думал о своём. Крот размышлял, в основном, об ужине; тьма вокруг сгустилась, а мест этих он не знал, потому послушно следовал за Крысом, полностью на него положившись. Что до Крыса, тот шагал, по обыкновению, впереди, чуть ссупутившись, неотрывно глядя перед собой на серую ленту дороги; он даже не заметил, как внезапный зов, словно удар током, поразил беднягу Крота.

Мы, все прочие, давно утеряли тонкие физические чувства, мы не находим даже подходящих названий, чтобы выразить внутреннюю связь зверей с окружающим миром, живым и неживым; одним словом «запах» пробуем, например, обять всё множество нежнейших воздействий, щекочущих зверьку нос днём и ночью, призываю, предупреждая, побуждая и отталкивая. Один из таинственных, волшебных призывов из пустоты внезапно настиг Крота во тьме; он снова и снова пощипывал зверька, словно был хорошо ему знаком, хотя Крот не мог пока сообразить, что это за запах. Он замер, поводил носом из стороны в сторону, чтобы не дать порваться тонкой нити, телеграфному сигналу, так сильно на него подействовавшему. Миг — и Крот снова уловил этот зов; на сей раз воспоминания хлынули потоком.

Дом! Вот что они значили, эти ласкающие призывы, эти мягкие прикосновения, принесённые ветром, эти невидимые маленькие ручки, что хватают и тянут — значили все вместе! Да, он, наверно, сейчас совсем рядом, крошечный его домик, брошенный и позабытый хозяином в тот самый день, когда тот впервые открыл для себя реку! И теперь дом выслал разведчиков, посыльных, чтобы они захватили хозяина и вернули его. С того самого бегства солнечным утром Крот почти не вспоминал о доме, так поглотила его новая жизнь со всеми своими радостями, неожиданностями, свежими и яркими впечатлениями. Теперь, под напором воспоминаний, домик вырисовывался в темноте так ясно! Не бог весть какой, тесноватый и бедно обставленный, но свой; дом, который он создал сам, куда так любил возвращаться после дневных забот. И дому тоже, ясное дело, было с ним хорошо; потеряв хозяина, дом хотел, чтобы тот вернулся, он звал Крота запахами, звал печально, с укором, но без горечи и гнева: он лишь робко напоминал о себе, о том, что ждёт.

Зов был отчетлив, а смысл его ясен. Хозяин должен тотчас послушаться и вернуться.

— Крысси! — позвал Крот в радостном возбуждении. — Постой! Вернись! Ты мне нужен, срочно!

— А-а, *идём* быстрее, Крот, шевелись! — бодро отозвался Крыс, не сбавляя шагу.

— *Пожалуйста*, подожди, Крысси! — умолял бедняга Крот, и сердце его щемило. — Ты не понимаешь! Это мой дом, мой старый дом! Я только что его учゅял, он рядом, совсем рядом. И я *должен* вернуться, должен, должен! Ой, Крысси, вернись! Ну, *пожалуйста*, *пожалуйста*, вернись!

Крыс к тому времени ушёл далеко вперед, слишком далеко, чтобы ясно расслышать, что говорит Крот, слишком далеко, чтобы различить острую ноту мольбы в щемящем голоске друга. И его сильно беспокоила погода, ведь он тоже кое-что учゅял: подозрительно пахло надвигающимся снегопадом.

— Крот, нам и вправду нельзя останавливаться! — отозвался он. — Завтра вернёмся, что бы ты там ни нашел. Но сейчас останавливаться нельзя: уже поздно, и скоро снова пойдёт снег, а я не так уж твёрдо знаю дорогу! И мне нужен твой нос, Крот; поспеши, старина! — И Крыс прибавил ходу, не дожидаясь ответа.

Несчастный одинокий Крот стоял посреди дороги, и сердце его рвалось на части; где-то внутри него набухал, набухал ком, готовый вот-вот вырваться наружу вместе с потоком слёз. Но даже в таком испытании Крот сохранил неколебимую верность другу. Ни на миг не допустил он и мысли покинуть Крыса. А тем временем запахи старого дома умоляли, нашёптывали, околдовывали и, наконец, настойчиво требовали. Оставаться далее в их волшебном окружении Крот не посмел. С мучительным усилием, понурив голову, он покорно последовал за Крысом, а слабые, тонкие запахи все ещё касались его убегавшего носа, попрекали новым приятельством и бессердечной забывчивостью.

С трудом нагнал он ни о чём не подозревавшего Крыса, а тот беззаботно разболтался о том, что они станут делать дома, как славно затрещат поленья в очаге гостиной, что у них будет на ужин; он не замечал, каким печальным и сумрачным сделался спутник. Когда, наконец, позади осталась немалая часть пути, и они шли мимо пней на опушке рощицы, вставшей у самой дороги, Крыс остановился и мягко заметил:

— Послушай, Крот, старина, ты страшно устал. Совсем притих, и ноги еле тащишь. Давай присядем на минутку отдохнуть. Снега пока что нет, да и до дому рукой подать.

Крот устало опустился на пенёк и попытался взять себя в лапки, чувствуя, что он уже на пределе. Рыданье, с которым он до сей поры боролся, не сдавалось. Выше, выше — и вот оно вырвалось наружу, и другое, и третье, все чаще и скорее; бедняга отказался от борьбы и заплакал — обильно, беспомощно и открыто; теперь он знал, что всему конец, что он утратил то, чего, в сущности, даже не нашёл.

Крыс, изумлённый и напуганный горем, свалившимся на друга, какое-то время не мог вымолвить ни слова. Наконец, он совсем тихо и участливо спросил:

— Что с тобой, старина? В чём дело? Скажи, может, я смогу помочь.

Бедному Кроту с трудом удавалось вставлять слова между всхлипами, ведь те рвались из груди один за другим, поэтому многие слова он проглатывал.

— Я знаю, он... неказистый, тесный, — с трудом выдавил Крот, наконец, — не то что твоя уютная квартира... или чудесный дом Жаба... или замечательный дом Барсука... но это был мой домик... я любил его... и я ушёл, и позабыл о нем... и вдруг почуял его запах... по дороге, когда звал тебя, Крыс, а ты не стал слушать... и всё на меня нахлынуло... и я хотел вернуться!... О Боже, Боже!... и когда ты не вернулся, Крыси... мне пришлось уйти, а запах я ещё слышал... думал, у меня сердце разорвётся... можно ведь было вернуться и хоть одним глазком взглянуть на дом, Крыси... хоть разок взглянуть... он был совсем рядом... но ты не вернулся, Крыси, ты не вернулся! О Боже, Боже!

Вспоминания всколыхнули новые волны печали, и рыданья задушили Крота, не давая вымолвить больше ни слова.

Крыс молча уставился прямо перед собой и лишь ласково похлопывал друга по плечу. Чуть погодя он пробормотал задумчиво:

— Теперь понятно! Ну и *свиньёй* же я оказался! Просто *свиньёй*! Свиньёй, самой что ни на есть!

Он выждал, пока рыданья Крота стали не такими бурными и сделались более ритмичными, выждал, пока Крот не начал шмыгать носом чаще, а всхлипывать реже. Потом Крыс встал с пня и спокойно сказал:

— Ну, теперь нам и вправду пора, дружище! — и вышел на дорогу, повернув туда, откуда они с таким трудом пришли.

— Куда ты, ик, идёшь, ик, Крыси? — встревожился залитый слезами Крот.

— Мы идём искать твой домик, старина, — ласково объяснил Крыс. — Так что пошевеливайся, дело будет нелёгким, и нам нужен твой нос.

— Не стоит, Крыси, право, не стоит! — воскликнул Крот, вскакивая и устремляясь за другом. — Не надо, послушайся меня! Уже поздно, и темно, и то место мы давно прошли, и снег вот-вот повалит! И... я не хотел, чтоб ты узнал, что у

меня на душе... просто вырвалось как-то случайно, по ошибке! Вспомни про Речной Берег, про ужин!

— К чертам Берег, и ужин тоже! — бросил Крыс в сердах. — Сказано ведь: я решил нынче же найти то место, пусть даже искать придётся всю ночь. Не вешай носа, дружок, давай лапу, и мы мигом вернёмся на то место.

Крот шмыгал носом, упрашивал, но всё же с неохотой потащился назад по дороге за своим властным компаньоном, а тот разными забавными историями и анекдотами надеялся поднять другу настроение и сделать нелёгкий путь чуть короче. Когда, наконец, Крысу показалось, что они вблизи того участка дороги, где на Крота «накатило», он сказал:

— А теперь хватит болтать. К делу! Включай нос и нюхай внимательно.

Они ещё немного прошли молча, как вдруг по лапе Крыса, за которую держался Крот, пробежало что-то вроде слабого электрического разряда, и это что-то пронзило зверька насквозь. Он тут же выпустил лапку Крота, отошёл на шаг и замер — весь внимание.

Появились сигналы!

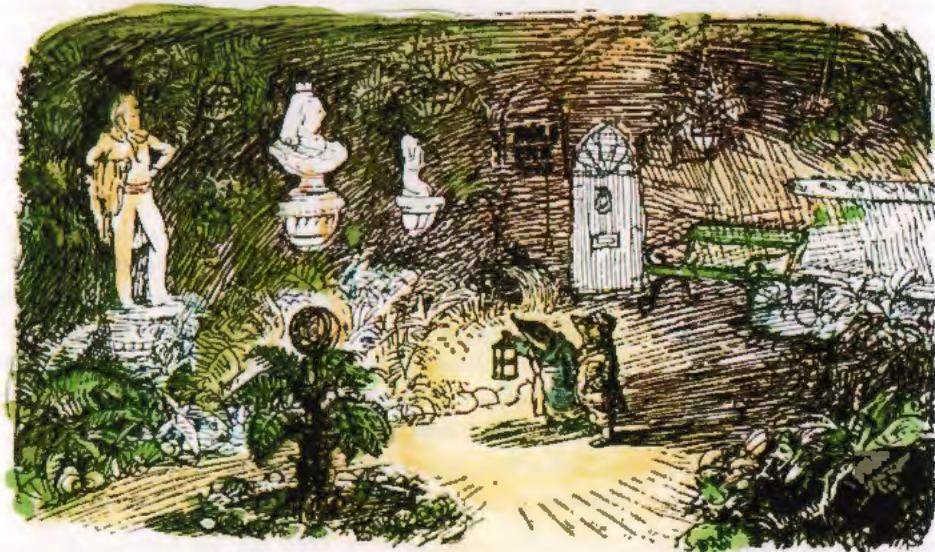
Крот застыл на месте, поднял слегка подрагивавший нос и втянул воздух.

Затем последовал рывок — короткий, быстрый — не туда — потеря следа — назад; потом — медленно, ровно, уверенно — вперёд.

Сильно взбудораженный Крыс дышал Кроту в загривок, а тот с видом лунатика преодолел сухую канаву, продрался через живую изгородь и, ведомый носом, прямиком двинулся в поле — нехоженое, пустынное, едва различимое в слабом мерцании звезд.

Вдруг он без предупреждения куда-то нырнул; Крыс был начеку и живо скатился вслед за другом по туннелю, в который поманил Крота безошибочный нюх.

Было тесно и душно, остро пахло землей; Крыс едва дождался конца туннеля, где можно было распрямить спину, потянуться и отряхнуться. Крот чиркнул спичкой, и в её свете Крыс увидел, что они на открытой площадке, чисто выметенной и присыпанной песочком, а прямо перед ним — маленькая парадная дверь Крота с табличкой, где готическим шрифтом выведено: «Кротовий тупик» — прямо над ручкой звонка.

Крот снял с гвоздя на стене фонарь, и Крыс, огляделвшись, понял, что место это чем-то напоминает передний дворик. По одну сторону двери стояла садовая

скамейка, по другую – газонокосилка; Крот любил в доме порядок и не позволял гостям рыть газоны: такое всегда заканчивается земляными кучами. По стенам висели плетёные корзины, и в них рос папоротник; против корзин на консолях стояли гипсовые бюсты: Гарибальди, младенца Самуила, королевы Виктории, других героев современной Италии*. По одну сторону двора пролегла дорожка кегельбана, вдоль неё выстроился ряд деревянных скамеек и столиков; кружочки на столиках намекали, что место здесь – пивным кружкам. Посередине располагался кругленький пруд с золотыми рыбками и бортиком, выложенным ракушками. В центре пруда высилось причудливое и тоже выложенное ракушками сооружение с посеребрённым стеклянным шаром наверху; шар отражал всё очень криво, но весьма нарядно.

Крот просиял при виде всех этих дорогих ему вещиц; он распахнул перед Крысом дверь, зажёг лампу в прихожей и окинул свой старый дом взглядом. Всюду лежал толстый слой пыли, всё казалось унылым, запущенным, как бывает, если дом давно покинут; Крот увидел, как тесно и скучно в его домике, какая в нём потёртая, жалкая утварь... и рухнул на стул в прихожей, уткнувшись носом в лапки.

– Ой, Крысси! – запричитал он, – зачем я это сделал? Зачем притащил тебя в эту бедную, холодную лачугу, да ещё в такую ночь, ведь ты мог быть сейчас на Берегу Реки, греть лапки у яркого огня, сидеть среди нарядных собственных вещей!

Крыс не обращал внимания на жалобные стенания друга. Он сновал по дому, отворял двери, обшаривал комнаты и буфеты, зажигал лампы и свечи и расставлял их везде, где можно.

– Домик – чудо! – весело воскликнул он. – Такой компактный! Так всё продумано! Всё есть, и всё на месте! Мы славно здесь заночуем. Прежде всего, разведём огонь, сейчас сам этим займусь: я всегда знаю, что где лежит. Так, тут гостиная? Великолепно! Эти кроватки в нишах ты сам придумал? Здорово! Ладно, я займусь растопкой и углем, а ты, Крот, бери тряпку – она в кухонном столе, в ящике – наведи чуть-чуть порядок. Шевелись, старина!

* Конечно, ни Виктория, королева Великобритании с 1837 по 1901 год, ни библейский младенец Самуил, ставший пророком, военачальником и судиёю израильтян [Исаия, 2:25], не имели ни малейшего отношения к «современной Италии» и народному герою Джузеппе Гарибальди (1807 – 1882); но Крот, похоже, в такие тонкости не вникал.

Подбадриваемый неунывающим приятелем, Крот вскочил и замахал тряпкой со всей энергией и пылом, а Крыс тем временем носился по дому с охапками хвороста, и вскоре в камине взметнулся весёлый огонёк. Он позвал Крота погреться, но новый приступ хандры бросил хозяина на кушетку, где тот зарылся мордочкой в пыльную тряпку.

— Крыс, — простонал он, — чем же угостить тебя, озябшего, голодного, усталого? Мне и предложить-то нечего: в доме ни крошки!

— Ну что за тип? — буркнул Крыс. — Я только что видел в посудном шкафчике нож для открывания сардинок, точно помню, что видел; а всякий знает: где нож, там и сардинки. Подымайся! Возьми себя в лапы, и пойдем искать провизию.

Они занялись делом всерьёз, обшарили все шкафы и ящики в доме. Результат оказался неплох, хотя мог быть, конечно, и получше: банка сардинок, коробка сухого печенья, почти полная, копчёная колбаса в серебряной бумаге.

— Настоящий пир! — заметил Крыс, накрывая на стол. — Немало моих знакомых ушей бы собственных не пожалели, чтобы поужинать здесь с нами в эту ночь!

— Хлеба нет, — ныл огорчённый Крот. — И масла нет, и...

— *Pate de foie gras* нет, и шампанского тоже! — подхватил Крыс, ухмыльнувшись. Мне пришло на ум... Эй, что там за дверца в конце коридора? Погреб, ясное дело! Чего только нет в этом доме! Погоди минутку.

Он направился к дверце погреба и вскоре вернулся, сплошь покрытый пылью, сжимая в каждой лапе по пивной бутылке и ещё по одной зажав под мышками.

— Нытик и привереда, вот ты кто, — заметил гость. — Ни в чём себе не отказываешь. Сроду не бывал в таком славном домишке. Кстати, откуда у тебя эти гравюры? С ними тут очень уютно. Не удивительно, что ты любишь свой дом, Крот. Расскажи мне о нём, как тебе удалось так всё устроить.

Пока Крыс расставлял тарелки, раскладывал ножи, вилки, размешивал горчицу в рюмке для яиц, Крот, чья грудка все еще вздымалась от недавних потрясений, рассказывал — поначалу робко, но постепенно всё более оживляясь — как планировалось то, как задумывалось это, а как вот это удалось купить на деньги, вдруг перепавшие от тётушки, а вон та штучка — просто чудесная находка, и досталась задёшево, а эту удалось приобрести ценой упорного труда, отказом от многих «излишеств». Настроение у Крота, наконец, поднялось, он решил непременно обойти свои владения — взять фонарь и показать гостю всё в лучшем свете; он даже забыл об ужине, а ведь обоим им ой, как не мешало подкрепиться; Крыса мучил голод, но он старался и виду не подавать: важно кивал, морщил лоб, а когда умудрялся вставить словечко, то говорил «замечательно» или «бесподобно».

Наконец Крысу удалось подманить Крота к столу, и только он приладился как следует поработать ножом для сардинок, как снаружи, со стороны переднего дворика, донеслись звуки: словно маленькие лапки шаркали по гравию; оттуда долетал смущённый шёпот тоненьких голосков, из которого разобрать удавалось лишь обрывки фраз: «...Так, построились... Томми, фонарик чуть выше... Сначала прочистить горло... не кашлять после того, как я скажу "раз, два, три"... Где малютка Билл?.. Эй, скорей сюда, одного тебя ждём...».

— Кто там? — поинтересовался Крыс, отрываясь от дела.

— Похоже, пришли мыши-полёвки, — ответил Крот с некоторой гордостью. — В эту пору они всегда ходят по домам и поют псалмы и рождественские гимны. В

* Паштета из гусиной печени (*франц.*).

наших краях так давно повелось⁶. И меня никогда стороной не обходят: Кротовий тупик у них на пути последний, обычно я угощаю горячим питьем, а иной раз и ужином тоже, если могу себе такое позволить. Когда их слушаешь, словно возвращаются старые времена.

— Так надо на них взглянуть! — воскликнул Крыс; он вскочил и бросился к двери.

Как только дверь распахнулась, глазам его предстало зрелище — прелестное и вполне по сезону. В переднем дворике под тусклым фонарём с роговой пластинкой вместо стекла полукругом стояли восемь или десять мышей-полёвок, повязанных красными шерстяными шарфами; передние лапки они засунули в самую глубь карманов, а задними притопывали, чтобы согреться. Мыши робко переглядывались, сверкая бусинками глаз, смущённо хихикали и утирали носы рукавами. Когда дверь отворилась, один из старших мышей, тот, с фонарем, воскликнул:

— Ну-ка, раз, два, три! — и высоко вверх взлетели пронзительные мышиные голосочки; они сливались в один из тех старинных рождественских гимнов, что сложили их предки в бурых, скованных стужей полях, когда мела метель, а они грелись в уголке у камина — и пели потом на святки, пели в слякоти улиц перед освещёнными окнами домов:

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГИМН

*Пусть за окном не видать ни зги,
Дверь нам откройте среди пурги;
Вьюга пусть воет, а мы пока
Лапки погреем у камелька!*

Счастье вас ждёт этим утром!

*Мы по колено в снегу и в грязи,
Нас заморозить метель грозит,
Гимн вам поём посреди зимы —*

⁶ В Англии, действительно, давно так повелось. Все церемонии описываются дальше очень точно — включая принятое в некоторых графствах угощение подогретым пивом с пряностями.

*Вы у огня, на морозе мы!
Да улыбнется вам утро!*

*Полночь была позади, когда
Яркая в небе зажглась звезда.
Благословенье на мир сошло –
Всех отогрело его тепло,
И так будет каждое утро!*

*Иосиф шёл через бурю и тьму,
Над хлевом звезда явилась ему;
Сил у Марии совсем чуть-чуть,
Здесь на солому легла отдохнуть,
И радость встретила утром!*

*Ангелов хор у хлева того:
«Кто же, кто возвестил Рождество?»
Двое свидетелей были тут:
Ослик и вол, что в хлеву живут,
И счастье их ждало в то утро!*

Голоса смолкли, певцы застенчиво улыбались, искоса переглядывались; наступила тишина – но лишь на миг. И тут откуда-то сверху, издалека, из туннеля, которым они только что добрались сюда, донёсся до слуха слабый мелодичный гул далёких колоколов, сошедшихся в весёлом бренчащем перезвоне.

– Чудесно спели, ребята! – одобрительно воскликнул Крыс. – А сейчас всех прошу в дом, обогрейтесь у огня и выпейте чего-нибудь горяченького!

– Да, конечно, мышата, заходите, – горячо подхватил Крот. – Как в добрые старые времена! Закрывайте за собой дверь. Придвиньте лавку к огню. А теперь чуток погодите, пока мы... Ой, Крыси! – в отчаяньи воскликнул он, падая на скамейку и едва сдерживая слезы. – Что мы делаем? Нам ведь нечем их угостить!

– Предоставь это мне, – уверенно заявил Крыс. – Эй, ты, с фонарём! Давай сюда. Потолковать надо. Скажи-ка, в этот час ещё открыты какие-нибудь лавки?

– Как же, конечно, сэр, – вежливо ответил мыш. – В эту пору они торгуют всю ночь напролёт.

– Тогда вот что! – сказал Крыс. – Отправляетесь вместе – ты и твой фонарь – и ты покупаешь мне...

Дальнейшая беседа велась чуть слышно, и до Крота долетали только обрывки фраз: «Свежих, запомни... нет, фунта хватит... от Баггинза, о других слышать не желаю... нет, только самых лучших... если не будет, поищи в другом месте... да, разумеется, домашние, не консервы... ладно, сделай всё, что сможешь!». Наконец послышался звон монет, пересыпаемых из лапы в лапу, мыша снабдили объёмистой корзинкой для покупок, и он отправился в путь – он и его фонарь.

Оставшиеся мыши рядом уселись на скамейке и, болтая лапками, отдались блаженству тепла; они прогревали онемевшие от холода места, пока там не закололи иголочки; Кроту так и не удалось вовлечь их в светскую беседу, и он перешёл на

семейные темы: велел каждому из гостей перечислить своих многочисленных братцев, слишком юных, чтобы им позволили распевать песни в этом году, но надеющихся получить на то родительское согласие в ближайшем будущем.

Крыс тем временем прилежно изучал наклейку на одной из пивных бутылок.

— Старый Бёртон^{*}, не иначе, — одобрительно заметил он. — Ух, Крот, привереда! Вот это да! Мы ведь можем сделать эль с пряностями! Достань всё, что нужно, пока вытащу пробки.

Немного времени понадобилось, чтобы приготовить смесь и сунуть кастрюльку в самое сердце очага, а вскоре каждый мыш глотал, кашлял и задыхался (от горячего эля сразу не прдохнёшь), и утикал слезы, и смеялся, и позабыл, что хоть раз в жизни ему было холодно.

— Они целые пьесы разыгрывают, эти ребята, — сообщил Крот Крысу. — Пусть подготавляются и что-нибудь покажут. Здорово у них получается! В прошлом году сыграли превосходную пьесу о полевом мыше, захваченном в море берберийским корсаром; его сделали гребцом на галере, а когда он бежал и вернулся домой, оказалось, что его возлюбленная ушла в монастырь^{**}. Слушай, приятель! Ты там играл, я помню. Прочти-ка нам кусочек.

Мыш, к которому обратился Крот, встал, робко хихикнул, огляделся вокруг и... как воды в рот набрал. Товарищи подбадривали его, Крот уговаривал и вдохновлял, а Крыс зашёл так далеко, что ухватил мыша за плечи и встряхнул, но ничто не смогло вывести актера из оцепенения. Вскоре все принялись за дело весьма ретиво, словно спасатели на водах, в подробностях следующие инструкциям Королевского Благотворительного Общества — в отношении давно утопшего, как вдруг лязгнула задвижка, дверь отворилась и на пороге, сгибаясь под тяжестью корзинки, появился посланец с фонарем.

О чтеце позабыли сразу, как только реальное и аппетитное содержимое корзинки было вывалено на стол. Под руководством Крыса каждому довелось сделать то или принести это. Через несколько минут ужин был готов, и Крот обосновался во главе стола — недавно скучного, а теперь, словно по волшебству, обильно уставленного вкусными блюдами; он увидел сияющие мордочки друзей, без промедления приступивших к делу, и вот тут, отбросив сомнения — он все-таки

* Вкуснейшее пиво из Бёртона-на-Тренте, городка в графстве Страффордшир, на севере Англии. Там, как считают, из ключей бьёт особо подходящая пивоварам вода.

** Мыши — большие новаторы сцены; мелодрамы в рождественский репертуар не входили. Сюжет обычно строился на основе легенд, сказок или библейских мотивов.

здраво проголодался – набросился на чудом появившиеся яства, успев подумать, каким, в сущности, удачным оказалось его возвращение домой. За ужином вспомнили старые времена, и полёвки рассказали хозяину последние местные новости, и ответили, как смогли, на сотни вопросов, которых он не мог не задать. Крыс говорил мало или вообще молчал, лишь приглядывал, чтобы каждому гостю досталось всё, что нужно, и в изобилии, и следил, чтобы Крот никаких забот не знал.

Звон посуды стих нескоро; гости, полные благодарности, встали из-за стола с наилучшими рождественскими и новогодними пожеланиями; карманы их курточек оттягивали подарки для младших братьев и сестёр, оставленных дома. Когда дверь за последним гостем затворилась, и звяканье фонариков стихло вдали, Крот с Крысом подбросили дров в огонь, сдвинули стулья, подготовили себе по стаканчику эля с пряностями на сон грядущий и обсудили события долгого дня. Наконец Крыс, надрывно зевая, сказал:

– Крот, старина, я с ног валюсь. Хочу спать – слишком слабо сказано. Та постель твоя? Чудесно, тогда лягу здесь. Домик – чудо! Всё под рукой!

Он забрался в постель, с удовольствием завернулся в одеяла, и сон охватил его крепко, как жатка охватывает ячменный сноп.

Усталый Крот счастлив был без промедленья забраться в постель, и вскоре голова его поклонилась на подушке – в великой радости и блаженстве. Но прежде, чем веки Крота сомкнулись, он оглядел напоследок свою старую комнату, освещённую бликами пламени, игравшими или спокойно лежавшими на знакомых и милых вещах, которые давно стали как бы частью его самого, а теперь с улыбкой, без обиды встретили хозяина после разлуки. Крот пришёл как раз в то настроение, какое и пытался создать ему тактичный Крыс. Крот видел, как прост и непрятзателен, даже тесен, его дом, но, в то же время, как много этот дом для него значил, какой надёжной опорой служил. Он вовсе не хотел расставаться с новой жизнью, со всем её великолепием, отвернуться от солнца и света, от всего, что они давали, снова забиться в свой угол и остаться здесь навсегда; мир там, наверху, был слишком силён, он манил, даже когда Крот был здесь, внизу; он не мог не вернуться на более широкую сцену. Но как славно сознавать, что есть место, где всё принадлежит ему, где все вещи рады снова его увидеть, где на их бесхитростный приём всегда можно рассчитывать.

VI. Мистер Жаб

Было яркое утро в самом начале лета; река вошла в привычные берега и снова текла неспешно; жаркое солнце ниточками лучей словно притягивало к себе из земли всё зелёное, ветвистое и остроконечное. Крот и Водяной Крыс поднялись с рассветом и всё утро усердно готовили лодки к открытию сезона: красили, покрывали лаком, чинили вёсла, поправляли подушки, искали недостающие уключины — и всё прочее в этом роде; они уже заканчивали завтрак в своей небольшой гостиной, оживлённо обсуждая планы на предстоящий день, когда в дверь уверенно постучали.

— О, чёрт! — буркнул Крыс, весь перемазанный яйцом. — Сделай одолжение, Крот, посмотри, кто пришёл, раз уж ты поел.

Крот пошёл выполнять поручение, и до Крыса донёсся его удивлённый возглас. Затем Крот распахнул дверь гостиной и с крайней важностью объявил:

— Мистер Барсук!

Чтобы Барсук заявился с официальным визитом — к ним или к кому другому — было делом неслыханным. Если он сам был позарез нужен, то поджидать его следовало рано утром или поздно вечером, когда тот потихоньку пробирался где-нибудь вдоль живой изгороди, или же идти прямо к нему домой, в чащу Леса, что было делом серьёзным.

Барсук тяжёлым шагом вошёл в комнату и бросил на обоих зверьков взгляд, полный решимости. Крыс уронил ложку для яиц на скатерть и разинул рот.

— Час настал! — чуть погодя произнёс Барсук весьма торжественно.

— Который? — обеспокоенно спросил Крыс, взглянув на каминные часы.

— Чай, спроси лучше, — ответил Барсук. — Жаба, конечно! Я же сказал, что возьмусь за него, как только зима кончится, и сегодня готов сдержать слово!

– А, час Жаба, ясное дело! – возликовал Крот. – Ур-ра! Теперь вспомнил! Мы сделаем его благоразумным Жабом!

доводящее любого благоразумного зверька до нервного припадка. Надо поторопиться, пока не случилось худшего. Вы оба проводите меня в Жаб-холл, где мы и приступим к спасательным работам.

– Ты прав! – воскликнул Крыс, срываясь с места. – Мы спасём беднягу! Мы его образумим! Станет таким разумным, каким сроду не бывал!

Они отправились в путь с благородной миссией – Барсук впереди всех. В компании зверьки ведут себя чинно, идут сосредоточенно, гуськом; они не разбредаются по дороге кто куда, иначе никак не помочь друг другу при внезапном затруднении или в опасности.

Достигнув доржки для экипажей, ведущей в Жаб-холл, они, как и предсказывал Барсук, увидели перед фасадом дома новенький сверкающий автомобиль – огромный, ярко-красный (излюбленного Жабом цвета). Едва друзья подошли поближе, как дверь распахнулась, и мистер Жаб в очках-консервах, кепке, гетрах и необычном плаще вразвалочку сошёл по ступеням, на ходу надевая перчатки с крагами.

– Привет! Заходите, ребята! – бодро крикнул он при виде гостей. – Вы как раз кстати: прокатимся... прокатимся... про...

Под строгими и непреклонными взглядами молчаливых друзей радости в голосе Жаба становилось все меньше, и скоро совсем не осталось, и приглашения своего он так и не закончил.

Барсук шагнул вперед.

– Верните его в дом, – строго велел он соратникам. Затем, когда Жаба – протестующего, брыкающегося – втолкнули в дверь, Барсук обернулся к шоферу за рулём нового авто.

– Боюсь, вы сегодня не понадобитесь, – сказал он. – Мистер Жаб передумал. Машина ему не нужна. Прошу понять, что это окончательно. Ждать нет необходимости. – Барсук вошёл в дом последним и захлопнул дверь.

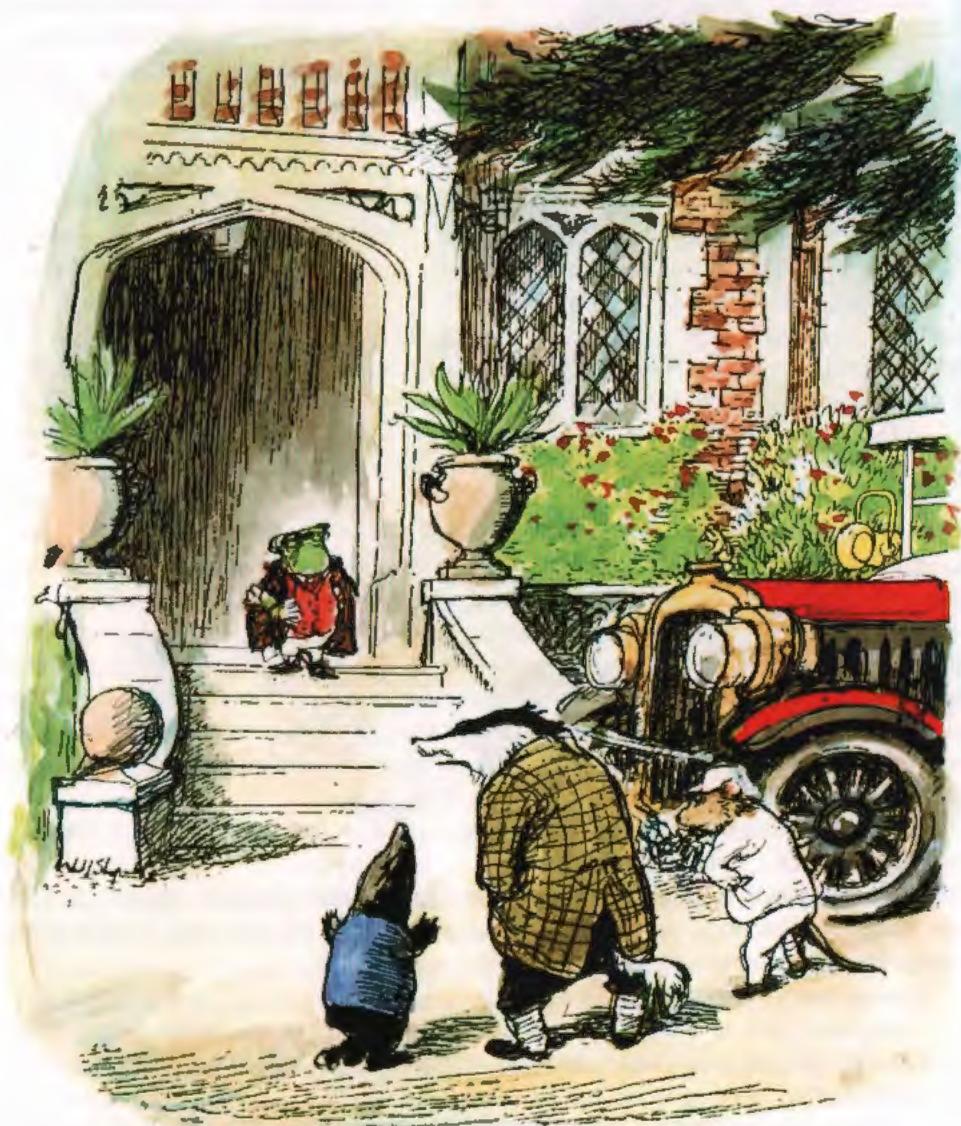
– А теперь, Жаб, – сказал Барсук, когда вся четвёрка собралась в прихожей, – прежде всего, сними этот нелепый наряд!

– Ни за что! – возмущённо отказался Жаб. – Что всё это значит? Я требую объяснений.

– Разденьте-ка его, вы, оба! – приказал Барсук, как отрезал.

– Как я узнал ещё ночью из заслуживающего доверия источника, – продолжал Барсук, усаживаясь в кресло, – именно сегодня утром очередной новый и невероятно мощный автомобиль прибывает в Жаб-холл на испытания с правом возврата. Возможно, в этот самый миг Жаб деловито облачается в свои потрясающе мерзкие доспехи, столь им любимые, и превращается из прилично (относительно) выглядящего Жаба в Нечто, одним своим видом

Чтобы приступить к делу, бранящегося разными словами и рвущегося из лап Жаба пришлось повалить на пол. Потом Крыс уселся на него сверху, а Крот стянул всю автомобильную амуницию поочередно, после чего Жаба вновь поставили на задние лапы. Вместе с доспехами с Жаба, казалось, слетела добрая половина буйства. Сейчас это был просто Жаб, а вовсе не Гроза Магистралей; он смущённо хихикал и вопросительно поглядывал на друзей, всем видом показывая, что сознаёт свое положение.

— Сам понимаешь, Жаб, рано или поздно это должно было случиться, — сердито сказал Барсук. — Ты пренебрёг нашими предупреждениями, ты продолжал транжирить отцовское наследство, создал всем нам дурную славу в округе своей ужасной ездой, авариями, стычками с полицией. Независимость — это прекрасно, но мы, звери, позволяем друзьям валять дурака лишь до известных пределов, и ты их достиг. Ты, вообще-то, во многих отношениях славный малый, и мне не хотелось бы обходиться с тобой чересчур сурово. Попытаюсь вразумить ещё разок. Пойдём со

мной в курительную комнату, там ты услышишь кое-что о себе; поглядим, выйдешь ли ты оттуда таким же, каким вошёл.

Он крепко взял Жаба за лапу, провёл его в курительную комнату и закрыл за собой дверь.

— Толку не будет! — презрительно заявил Крыс. — *Разговорами* Жаба не проймёшь. *Пообещает* он что угодно.

Крот и Крыс удобно расположились в креслах и терпеливо ждали. Сквозь закрытую дверь им слышалось длинное, неумолчное гудение — голос Барсука, то понижавшийся, то взмывавший ввысь в порывах красноречия; вскоре они заметили, что проповедь стала прерываться протяжными всхлипами, исходившими, очевидно из груди Жаба, парня, в общем, добросердечного и чувствительного, легко меняющего — на какое-то время — свою точку зрения.

Спустя каких-нибудь три четверти часа дверь открылась и появился Барсук, торжественно ведущий за лапу удрученного, покорного Жаба. Шкурка на том чуть обвисла, лапки дрожали, на щеках блестели слезы, в изобилии вызванные нотациями Барсука.

— Сядь, Жаб, — мягко сказал Барсук, указывая на стул. — Друзья мои, — продолжал он, — рад сообщить вам, что Жаб осознал, наконец, сколь пагубно его поведение. Искренне сожалея о своих дурных поступках в прошлом, он решил раз и навсегда покончить с автомобилями. В этом он мне поклялся.

— Прекрасные новости, — солидно заметил Крот.

— Разумеется, прекрасные, — не без колебаний подхватил Крыс, — если только, если только...

Говоря это, он в упор посмотрел на Жаба, и мысль его оборвалась, потому что в глазах зверька, все еще скорбных, вспыхнули какие-то настораживающие огоньки.

– Осталось последнее, – удовлетворенно продолжал Барсук. – Жаб, я хочу, чтобы ты торжественно повторил здесь, перед лицом друзей, то, с чем только что полностью согласился в курительной. Во-первых: ты сожалеешь о прежних своих поступках и сознаёшь их нелепость?

Наступила длинная-предлинная пауза. Жаб в отчаяньи не знал, куда глаза прятать, а остальные ждали в тяжёлом молчании. Наконец Жаб заговорил.

– Нет, – произнес он тихо, но убеждённо, – я ни о чём не сожалею. И не было ничего нелепого! Было просто восхитительно!

– Что? – в негодовании взревел Барсук. – Ты отказываешься от слов, сказанных только что вон в той...

– О, да, да, в *той*, – нетерпеливо перебил Жаб. – В *той* комнате я мог сказать всё, что угодно: ты так красноречив, дорогой Барсук, так логичен, так убедительно говоришь, так умело доказываешь; там, в *той* комнате ты можешь сделать из меня всё, что захочешь, и сам это знаешь. Но я мысленно оглянулся, всё припомнил и понял, что мне не о чём жалеть и нечего стыдиться, а, значит, нет причин утверждать обратное, не так ли?

– Значит, ты не обещаешь, – уточнил Барсук, – никогда больше не прикасаться к автомобилям?

– Само собой, нет! – убежденно заявил Жаб. – Напротив, торжественно клянусь, что сяду в первую же машину, как только она сделает «пуп-пуп»!

– Ну, что я тебе говорил! – заметил Крыс, обернувшись к Кроту.

– Ладно, пусть так, – жёстко бросил Барсук, вставая. – Раз уговоры на тебя не действуют, придётся применить силу. Без этого, боюсь, не обойтись. Ты часто приглашал всех нас троих погостить в твоём чудном доме, Жаб; хорошо, мы согласны. Как только в тебе победит здравый смысл, мы уйдём, но не раньше. Проводите его наверх, да заприте в спальне, а потом мы внизу ещё кое-что обсудим.

– Это для твоего же блага, Жаб, пойми, – участливо приговаривал Крыс, пока Жаб пинками отбивался от тащивших его по лестнице друзей. – Вспомни, как весело мы проводим время все вместе, а сколько ещё всякого будет, когда кончится этот приступ болезни!

– Мы станем за тобой ухаживать, всё будем делать, пока ты не поправишься, Жаб, – сказал Крот, – и не дадим выбрасывать деньги на ветер, как прежде.

– Больше никаких недоразумений с полицией, Жаб, – добавил Крыс, заталкивая пленника в спальню.

– Хватит неделями валяться по больницам в окружении сиделок, Жаб, – добавил Крот, поворачивая ключ.

Они спустились вниз, а Жаб бранился им вслед в замочную скважину; затем трое друзей решили обсудить положение.

– Дело нас ждёт утомительное, – вздохнул Барсук. – Ни разу прежде не видел я Жаба таким решительным. Но что поделаешь. Он всё время должен быть под присмотром. Придётся дежурить по очереди, пока организм не очистится от яда.

Друзья составили график дежурств. Каждый по очереди должен был ночью спать в одной с Жабом комнате, а дни они поделили поровну. Надо признаться, что поначалу Жаб сильно докучал своим преданным стражам. Когда неистовый приступ овладевал им, он складывал из стульев спальни грубое подобие автомобиля, садился на передний стул, пригибался, пристально вглядывался вперёд и издавал странные, противные звуки; когда приступ достигал пика, Жаб, выкрутив сальто, плюхался в изнеможении среди раскиданных стульев и ненадолго зтихал. Со временем, однако, такие припадки случались всё реже, а друзья изо всех сил старались переключить

мысли больного на что-нибудь другое. Но в целом об улучшении говорить не приходилось: Жаб делался всё более вялым и подавленным.

В одно прекрасное утро Крыс, заступавший на дежурство, поднимался по лестнице, чтобы сменить Барсука; тот изнывал от желания сдать пост и хорошенько размяться – побегать по лесу, сунуть нос во все дупла и берлоги.

– Жаб пока не вставал, – сообщил он Крысу ещё на пороге, – бубнит одно и то же: «Дайте побить одному, мне ничего не надо, может, скоро мне полегчает, время лечит, не беспокойтесь зря», и так далее. Держи ухо востро, Крыс! Когда Жаб тих и послушен, разыгрывает панинку из воскресной школы, то что-то он замышляет. Тут дело нечисто. Я его знаю. Ладно, я пошёл.

– Ну, как ты сегодня, старина? – бодро поинтересовался Крыс, подходя к постели Жаба.

Несколько минут он ждал ответа. Наконец послышался слабый голос:

– Спасибо огромное, Крысси, милый! Ты так добр ко мне! Но расскажи прежде, сам-то ты как, как поживает наш чудесный Крот?

– О, мы в порядке, – успокоил Крыс. – Крот, – добавил он неосмотрительно, – пошёл прогуляться с Барсуком. Вернутся оба только к ленчу, а мы с тобой проведём это чудное утро вдвоём, и я-то уж постараюсь тебя развлечь. А теперь вставай, будь умником, как не стыдно кускиться в такое утро!

– Милый, добрый Крыс, – прошелестел Жаб, – как плохо ты понимаешь моё состояние, как далёк я в этот миг от твоего «теперь вставай», и вообще... не тревожься обо мне. Не хочу быть обузой своим друзьям, возиться со мной осталось недолго. В самом деле, недолго.

— Ну, я тоже на это надеюсь, — искренне поддержал его Крыс. — В последнее время хлопот с тобой предостаточно, и я рад слышать, что скоро им конец. Такая стоит погода, лодочный сезон на носу! Некрасиво с твоей стороны, Жаб! Не в хлопотах дело, но ты ведь лишаешь нас стольких удовольствий.

— Боюсь, дело как раз в хлопотах, — чуть слышно отозвался Жаб. — Вполне это сознаю. Я вас замучил. Я не должен ни о чём просить. Со мной одни неприятности, сам знаю.

— Да, неприятности, — подтвердил Крыс. — Но сказал же, что ради тебя что угодно стерплю, лишь бы ты поумнел.

— Будь это так, Крыси, — еще жалобнее, чем прежде, пролепетал Жаб, — я осмелился бы попросить тебя — может, в последний раз попросить — как можно скорей сходить в деревню, хотя наверно, уже поздно, и вызвать доктора. Но нет, не стоит труда. Ещё одна забота, оставим всё как есть.

— Эй, а доктор тебе зачем? — поинтересовался Крыс, подходя ближе и всматриваясь в Жаба. Тот и в самом деле лежал очень тихо и неподвижно, голос его ослабел, и держался он как-то необычно.

— Ты, конечно, заметил поздно... — прошептал Жаб. — Но разве ты обязан? Замечать — лишние хлопоты. Завтра скажешь себе: «О, заметь я раньше! Сделай хоть что-то!»; нет, хлопоты, и только. Выбрось из головы, забудь о моей просьбе.

— Послушай, старина, — сказал Крыс, начиная тревожиться, — я, конечно, схожу за доктором, если ты считаешь, что он и в самом деле здесь нужен. Но вряд ли тебе настолько плохо. Давай поговорим о чём-нибудь другом.

— Боюсь, дорогой друг, — печально улыбнулся Жаб, — что «поговорим» в подобном случае поможет мало, и доктор, впрочем, тоже; просто в беде хватаешься и за самую тонкую соломинку. К слову, раз уж ты сам заговорил об

этом: *терпеть не могу* доставлять лишнее беспокойство, но я случайно вспомнил, что ты будешь проходить мимо дома нотариуса, может, и его пригласишь тоже? Будет очень кстати, ведь наступают минуты, или, лучше сказать, *минута*, когда приходится встречать беду лицом к лицу, как ни трудно такое измученной душе!

«Нотариуса! Похоже, он и в самом деле плох», — сказал себе напуганный Крыс; он торопливо вышел из комнаты, не забыв, однако, аккуратно запереть за собой дверь.

Снаружи Крыс остановился, чтобы поразмыслить. Оба приятеля были далеко, с ними не посоветуешься.

«Лучше перестраховаться, – решил он, немного подумав. – Помнится, Жаб и раньше воображал себя смертельно больным без малейшей причины, но ни разу он не просил позвать нотариуса! Если, на самом деле, с Жабом ничего серьёзного, то доктор назовёт его старым ослом и подбодрит; это будет кстати. Лучше уж выполню его блажь, много времени это не займет!». И он помчался в деревню с миссией милосердия.

Лишь только Жаб услышал, как повернулся ключ в скважине, он мигом выскочил из постели и подлетел к окну, в нетерпении выжидая, пока Крыс не скроется с глаз на дороге в деревню. Потом от души рассмеялся, со всей возможной поспешностью оделся в костюм – самый нарядный из подвернувшихся под руку – набил карманы наличностью, взяв деньги из ящичка в туалетном столике, а затем, связав вместе простыни со своей постели, привязал один конец получившейся

веревки к среднику тюдоровского^{*} окна, придававшего такую прелесть Жабовой спальне, выбрался наружу, легко соскользнул на землю и, насвистывая весёлый мотивчик, зашагал в противоположную от выбранной Крысом сторону.

Обед в компании с вернувшимися Барсуком и Кротом прошёл для Крыса невесело; ему пришлось встретить друзей прискорбным и неубедительным рассказом. Можно представить себе язвительные, чтоб не сказать грубые, замечания Барсуга, поэтому опустим их вовсе; но больнее всего задело Крыса, что даже Крот, стремившийся, по возможности, держать сторону друга, не удержался:

— Ты вёл себя в этот раз как последний болван, Крыси! И провёл-то тебя кто — Жаб!

— Чертовски ловко он всё провёл, — буркнул пригорюнившийся Крыс.

— Он *тебя* провёл чертовски ловко! — сердито поправил Барсук. — Впрочем, словами горю не поможешь. Жаб успел уйти далеко, это ясно; хуже всего то, что он так возгордился своим, как он считает, умом, что не преминёт пустить его в дело и натворит глупостей. Одно радует: теперь мы свободны, и не станем больше тратить драгоценное время на эту караульную службу. Но Жаб-холла лучше пока не покидать. Жаб может вернуться когда угодно — на носилках или в окружении двух полисменов.

Так рассуждал Барсук, ещё не ведая, что принесёт им будущее, сколько воды, и какой мутной, утечёт, прежде чем Жаб вновь сумеет непринужденно появиться в родовом гнезде.

Тем временем Жаб, весёлый и беспечный, легко шагал вдоль шоссе и был уже в нескольких милях от дома. Поначалу он держался боковых тропинок, пересекал поля напрямик, несколько раз менял направление, опасаясь погони, но потом решил, что бояться нечего; яркое солнце улыбалось ему, он сливался с Природой, а та подпевала самодовольной песне его сердца, и Жаб готов был плясать прямо на дороге от радости и распиравшего его самомнения.

«Чистая работа! — заметил он сам себе, ухмыляясь. — Мозги против грубой силы — и мозги побеждают, просто не могут не победить. Бедный старина Крыси! Боже! Что будет, когда вернётся Барсук! Славный парень этот Крыси, уйма достоинств, но мало ума и никакого образования. Непременно как-нибудь им займусь, смогу хоть что-то для него сделать».

Полный подобных тщеславных идей, Жаб шагал по шоссе, задрав нос, пока не добрался до небольшого городка, где вывеска «Красный лев», висевшая над дорогой, чуть не перегородила главную улицу; Жаб вспомнил, что сегодня ещё не завтракал, а за время пути нагулял изрядный аппетит. Он вошёл в заведение, заказал лучший обед, какой только можно было быстро подать, и сел за столик в кофейной.

Он только вошёл во вкус, как звук, слишком хорошо знакомый, долетел с улицы и заставил Жаба вздрогнуть так, что по спине мурашки пробежали. «Пуп-пуп» раздавалось все ближе и ближе, слышно было, как машина вкатила во двор кабачка и остановилась. Жабу пришлось ухватиться за ножку стола, чтобы скрыть охватившее его возбуждение. Вскоре в кофейную вошла целая компания — голодная, шумная, весёлая; вошедшие обсуждали утренние приключения и достоинства экипажа, домчавшего их так лихо. Жаб на какое-то время обратился в слух, но вскоре терпение его лопнуло. Он тихо выскользнул из комнаты, у стойки заплатил по счёту и, оказавшись за дверью, степенно зашагал в сторону двора, стараясь не

* Стиль назван в честь династии Тюдоров (1485-1603); тюдоровские окна имели *средники* — вертикальные брусья из дерева или камня. Одним из них и воспользовался бойкий мистер Жаб.

шуметь. «От машины не убудет, – сказал он себе, – если просто разок на неё взгляну!». Автомобиль бросили посреди двора без присмотра: у конюхов и прочей прислуги было время обеда. Жаб медленно обошёл машину, осмотрел её, оценил и глубоко задумался.

«Интересно, – размышлял он, – легко ли заводится эта модель?».

В следующее мгновенье, сам не понимая, как это случилось, Жаб обнаружил, что держится за ручку дверцы и поворачивает её. Как только раздался знакомый звук, прежняя страсть охватила Жаба и целиком завладела его душой и телом. Словно во сне, он каким-то образом оказался на сидении шофера; словно во сне, нажал на педаль, сделал круг по двору и выехал под арку; словно во сне, все его представления о законном и незаконном, все страхи очевидных последствий на время исчезли. Он добавил газу, и когда машина проглотила улицу и выскоцила на шоссе, снова ощущал себя Жабом во всем блеске и великолепии, Жабом-ужасом, Повелителем Магистралей, Властелином Собственной Колеи, которому все должны уступать дорогу под страхом обратиться в ничто, в вечную ночь. Он пел за рулём, а машина подпевала ему звонким гуденьем; автомобиль глотал мили, а Жаб нёсся на нём неведомо куда, подчиняясь инстинктам, живя самыми упоительными ощущениями и не задумываясь о последствиях.

– По моему мнению, – благодушно заметил председатель суда магistratov*, – единственная трудность в этом деле, во всех прочих отношениях очевидном, заключается в том, чтобы как можно строже наказать неисправимого буяна и закоренелого прохвоста, ныне в страхе пребывающего на скамье подсудимых. В самом деле: его признали виновным, при несомненных уликах, во-первых, в краже дорогостоящего автомобиля, во-вторых, в вождении машины, опасном для окружающих, и, в-третьих, в злостном неповиновении местной полиции. Господин секретарь, сообщите нам, будьте добры, каково самое строгое наказание за каждое из этих нарушений закона? Речь не идет, разумеется, о недоказанности, ибо доказывать тут нечего.

Секретарь почесал нос пером.

– Может показаться, – заметил он, – что самым тяжким преступлением является кража автомобиля; так оно, в общем-то, и есть. Но неповинование полиции заслуживает куда более строгого наказания, так тому и быть. Положим, двенадцать месяцев за кражу, что довольно мягко; три года за жуткое вождение, что довольно снисходительно, и пятнадцать лет за неповинование полиции – наглое, надо заметить, неповинование, судя по свидетельским показаниям, даже если в них есть хоть десятая доля правды, а большему я никогда не верю; эти цифры, если сложить их аккуратно, дадут девятнадцать лет...

– Превосходно! – сказал председатель.

– А вообще, если округлить до двадцати, будет в самый раз, – заключил секретарь.

– Чудесное предложение! – одобрил председатель. – Подсудимый! Возьмите себя в лапы и станьте прямо! На сей раз вы отделались всего двадцатью годами. Но помните: если вы по любому поводу снова предстанете перед судом, мы займёмся вами по-настоящему!

* Британский суд магистратов рассматривал дела о мелких правонарушениях. То ли зверюшки, по мнению людей, не могли наворотить ничего серьёзного, то ли автор хочет противопоставить невысокий уровень суда тому приговору, о котором читатель узнал на этой странице.

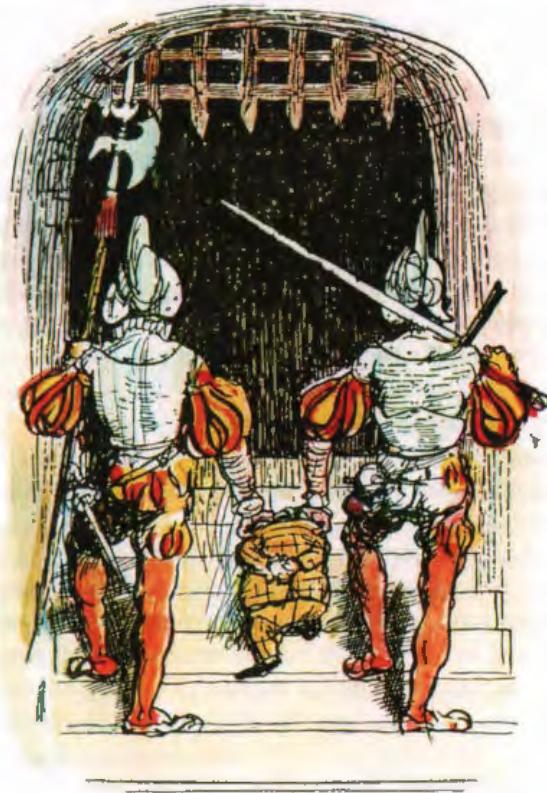
Тут безжалостные служители закона кинулись к злополучному Жабу, заковали его в цепи и потащили вон из зала суда — визжащего, умоляющего, протестующего — через рыночную площадь, где весёлый люд, всегда столь же строгий к изловленному преступнику, сколь жалостлив он к тому, кто еще только «в розыске», осыпал Жаба насмешками, морковками и бранными словечками; мимо улюлюкающих школьников с невинными рожицами, сияющими от удовольствия при виде джентльмена, попавшего в затруднение; через гулкий разводной мост, под усаженную остриями опускную решетку, в хмурую арку старинного замка, чьи древние башни словно парили высоко над головой; мимо караульного помещения, полного зубоскалящих стражников, свободных от дежурства, мимо часовых, язвительно покашливающих в кулак, поскольку это — самое большее, чем часовой на посту может выказать презрение и отвращение к преступнику; вверх по стёртым временем ступеням винтовой лестницы, мимо вооруженных людей в шлемах и кирасах, мечущих грозные взгляды из-под забрала; через внутренний двор, где мастифы рвутся с привязей и гребут лапами воздух, пытаясь вцепиться в него; мимо

почтенных тюремщиков, прислонивших к стене алебарды и дремлющих над прошлым и над кружкой тёмного эля; дальше и дальше, мимо камеры пыток и помещения для выкручивания пальцев, мимо поворота, ведущего на эшафот, пока, наконец, не добрались до дверей мрачнейшей темницы в самом сердце тюремного замка. Здесь остановились перед почтенным надзирателем, теребившим связку огромных ключей.

— Благословен Господь! — сказал полицейский сержант, снимая шлем и утирая лоб. — Подними чело, старче, и да приемешь ты от нас гнусного Жаба, преступника тягчайшего, чьё коварство неописуемо и непредсказуемо. Стереги его, сколь силы твои позволят, и накрепко запомни, седобородый: случись что, головой своей старой ответишь; и чума на вас обоих!

Надзиратель важно кивнул и положил морщинистую руку на плечо горемыке Жабу. Ржавый ключ заскрипел в замке, и тяжеленная дверь со скрипом затворилась позади них; Жаб сделался беспомощным узником самой потаённой темницы в самом охраняемом тюремном замке на просторах доброй старой Англии.

VII. Предрассветная свирель

Пеночка-весничка, укрывшись в густой тени речного берега, насвистывала весёлый мотивчик. Хотя шёл уже одиннадцатый час вечера, небо тщетно пыталось удержать в подоле свет уходящего дня; гнетущая полуденная жара развалилась на куски и совсем исчезла, раскрошенная прохладными пальцами недолгой летней ночи. Крот лежал, растянувшись, на берегу, переводил дух после насыщенного дня, безоблачного с рассвета до заката, и ждал возвращения друга. Весь день он провёл с приятелями, отпустив Водяного Крыса на давно условленную встречу с Выдром; вернувшись, Крот нашел дом тёмным и пустым: Крыс, вне сомнений, засиделся в гостях у старого товарища. Было всё ещё слишком жарко, чтобы сидеть взаперти, и Кроту не хотелось вставать с прохладных листьев щавеля; он размышлял о прожитом дне, обо всех проделках, о том, как весело провёл время.

Вскоре послышались легкие шажки Крыса, ступавшего по сухой траве.

— О, блаженная прохлада! — воскликнул тот и уселся рядом, задумчиво глядя на реку, — тихий, весь в собственных мыслях.

— Ты, конечно, у них поужинал? — чуть погодя осведомился Крот.

— А как иначе, — отозвался Крыс. — Без ужина Выдры ни почём не отпустили бы. Сам знаешь, какие они всегда гостеприимные. Развлекали, как могли, до самого ухода. Но мне всё равно было не по себе: видно ведь, что у хозяев неприятности, как ни пытайся они виду не подавать. Боюсь, Крот, что у них и вправду беда. Крепыш, их младшенький, снова пропал; представь, каково теперь Выдру, пусть он и помалкивает.

— Младшенький? — беззаботно переспросил Крот. — Ну, пропал, так о чём беспокоиться-то? Крепыш — вечный потеряшка: пропадает и снова находится, такой уж искатель приключений. С ним ведь никогда ничего не случается. Все в округе его знают и любят, как и старину Выдру, и, будь уверен, кто-нибудь непременно на него наткнётся и вернёт домой целым и невредимым. Да и нам он попадался за мили от дома — довольный такой, весёлый!

— Да, но на этот раз всё серьёзнее, — печально отозвался Крыс, — Его уже несколько дней как нет, родители с ног сбились в поисках в воде и на суше, и нигде ни малейших следов. Опросили всех на много миль в округе, и никто ничего не знает. Выдр волнуется даже сильнее, чем сам готов признать. Мне удалось из него вытянуть, что Крепыш до сих пор и плавать толком не умеет; значит, Выдр подумывает о запруде. Вода всё еще стоит высоко, хотя давно уж лето, и малышей так и тянет к запруде. А там воронки, водовороты — не хуже меня знаешь. Не такой Выдр папаша, чтобы волноваться из-за сынишки по пустякам. А он волнуется. Когда я уходил, вышел проводить, сказал, что хочет подышать воздухом и немного размяться. Но я-то понял, что это лишь предлог, порасспросил его хорошенко и заставил выложить всё как есть. Он сказал, что ночью будет караулить у брода. Знаешь, где раньше был брод — в те дни, когда и моста ещё не навели?

— Как ни знать, — ответил Крот. — Но почему Выдр решил караулить именно там?

— Ну, наверно, потому, что там он учил Крепыша плавать, — продолжал Крыс.

— На мелководье, где у самого берега галечная отмель. И рыбачить учил там же, и первую рыбку Крепыш именно у брода поймал, и гордился ей ужасно. Малыш любил это место, и Выдр верит, что если сынишка вернётся оттуда, где он сейчас (если он вообще сейчас хоть где-то, да находится, бедняжка), то вернётся именно к любимому броду или, может, поиграть там решит, если будет пробегать мимо. Вот Выдр и ходит к броду каждую ночь и ждёт в надежде на случай — на случай, и только!

Друзья замолкли, и обоим привиделась одна и та же картина: одинокий, с разбитым сердцем зверёк припал к земле у брода и ждёт, ночи напролёт караулит... в надежде на случай.

— Ну, ладно, — чуть погодя промолвил Крыс. — Пожалуй, пора домой. — Но сам и с места не сдвинулся.

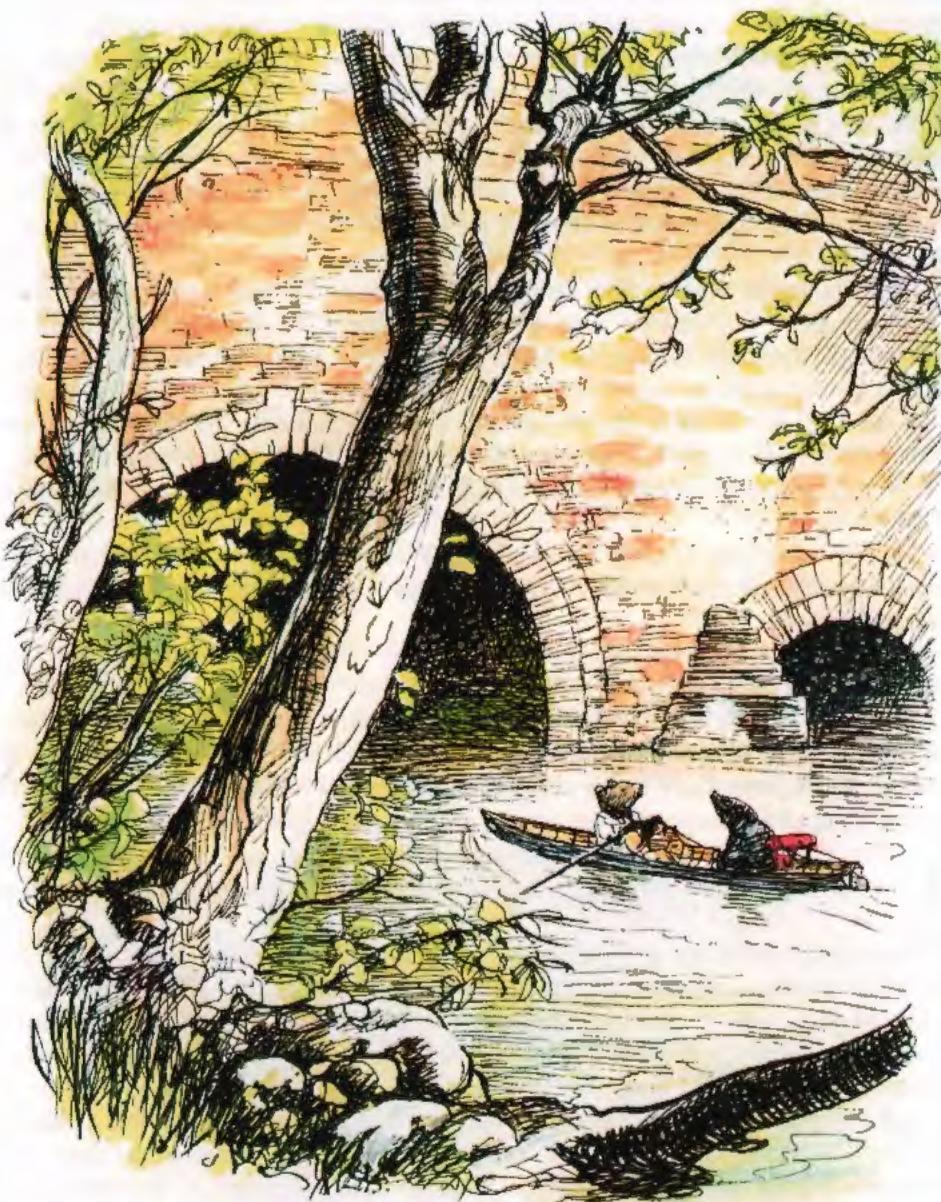
— Крыс, — сказал Крот, — не могу я вот так: уйти домой, лечь спать, *ничего* не сделав, даже если и неясно пока, что надо делать. Давай спустим лодку и пройдём вверх по реке. Луна взойдет через час, не раньше, и мы общарим всё, что сможем, — это лучше, по крайней мере, чем просто лечь спать, *ничего* не сделав.

— Вот и я как раз об этом подумал, — сказал Крыс. — Ночь такая, что не уснёшь, уже и до рассвета недалеко, а там расспросим о Крепыше любителей рано вставать.

Они спустили лодку, и Крыс осторожными гребками тронул ее с места. Лишь на самой быстрине выделялась узкая блестящая полоска, чудесно отражавшая небо, а там, где на воду падала тень от обрыва, куста или дерева, всё выглядело таким же тёмным, как и берег, и Кроту приходилось править лодкой осторожнее. Тёмная, пустынная ночь полнилась слабыми звуками, напевами, посвистами, шелестом — это деловитый народец трудился, копошился ночь напролёт, пока, наконец, солнечный свет не отправит его на честно заработанный отдых. И плеск воды был теперь слышнее, чем днём, бульканье и всхлипы возникали неожиданно и, чудилось, совсем рядом; приятели то и дело вздрагивали от внезапных звуков, на самом деле бывших не громче обычного.

Линия горизонта ясно и твёрдо прорезала небо, и в одном месте над её чернотой возникло серебристое свечение; с каждой минутой оно делалось всё ярче и ярче. Наконец, над краем замершей в ожидании земли медленно, величаво взошла луна: ненадолго зависла над горизонтом и, свободная от уз, двинулась в привычный путь; снова стали различимы широкие поляны, тихие сады, сама река от берега до берега — всё мягко себя обнаружило, не оставив и следа от тайнств и страхов, всё

осветилось, будто днём, но с одним важнейшим отличием. Старые знакомцы приветствовали обоих приятелей, но были они теперь в ином убранстве, словно тайком улизнули, переоделись во все новое и чистое и потихоньку вернулись, со смущённой улыбкой ожидая, узнают ли их в таком обличии.

Привязав лодку к иве, друзья сошли на берег этого тихого серебристого королевства и принялись терпеливо обследовать заросли, дупла деревьев, ручейки, сочившиеся из-под земли, канавы и пересохшие русла. Они снова сели в лодку и двинулись дальше вверх по течению, а луна, строгая и холодная в безоблачном небе, помогала им из своего далёка всем, что было в её силах; но вот пришёл час, и она с неохотой закатилась, покинула их, и таинство снова овладело полями и рекой.

И тут всё стало медленно преображатьсяся. Горизонт очистился, поля и деревья как бы приблизились, став в чём-то немного другими, словно тайна опять их

покинула. Птичий голос внезапно зазвучал и сразу стих; лёгкий ветерок встрепенулся, прошелестел в камыше и тростниковых зарослях. Крыс, устроившийся на корме лодки, доверив вёсла Кроту, приподнялся и насторожился, весь обратился в слух. Крот вёл лодку мягкими толчками, зорко взглядываясь в берега; он взглянул на друга с любопытством.

— Кончилась! — вздохнул Крыс, усаживаясь на прежнее место. — Красивая такая, странная, новая! Лучше б мне её вовсе не слышать, раз она так быстро кончилась. Взволновала чуть не до боли, обо всем хотелось забыть и слушать одни лишь эти звуки, снова, снова, без конца. Нет! Вот опять! — воскликнул он, вновь насторожившись. Очарованный, Крыс снова надолго затих.

— Уходит, я теряю её, — сказал он чуть погодя. — О, Крот! Что за чудо! Веселье и радость, тонкий, чистый, отчетливый зов далёкой свирели! Я и мечтать не мог о такой музыке, и зов в ней даже сильнее, чем сладость! Греби, Крот, греби! Музыка манит нас к себе.

Сильно удивлённый, Крот, тем не менее, послушался.

— Ничего не слышу, — сказал он, — только ветер шумит в ивах, камышах и тростнике.

Крыс не ответил, а, может, и не рассыпал. Восхищённый, пленённый, трепещущий, он целиком отдался новому божественному чуду, а оно захватило его беспомощную душу, ласкало и кружило ее, словно слабенькое, но счастливое дитя, в крепких своих объятьях.

Крот грёб упорно, молча, и вскоре они достигли места, где река разветвлялась, и одна протока вела в тихую заводь. Крыс, давно бросивший руль, лёгким кивком указал гребцу направление на заводь. Свет все прибывал и прибывал; теперь видно стало, как ярки цветы у самой воды.

— Яснее и ближе! — радостно воскликнул Крыс. — Теперь ты наверняка должен слышать! Ну вот, наконец, услышал!

Крот, затаив дыхание, обомлев, бросил вёсла: счастливые переливы свирели волной накатились на него, завладели им, поглотили его совершенно. Он увидал слёзы на щеках друга и всё понял. Лодка скользила мимо пурпурного вербейника, сбегавшего к самой воде, затем настойчиво-мягкий призыв, неотделимый от захватывающей мелодии, подчинил Крота своей воле, и он машинально вновь взялся за вёсла. А свет всё прибывал, но птицы молчали, хотя обычно они пробуют голос ближе к рассвету, но для божественной музыки сделалось восхитительно тихо.

Лодка скользила легко; по обе стороны тянулись обширные поляны, и трава на них этим утром казалась необыкновенно свежей и зелёной. Никогда прежде не видали друзья столь полных жизни роз, столь буйного кипрея, столь обильной и душистой таволги. Затем послышался шёпот недалёкой уже плотины, и они поняли, что экспедиция близка к завершению, каким бы оно ни было.

Широкий полукруг пены, яркие блики, сверкающие перекаты зелёной воды — могучая плотина перекрывала заводь от берега до берега, тревожила речную гладь крутыми водоворотами, потоками всплывающей пены, глушила все прочие звуки торжественным, успокоительным рокотом. На стремнине в объятьях мерцающей плотины словно встал на якорь островок, опущённый по краю бахромой ив, серебристых берёзок и ольхи. Сдержаненный, несмелый, но полный достоинства, он что-то скрывал под этой завесой*, придерживал до поры, ожидая немногих достойных*.

* Евангельская реминисценция [Мф 22:14]: «...много званых, но мало избранных».

Медленно, но без малейших сомнений, словно предчувствуя всю важность предстоящего, оба зверька миновали неспокойную, бурливую воду и причалили к покрытому цветами островному берегу. Высадились, молча проложили путь через пахучее разнотравье, сквозь подлесок, подступавший к ровной площадке, вышли на сказочно-зелёную полянку, где рос фруктовый сад Природы: дикие яблони, вишни, терновник.

— Отсюда лилась моя песня-мечта, здесь зарождалась музыка, — словно в забытьи, прошептал Крыс. — Здесь, в священном месте, здесь, и нигде больше, мы найдем Его!

Тут Крот ощутил вдруг, как великое Благовение снизошло на него и обратило мышцы в кисель, склонило головёнку долу, приковало лапки к земле. Это не было паническим страхом: ^{*} напротив, в покое и радости ему было чудесно; нет, то было благовение, поразившее его и завладевшее им, говорившее ему, что невидимое пока августейшее Присутствие совсем-совсем близко. С трудом обернулся он, чтобы бросить взгляд на друга, и увидел того рядом с собой — присмиревшего, напуганного, отчаянно дрожавшего. Ни единая птичья трель с ветвей не нарушала мёртвой тишины вокруг, а свет всё прибывал и прибывал.

Возможно, Крот так и не решился бы поднять глаза, но едва слышные переливы свирели неизъяснимо притягивали его, властно звали и манили. Крот не смог бы противиться, пригрози ему сама Смерть разящим своим ударом, ибо увидел нечто, обычно глазу недоступное. Весь дрожа, он подчинился и поднял смиренную голову, и тогда — в прозрачной дымке близкого уже рассвета, когда Природа, залитая непередаваемыми красками, от любопытства, казалось, затаила дыхание — взглянул прямо в глаза Другу и Помощнику ^{**}; он увидел закинутые назад витые рожки, переливающиеся в лучах рассвета, увидел строгий крючковатый нос меж добрых глаз, глядевших так весело, губы в окружении бороды, тронутые в уголках лукавой полуулыбкой; увидел, как играют мускулы на руке, лежащей поперёк широкой груди, как длинные пальцы держат Панову свирель, едва оторванную от полураскрытых губ; увидел восхитительный изгиб мохнатых ног, в величественной праздности отдыхающих на дёрне; увидел, наконец, свернувшегося у самых копыт маленьского, кругленького, пухленького, как все детишки, выдрёнка, спящего в мире и покое. Всё это Крот увидел в единый миг — сжатый, на одном дыхании, живой в утреннем небе — и пока Крот смотрел, он жил, и пока жил, изумлялся.

— Крыс, — с дрожью, чуть дыша, прошептал он. — Ты не боишься?

— Боюсь? — пробормотал Крыс, и в глазах его засияла неизъяснимая любовь. — Боюсь? Его? Нет, о нет! И всё же, всё же, ах, Крот, боюсь!

Тут оба зверька припали к земле, склонили головы и вознесли молитву.

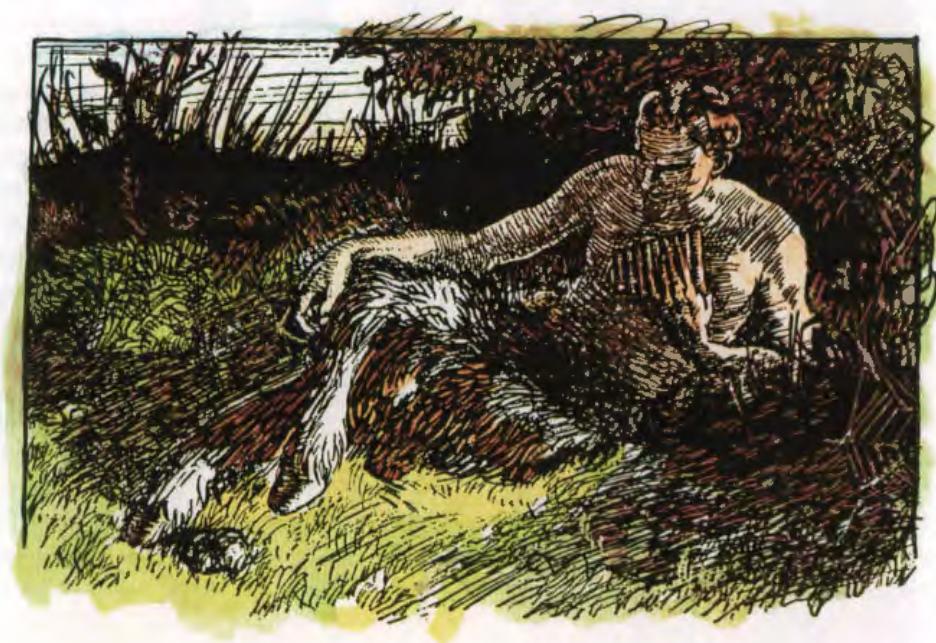
Нежданный и восхитительный, показался над горизонтом солнечный диск; первые лучи, отразившись от глади заливных лугов, упали на зверьков и ослепили их. Когда зрение вернулось к ним, Виденье исчезло, а воздух наполнился гимнами птиц, славивших зарю.

Пока друзья растерянно глядели перед собой, в немом унынии медленно постигая всё, что увидели и утратили, капризный ветерок взметнулся над заводью, ударился об осины, встряхнул росистые розы, мягко, ласково овеял Кроту и Крысу мордочки; с этим дуновением всё исчезло у них из памяти. Ибо последний и лучший подарок от милосердного полубога тем, кому он открылся в помощи, — забвенье.

^{*} Эпитет не случаен: бог Пан, среди прочего, отвечал за то, что в его честь и названо «паникой».

^{**} Зверькам, конечно, явился бог Пан, олицетворение всей природы. И свирель, упомянутая ещё в заглавии, и отсутствие у Крота «панического страха» подводили читателя к этому — так же бережно, как обоих героев.

Чтобы жуткое воспоминание не вернулось, не стало еще ужаснее, не заслонило собой веселья и радости, чтобы великое убежище памяти у зверьков, однажды вырученных из беды, очистилось на всю их жизнь – счастливую и радостную, как и прежде.

Крот протёр глаза и уставился на Крыса, ошалело озиравшегося по сторонам.
– Прошу прощенья, Крыс, ты, кажется, что-то сказал? – спросил он.

– Думаю, просто заметил, – медленно произнёс Крыс, – что здесь как раз такое место, где можно найти Крепыша. Гляди-ка! Да вот же он, наш парнишка! – И с радостным воплем бросился к сонному выдрёнку.

Но Крот на мгновенье замер, задумавшись. Так бывает, когда вдруг проснёшься на середине волшебного сна, и силишься вспомнить, и ничего не выходит, ничего: осталось одно лишь смутное ощущение красоты. Потом, однако, и это чувство проходит, оставив, словно в наказание, лишь холодное, горькое пробуждение; так и Крот после короткой схватки с памятью сокрушённо помотал головой и ринулся вслед за Крысом.

Крепыш проснулся с радостным писком и с удовольствием потянулся при виде папиных приятелей – тех, что прежде так часто с ним играли. Через мгновенье мордочка его вытянулась и он забегал кругами, чуть поскрипывая: малыш что-то вынюхивал. Как ребёнок, счастливо уснувший на руках у няни, а проснувшийся совсем один, в незнакомом месте, начинает обшаривать все углы, комоды, носится из комнаты в комнату, а отчаянье тем временем тихо накатывает на него, так и Крепыш сновал по островку вдоль и поперёк, неутомимо его обнюхивая, пока, наконец, не понял, что всё напрасно; он опустился на землю и горько заплакал.

Крот подбежал утешить зверёныша, а Крыс замешкался, глядываясь в следы копыт, глубоко впечатавшиеся в дёрн.

— Какой-то... огромный... зверь... здесь... был, — медленно и задумчиво прошептал он себе под нос; не сходя с места, он всё думал, думал; одна и та же мысль не шла у него из головы.

— Пойдём, Крыс! — позвал Крот. — Вспомни про беднягу Выдра: он всё еще караулит у брода.

Крепыша удалось быстро успокоить, пообещав прокатить по реке в настоящей лодке мистера Крыса; приятели отвели его к воде, усадили на дно лодки — на всякий случай, между собой — и двинулись к выходу из заводи. Солнце уже совсем взошло и пригревало, птицы распевали без умолку, цветы улыбались и

кивали с обоих берегов, но, как показалось нашим зверькам, уже не так радостно, и были не такими яркими, как совсем недавно, — вот только где это было?

Они вышли в главную протоку и развернули лодку носом против течения, туда, где, как знали, всё ждал в одиночестве их друг. Вблизи знакомого брода Крот направил лодку к берегу; они вытащили Крепыша, поставили на тропку, скомандовали ему «шагом марш», дружески похлопали по спинке и оттолкнулись от берега. Видно было, как малыш некоторое время шагал вразвалочку, довольный и важный; потом Крепыш задрал вверх мордочку и перешёл на забавную рысу; одновременно выдрёнок пронзительно завизжал, и ясно стало, что он кого-то узнал. Взглянув выше по течению, друзья разглядели и Выдра: тот во весь дух несся вдоль отмели, на которой провёл столько ночей в упорном ожидании; ивняком он продрался на тропу, и с берега доносились его удивлённые, счастливые вопли. Тут Крот резко загреб одним веслом, развернул лодку и доверил течению нести их, довольных счастливым исходом, туда, откуда началось путешествие.

— Чувствую странную усталость, Крыс, — сказал Крот, тяжело склоняясь над вёслами дрейфующей лодки, — ты скажешь, что мы всю ночь глаз не сомкнули, но дело не в этом. У нас летом каждую неделю половина ночей таких. Нет, чувствую себя так, словно произошло что-то интересное, хотя и немного странное, и совсем недавно, а ведь вроде ничего особенного не случилось.

— Или что-то совсем неожиданное, восхитительное, прекрасное, — пробормотал Крыс, откинувшись назад и прикрыв глаза. — Я чувствую то же самое: смертельно устал, но не телом. Здорово, что домой плыть по течению. Разве не чудо — снова ощущать, как солнышко прогревает до костей! И слушать, как ветерок ревзится в тростнике!

— Похоже на музыку — далёкую музыку, — сказал Крот, сонно кивая.

— Вот и я о том же, — прошептал мечтательно-вялый Крыс. — Танцевальную музыку — живую, льющуюся без конца, но со словами, хотя иногда вроде и без слов — они слышны в промежутках, потом снова музыка, и... всё, только тростник шуршит.

— Ты слышишь лучше меня, — печально признал Крот. — Я слов не различаю.

— Погоди, сейчас попробую тебе пересказать, — мягко отозвался Крыс, снова прикрыв глаза. — Ага, вот снова, негромко, но ясно: ...Чтобы страх не смог... Тебя покоя лишить... Свою силу явлю я, защищу и спасу я... И всё велю забыть! А теперь тростник подхватил: забыть, забыть, и слова потерялись в шёпоте и шелесте. Голос снова возвращается...

— Я все силки спущу... Капкан смогу разомкнуть... Ты глазком одним на меня взгляни... И сразу, конечно, забудь! — Подгреби ближе, Крот, ближе к тростнику! Плохо слышно, с каждой минутой все хуже.

— Выручу я из беды... Того, чей потерян путь... И прикажу я, раны врачуя:... «Тотчас про все забудь!» — Ближе, Крот, ближе! Нет, всё зря: в шелесте песня растворилась.

— А что значат эти слова? — спросил удивлённый Крот.

— Сам не знаю, — просто ответил Крыс. — Передал, как услышал. Ах! Снова возвращаются, но теперь громче и чище! В этот раз без ошибки: просто... страстно... совершенно...

— Ну, давай же, Крыс, — попросил Крот, несколько минут ждавший, подрёмыкая на жарком солнце.

Но ответа не было; он взглянул на приятеля и всё понял. Со счастливой улыбкой на мордочке, словно всё ещё прислушиваясь к чему-то, усталый Крыс крепко спал.

VIII. Приключения Жаба

Когда Жаб очутился в сырой, мерзкой темнице и понял, что угрюмый мрак средневековой крепости пролёг между ним и внешним миром, миром солнца и гладких асфальтовых магистралей, где совсем недавно он был столь счастлив, и все шоссе Англии принадлежали ему одному, то ничком бросился на пол и, повергнутый в глубочайшее уныние, засился горючими слезами. «Это – конец всему (говорил он), по крайней мере, конец карьере Жаба, что, в сущности, одно и то же; конец общему любимцу, вальяжному Жабу, богатому и хлебосольному Жабу, свободному, беззаботному жизнелюбу! Разве есть у меня надежда выбраться отсюда (говорил он), если я столь справедливо посажен в тюрьму за бессовестный угон замечательного автомобиля, равно как и за преступные цветистые ругательства, коими осыпал я целую толпу толстых, краснорожих полисменов (он забился в рыданьях)! Глупая тварь, вот я кто (говорил он), так и сгину в этой темнице, а тем временем все, гордившиеся знакомством со мной, позабудут само имя Жаба! О мудрый старый Барсук (говорил он)! О разумный, смекалистый Крыс и здравомыслящий Крот! Как справедливы были ваши суждения, какую житейскую мудрость они заключали! О несчастный, всеми забытый Жаб!». Мыслям в этом роде он посвящал дни и ночи нескольких недель кряду, отказывался от пищи, включая легкие закуски, хотя угрюмый и почтенный надзиратель, помнивший о туге набитых Жабовых карманах, частенько намекал ему, что многие предметы удобства и даже роскоши могут быть доставлены Жабу прямо с воли – по договорённости и за соответствующую мзду.

У надзирателя была дочка, девушка приятная и добросердечная, по мере сил помогавшая отцу в его службе. Она очень любила живность, и помимо канарейки, чья клетка днём висела на гвозде, загнанном в массивную стену (к величайшему неудовольствию узников, норовивших вздрогнуть после обеда), а ночью стояла, укрытая салфеткой, на столике в прихожей, у нее ещё были пёстрые мышки и белка, неутомимо мчавшаяся в своём колесе. Добрая душа пожалела горемыку Жаба и однажды сказала отцу:

— Папа! До чего ж мне жалко беднягу, ведь он, несчастный, прямо тает на глазах. Позволь мне приглядеть за ним. Ты ведь знаешь, как я люблю зверей. Научу его есть с руки, сидеть спокойно и много еще чему.

Отец ответил, что она может поступать, как знает. Он устал от Жаба, его хандры, причитаний и скучности. В тот же день дочь начала миссию милосердия и постучалась в дверь Жабовой камеры.

— Ну-ка, выше нос, Жаб, — ласково сказала она, едва переступив порог, — сядь как

следует, вытри глазки и будь разумным зверьком: постарайся поесть хоть немножка. Гляди, я кое-что захватила для тебя из дома, прямо из печки!

Кое-что представляло собой жаркое с овощами, уложенное на тарелку и прикрытое другой; аромат его мигом заполнил тесную камеру. Всепроникающий запах капусты достиг носа Жаба, распространённого в горе на полу, и на секунду он подумал, что, может, жизнь вовсе не так уныла и безотрадна, как ему представлялось. Но тут же вновь расхныкался, задёргал лапками и от еды отказался. Умная девочка ушла — конечно, лишь на время — оставив после себя чудесный запах горячей капусты, и Жабу, всё ещё время от времени хлюпавшему носом, сопевшему, разобиженному, постепенно пришли в голову свежие и вдохновляющие мысли: о благородстве, поэзии, поступках, кои надлежало совершить; о широких лугах, где под солнцем и ветром пасётся скот, об огородах, о ровных бордюрах вокруг цветников, о тёплых цветках львиного зева, облепленных пчелами, о бодрящем звоне посуды, расставляемой на столе в Жаб-холле, о том, как скрипят, двигаясь по полу, ножки стульев, когда каждый придвигается поближе к столу, чтобы заняться делом. Воздух тесной камеры стал для Жаба менее спретым; он подумал о друзьях, которые, без сомнения, могли кое-что для него сделать, об адвокатах, о той радости, с какой взялись бы они за его дело, и о том, каким ослом был он сам, когда пренебрёг их услугами; наконец, вспомнил Жаб и о собственном великом уме и возможностях, о том, чего мог бы достичь, потрудясь он ими воспользоваться, — словом, излечение, в основном, наступило.

Когда через несколько часов девочка вернулась, то принесла поднос с чашкой ароматного чая, над которой поднимался пар, и целую тарелку очень горячих гренков с маслом — толсто нарезанных, ярко подрумяненных с обеих сторон; масло растеклось по дырам в гренках крупными золотистыми каплями и стояло там, словно мед в сотах. Запах гренков с маслом сам заговорил с Жабом, заговорил напрямик: о тёплых кухнях, о завтраке солнечным морозным утром, об уютном кресле возле огонька зимними вечерами, когда все хлопоты позади, а лапы в шлёпанцах уютно покоятся на каминной решётке; о мурлыканье всем довольной кошки, о щебете сонных канареек. Жаб сел, в конце концов, прямо, утёр слезы, выпил чаю, проглотил гренок и вскоре уже свободно рассказывал о себе, о доме, в котором жил, о своих занятиях, о том, какая он важная птица, как высоко ценили его друзья.

Дочь надзирателя решила, что эта тема столь же благотворна для Жаба, как и чай, и не ошиблась; она повела беседу и далее в том же русле.

— Расскажи мне о Жаб-холле, — попросила она. — Название звучит так красиво.

— Жаб-холл, — горделиво начал Жаб, — превосходный особняк, резиденция, достойная истинного джентльмена; он во многом уникален: хотя отдельные его части датируются XIV веком, он имеет современные удобства. Современную санитарию. В пяти минутах ходьбы от него церковь, почта, поле для гольфа. Пригоден для...

— Да что ты, — рассмеялась девушка, — я не думаю его *покупать*. Расскажи мне о Жаб-холле что-нибудь *по-настоящему* интересное. Но только обожди чуть-чуть, я принесу ещё чаю с гренками.

Она ненадолго вышла и возвратилась с полным подносом; Жаб с жадностью набросился на гренки, снова становясь самим собой, прежним; он рассказывал о лодочном сарае, о зарыбленном пруде, об огороде, окружённом старыми стенами, и о свинарнике, конюшнях, голубятне, курятнике; о сыроварне, купальне, горках с фарфором, о прессах для отжимки белья (слушательницу они заинтересовали особо); о банкетном зале, где было так весело, когда за столом собирались вся дружная компания, когда он, Жаб, был в ударе и распевал песни, рассказывал разные истории, словом, был душой общества. Тут она захотела узнать про его друзей и очень заинтересовалась всем, что о них услыхала: как они жили, чем занимались. Девушка, конечно, не призналась Жабу, что животные ей нравятся как *домашние любимцы*, потому что понимала: Жаб страшно обидится. Когда она пожелала Жабу спокойной ночи, наполнив водой кувшин и взбив соломенную подстилку, узник был таким же самодовольным и жизнерадостным, как в прежние времена. Он спел одну-две песенки из тех, что певал в застолье, свернулся калачиком на соломе и заснул сладким сном, полным дивных сновидений.

С тех пор они часто скрашивали скучные дни интересными беседами; дочка надзирателя прониклась живым сочувствием к Жабу и решила, что несправедливо бросать зверька в тюрьму за то, что казалось ей незначительной провинностью. Тщеславный Жаб, разумеется, возомnil, что интерес к нему вызван нежными чувствами; он даже слегка пожалел, что социальный разрыв между ними так велик: ведь девушка была прехорошенькая и, безусловно, им восхищалась.

Однажды утром собеседница была очень рассеянна, отвечала невпопад и не уделяла должного, по мнению Жаба, внимания его остротам иrossыпям каламбуров.

— Послушай, Жаб, — сказала она чуть погодя, — у меня есть тётя-прачка.

— Ну-ну, — снисходительно-любезно отозвался Жаб, — пустяки, не стоит и думать об этом. Несколько моим тётишкам следовало бы стать прачками.

— Помолчи минутку, Жаб, — попросила девушка. — Ты слишком разговорчив, это главная твоя беда; мне надо подумать, а ты мешаешь. Как я сказала, моя тётя — прачка, она обстирывает всех заключённых в этом замке — мы, сам понимаешь, стараемся не выпускать из семьи дельце любого рода, приносящее доход. Грязное бельё она забирает в понедельник утром, а чистое возвращает в пятницу вечером. Сегодня четверг. Вот что пришло мне в голову: ты страшно богат, во всяком случае, ты всегда мне так говорил, а у неё ни гроша. Несколько фунтов тебя не разорят, а для тётишки это сумма, и немалая. Думаю, если к ней правильно подойти (вы, зверюшки, сказали бы проще: подкупить), то можно прийти к соглашению: она даст тебе своё платье, шляпку и всё прочее, и ты сможешь убежать из тюрьмы под видом прачки. Вы с ней многим схожи, в особенности фигурой.

— Ничего общего, — звился Жаб. — Для жабы я сложен весьма недурно.

— И тётушка тоже недурна на свой лад, — ответила девушка. — Но как знаешь. Ты — противный, заносчивый, неблагодарный зверёк, а я-то тебя жалею и пытаюсь помочь!

— Конечно, конечно, всё так, спасибо тебе огромное, — поспешил поправиться Жаб. — Но, видишь ли, не подобает мистеру Жабу из Жаб-холла разгуливать, переодевшись прачкой!

— Тогда оставайся здесь просто Жабом, — в сердцах бросила девушка. — Ты, полагаю, собрался покинуть тюрьму в карете четвернёй!

Честный Жаб всегда готов был признать свою неправоту.

— Ты — славная, добрая, умная девушка, — сказал он, — а я и в самом деле заносчивый турица-Жаб. Будь добра, представь меня своей достойной тётушке, и, вне сомнений, мы с этой восхитительной леди сможем прийти к обоюдовыгодному соглашению.

На следующий вечер девушка ввела прямо в камеру Жаба свою тётушку с кипой белья, завёрнутого в полотенце. Пожилую леди уже подготовили к предстоящему разговору, а вид нескольких золотых соверенов, которые Жаб предусмотрительно разложил на столе, практически решил дело, и обсуждать оказалось почти нечего. В обмен на золото Жабу достались платье из хлопчатки, передник, шаль и старомодная чёрная шляпка; единственное условие пожилой леди сводилось к тому, что ей следовало заткнуть кляпом рот, связать и бросить в угол. Эта невинная хитрость, как она объяснила, даёт красочный рассказ, который она приготовит, помогут если не отвести от неё подозрения, то хотя бы оставить их всего лишь подозрениями.

Жаб пришёл в восторг. Он сможет покинуть тюрьму с известным шиком, сохранив незапятнанной репутацию отчаянного, рискового малого; он с готовностью помогал дочке надзирателя придать тётушке, насколько это возможно, вид жертвы обстоятельств, коим она не сумела воспротивиться.

— Теперь, Жаб, твой черёд, — сказала девушка. — Снимай куртку и жилет, ты и так слишком толстый.

Трясясь от смеха, она помогла узнику влезть в хлопчатобумажное платье, застегнула все крючки, ловко завернула Жаба в шаль и повязала под подбородком ленты старой шляпки.

— Вылитая тетушка, — хихикала она, — уверена, ни разу в жизни ты не выглядел солиднее, чем сейчас. А теперь прощай, Жаб, и — удачи тебе. Иди тем же

путём, каким тебя доставили сюда; если окликнут, что вполне вероятно, мужчины есть мужчины, можешь, конечно, поставить их на место, но помни, что ты — вдова, одна-единёшенька на свете и дорожишь своей репутацией.

С душой в пятках, но самым твёрдым, каким мог, шагом Жаб не без робости выступил в безрассудное и рискованное предприятие; вскоре его удивила приятная легкость, с какой всё поначалу удавалось, хотя не принадлежавшие ему популярность и пол несколько смущали беглеца. Приземистая фигурка прачки в неизменном хлопчатобумажном платье служила пропуском в любые запертые двери и угрюмые ворота; даже когда Жаб замешкался, не зная, куда повернуть, из затруднения его вывел стражник у очередных ворот: он боялся опоздать к чаю и велел Жабу поторапливаться, не ждать же его всю ночь. Колкости и шуточки,

которыми Жаба осыпали, требовали, конечно, быстрых и находчивых ответов; в них-то и состояла главная опасность: Жаб обладал обострённым чувством собственного достоинства, а шутки (по его мнению) были убогими, плоскими, а в подковырках юмора не было ни на грош. Он всё же выдержал и это испытание, хотя с немалым трудом подбирал ответы, годившиеся для подобной компании и соответствовавшие разыгрываемой им роли, и умудрился при этом не погрешить против вкуса.

Прошли, казалось, целые часы, пока он не пересёк последний на своём пути дворик, отверг настойчивые притязания последнего караульного, увернулся от расставленных лапищ последнего тюремщика, молившего с ненатуральной страстью об одном-единственном прощальном объятии. Но вот, наконец, лязгнула за спиной у Жаба последняя щеколда на последних воротах, свежий ветер внешнего мира ударил ему в лицо и он понял, что свободен!

В восторге от лёгкости, с какой удался побег, Жаб заспешил в сторону городских огней, не имея ни малейшего представления, что делать дальше, и зная лишь одно: нужно чем скорей, тем лучше убраться подальше от мест, где леди, чей облик он принял, была столь известна и популярна.

Он шагал, погружённый в себя, как вдругглядел зелёные и красные огоньки чуть в стороне от города, услыхал пыхтенье и фырканье паровозов и стук рельсов при переводе стрелок. «Ага! – подумал он. – Вот так удача! Железнодорожная станция – как раз то, что мне нужно сейчас больше всего на свете; кроме того, не придётся тащиться через весь город в таком виде, да еще рассыпать шуточки не лучшего разбора – пусть даже и на пользу делу; уважать себя больше за это не станешь».

Поэтому он двинулсь на станцию, изучил расписание и выяснил, что поезд, идущий более или менее в сторону дома, отходит через полчаса.

– Как здорово! – воскликнул Жаб; настроение его быстро улучшалось, и он отправился в кассу за билетом.

Жаб назвал станцию,

ближайшую к деревне, главной достопримечательностью которой является Жаб-холл, и в поисках денег механически сунул лапу туда, где полагалось быть жилетному кармашку. Но хлопковая ткань, столь благородно служившая Жабу до сей поры (о чём он, правда, почти успел забыть), стала теперь на пути пальцев неодолимой преградой. Словно в кошмарном сне, сражался он с чужой жуткой тряпкой, не пускавшей пальцы, сводившей на нет все усилия, ловко потешавшейся над Жабом; другие пассажиры, образовавшие позади него целую очередь, проявляли нетерпение, давали более или менее бесполезные советы, делали более или менее ехидные замечания. Наконец, каким-то образом – как именно, он так и не понял – Жаб преодолел барьер и достиг цели, добравшись туда, где извечно положено

быть жилетному кармашку, но не нашёл не только денег, но и кармашка для денег, и даже жилетки для кармашка!

С ужасом он вспомнил, что бросил в камере и куртку, и жилетку с записной книжкой, деньгами, ключами, часами, спичками, перочинным ножиком; со всем, что делает жизнь достойной того, чтобы жить, со всем, что отличает зверька со множеством карманов – венец творения – от жалких однокарманных или вовсе бескарманных существ, тех, что вскакивают в вагон на ходу, путешествуют от случая к случаю, чей вид не выдерживает критики.

Попав в беду, Жаб предпринял отчаянную попытку поправить дело, и, вспомнив старомодный стиль общения, обратился в некую смесь сквайра с университетским профессором, после чего произнёс:

– Послушайте! Оказалось, что мой кошёлёк позабыт дома. Будьте любезны дать мне билет, а деньги я вышлю завтра же. В этих краях меня все знают.

Кассир с минуту разглядывал Жаба и его старую чёрную шляпку, а затем расхохотался.

– Полагаю, вас и вправду хорошо знают в этих краях, – сказал он, – если вы часто проделываете такие штуки. Ладно, мадам, отойдите от окошка, пожалуйста. Вы мешаете другим пассажирам!

Пожилой джентльмен, до того напиравший на Жаба сзади, оттолкнул его прочь и, что хуже всего, назвал при этом добной женщиной; такое обращение взбесило Жаба больше, чем что-либо другое из случившегося с ним в этот вечер.

Сбитый с толку, в полном отчаянья, словно слепой шагал он вдоль платформы, где стояли поезда, и слезы омывали Жабов нос с обеих сторон. Как тяжко, думал он, быть почти в безопасности, почти дома, и застрять из-за того, что в кармане не оказалось нескольких шиллингов, а в кассе засел недоверчивый крючкотвор. Очень скоро побег обнаружат, кинутся в погоню, схватят его, обругают, закуют в цепи, отволокут обратно в тюрьму, посадят на хлеб и воду, бросят на солому; срок заключения удвоят, и ещё: какими едкими замечаниями осыплет его девушка! Что же делать? На ноги он не скор, да и фигуру имеет, к несчастью, приметную. Может, спрятаться под скамейку в вагоне? Ему знаком был этот метод: им успешно пользовались школьники, когда деньги на проезд, выданные заботливыми родителями, тратились на иные цели и с куда большим толком. Предавшись размышлению, он оказался против локомотива, который смазывал, протирал и любовно оглядывал машинист – плотный мужчина с маслёнкой в одной руке и пучком ветоши в другой.

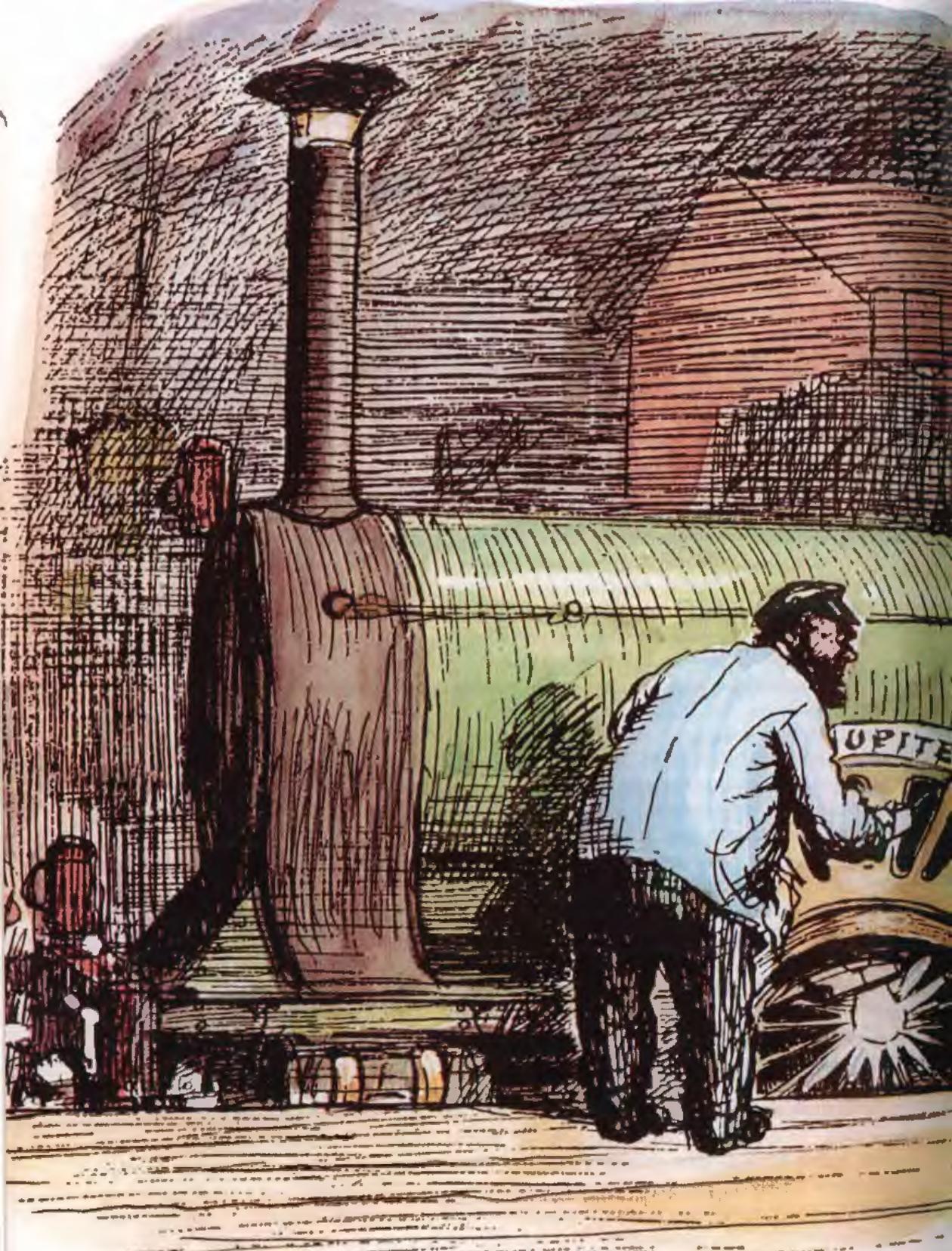
– Привет, мамаша! – окликнул машинист Жаба. – Что стряслось? Вид у вас не слишком веселый.

– Ах, сэр, – из глаз Жаба снова брызнули слезы, – я бедная, несчастная прачка, и я потеряла все деньги, и не могу заплатить за билет, а мне очень надо поспеть к вечеру домой, и я не знаю, как быть. О Боже! О Боже!

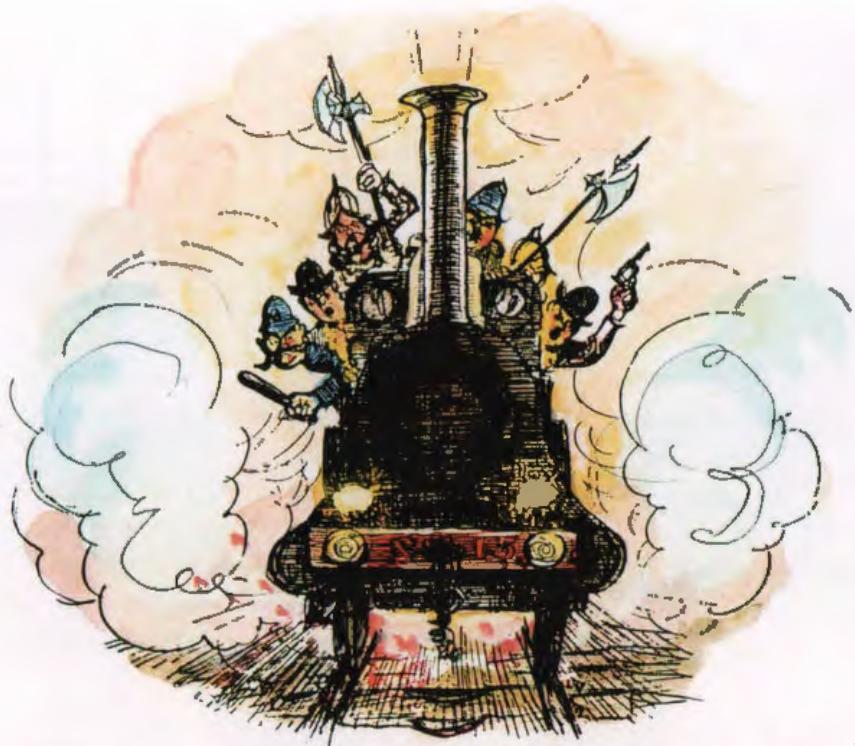
– Да, плохо дело, – задумчиво сказал машинист. – Деньги потеряли, домой не попасть, а там детишки ждут, осмелюсь предположить?

– Целая куча, – хныкал Жаб. – Проголодаются, начнут играть со спичками, опрокинут лампу, бедняжки! Перессорятся, и всё прочее. О Боже! О Боже!

– Ну, вот что я сделаю, – сказал добряк-машинист. – Вы, говорите, прачка. Вот и славно. А я машинист, как видите, и работа у меня чертовски грязная, можете не сомневаться. Горы грязных рубашек, жёнушка с ног валится над корытом. Если возьмёtesесь выстирать мне рубашки да прислать их чистыми, то найду вам местечко на паровозе. Это против правил Компании, но в такой глупши мы не особо их соблюдаем.

Уныние Жаба сменилось восторгом, когда он бодро вскарабкался в кабину паровоза. Разумеется, рубашек он не стирал сроду, да и не выстирал бы, решись на такое. Правда, стирки у него и в мыслях не было, однако он подумал: «Как только вернусь в Жаб-холл и снова будут у меня деньги, а также карманы, где можно их держать, пошлю машинисту достаточно, чтобы он смог заплатить за любую стирку, а это – то же самое, даже лучше».

Кондуктор махнул флагжком, машинист весело загудел в ответ, и поезд отошёл от станции. Он набирал ход, по обе стороны от себя Жаб видел поля, деревья, изгороди, коров и лошадей, всё летело назад, а он размышлял о том, что с каждой минутой приближается к Жаб-холлу, к милым своим друзьям, монетам, позывавшим в карманах, мягкой постели, лакомствам, восхищению и обожанию слушателей при рассказах о его приключениях, об изумительной его смекалке; он стал подпрыгивать, расшумелся, запел обрывки песенок – к великому изумлению машиниста, которому приходилось, и не раз, иметь дело с прачками, но с такой вот – никогда.

Они проехали много-много миль, и Жаб уже размышлял, что закажет на ужин, когда доберётся домой, как вдруг заметил, что машинист с недоумением на лице высунулся из кабины и усиленно во что-то вслушивается. Потом он забрался на кучу угля и поглядел назад поверх поезда, после чего вернулся и сказал Жабу:

– Очень странно; сегодня наш поезд – последний в этом направлении, но готов поклясться, что за нами идёт еще один!

Жаб мигом позабыл свои мечтанья. Он погрустнел, стал подавленным; тупая боль, зародившись в нижней части спины, отдавалась в лапы, наполнив его желанием сесть и не думать, что бы мог значить такой поворот дела.

Луна в это время светила ярко, и машинисту, примостившемуся на угольной куче, рельсовый путь был виден далеко-далеко назад. Вскоре он воскликнул:

— Вот теперь ясно вижу! Это паровоз, идёт по нашей ветке, и полным ходом! Похоже, за нами гонятся!

Несчастный Жаб, присыпанный угольной пылью, отчаянно искал выход, не без малейшего успеха.

— Они нас догоняют! — крикнул машинист. — И на паровозе полно чудных каких-то пассажиров! Похожи на тюремщиков прежних времен, машут алебардами; полисмены в шлемах машут дубинками, а неряшливо одетые люди в котелках — явно переодетые сыщики, даже на таком расстоянии не ошибёшься — машут револьверами и тростями; и все орут одно и то же: «Стой, стой, стой!».

Тут Жаб рухнул посреди угольной кучи на колени и, умоляюще воздев лапки, завопил:

— Спасите, о, спасите меня, добрый господин Машинист, и я признаюсь во всем! Я вовсе не прачка, как может показаться! Меня не ждут дома детки — ни бедняжки, ни какие ещё! Я — жаб, известный мистер Жаб, владелец поместья; я только что бежал, благодаря своей величайшей храбрости и смекалке,

из отвратительного застенка, куда бросили меня враги; если те ребята на паровозе меня схватят, то оковы, хлеб, вода, солома на полу и

прозябанье за решёткой снова станут уделом бедного, несчастного, невинного Жаба!

Машинист строго поглядел на него сверху вниз и сказал:

— Ну, а теперь выкладывай начистоту, за что тебя посадили!

— За сущую безделицу, — ответил бедняга Жаб, густо краснея. — Я только воспользовался автомобилем, пока хозяева закусывали, он всё равно в это время был им не нужен. Я вовсе не собирался его красть, но люди — особенно судьи — слишком строго подошли к необдуманным и пылким поступкам!

Машинист напустил на себя важность и произнёс:

— Боюсь, что ты действительно дрянной жаб, и по всем правилам следовало бы отдать тебя в руки правосудия. Но ты, похоже, влип в скверную историю, а в беде я тебя не брошу. Мне не по нутру автомобили, это во-первых, и полисмены, когда они начинают распоряжаться моим паровозом, во-вторых. Когда зверёк плачет, его всегда жалко, прямо сердце щемит. Так что держись, Жаб! Я с тобой, сейчас мы им покажем!

Они взялись за лопаты и принялись, как бешеные, швырять уголь в топку; пламя взревело, посыпались искры, паровоз рванул, наддал, но все же погоня неуклонно приближалась. Машинист вздохнул, утёр лоб пучком ветоши и сказал:

— Боюсь, Жаб, дело плохо. Сам видишь: они налегке, и паровоз у них лучше. Осталось одно-единственное, и это — последняя твоя возможность, так что слушай внимательно. Скоро будет длинный туннель; по ту его сторону путь проходит через густой лес. Туннель мы прокочим так быстро, как только сможем, а эти парни, ясное дело, чуть сбросят скорость, чтобы в нас не врезаться. На выходе из туннеля я перекрою пар и тормозну со всей силы; как только можно будет, прыгай и прячься в чащме, пока другой паровоз не миновал туннель и тебя не заметили. А я снова поддам пару и пусть гонятся за мной, если хотят, сколько хотят и пока не надоест. А сейчас соберись и приготовься прыгать по команде!

Они подбросили в толку ещё угля, и поезд пулей влетел в туннель; паровоз нёсся с грохотом и рёвом, пока не выскочил на свежий воздух, под мирный свет луны, не оказался посреди леса, спасительно протянувшегося по обе стороны полотна. Машинист перекрыл пар и нажал на тормоз; Жаб вцепился в поручни, и когда скорость стала чуть не черепашьей, машинист крикнул:

— Прыгай!

Жаб спрыгнул, скатился с невысокой насыпи, вскочил целехонек, юркнул в чащу и затаился.

Ему было видно, как поезд снова набрал ход и быстро исчез из виду. Потом из туннеля со свистом и рёвом вылетел паровоз преследователей; его разношёрстная команда размахивала всеми видами оружия и вопила:

— Стой! Стой! Стой!

Когда и они промчались мимо, Жаб от души рассмеялся — впервые с тех пор, как его бросили в тюрьму.

Но смеялся он недолго, поскольку смекнул, что время позднее, вокруг темно и холодно, он в незнакомом лесу, без денег и надежды на ужин, всё ещё вдалеке от друзей и дома; после паровозного грохота и рёва мёртвая тишина вокруг сразу оглушила его. Жаб не решился выйти из-под защиты деревьев, и потому углубился в лес, чтобы убраться от железной дороги как можно дальше.

После стольких недель в четырёх стенах лес казался ему чужим, неприветливым, склонным, как думал Жаб, сыграть с ним злую шутку. Козодой своей деревянной трескотней наводил на мысль о том, что лес прочесывают стражники, что круг сужается. Сова бесшумно налетела на Жаба, зацепив крылом, и он отпрянул с жутким чувством, будто на плечо ему легла чья-то рука; сова же легко, как мотылек, полетела дальше и зашлась утробным хохотом: «Хо! Хо! Хо!».

Жаб счёл это проявлением дурного вкуса. Однажды он попался на глаза лису; тот остановился, смерил Жаба взглядом и саркастически заметил:

– Привет, прачка! На этой неделе я не досчитался носка и наволочки! Чтоб больше такого не было! – и важно удалился, не переставая ухмыляться.

Жаб поискал камень, чтобы запустить им в обидчика, но не нашёл, и это окончательно вывело его из себя. Наконец, продрогший, голодный, выбившийся из сил, он высмотрел дуплистое дерево, из веток и сухих листьев соорудил, какую смог, постель, и крепко уснул до самого утра.

IX. Все – в путь!

Что-то тревожило Водяного Крыса, но что именно, разобрать он не мог. Лето, по всем признакам, было в самом разгаре: хотя поля из зелёных понемногу делались золотистыми, краснела рябина, да и лес тут и там приобрёл рыжевато-коричневый оттенок, света, тепла и красок не убавилось; холодные предчувствия, что год уходит, природы пока не коснулись. Правда, дружный птичий хор в садах и живых изгородях сменился отдельными выступлениями особо настойчивых солистов; снова заявила о себе малиновка; ощущение перемен и расставаний пронизывало воздух. Давно, разумеется, не подавала голоса кукушка, и многих других членов пернатого братства, ставших привычной частью пейзажа и местного общества, тоже слышно не было; вообще казалось, что день ото дня птиц становится меньше. Крыс, примечавший всё, что касается летающей публики,глядел, что птичье движение направлено к югу; даже лёжа ночью в постели он различал, как ему казалось, в тёмном поднебесье взмахи и трепетанье нетерпеливых крыльев, послушных властному зову.

В гранд-отеле Природы тоже есть свои сезоны.

Когда постояльцы один за другим укладывают вещи, платят по счетам и съезжают, и народу за *табльдотом* с каждым днём собирается всё меньше; когда номера запирают, ковры сворачивают, а сезонные официанты получают расчёт; постояльцы из тех, что на *пансионе* до следующего сезона, не могут оставаться безучастными при виде всех отъездов и прощаний, жаркого обсуждения планов, маршрутов, новых квартир, день ото дня сужающегося круг знакомств. Они становятся беспокойными, подавленными, и даже склонны поворчать: «Откуда эта страсть к переменам? Почему бы рассудительно, без кислой мины, не остаться с нами?

Вы ведь не знаете, каков этот отель в межсезонье, как славно живётся тут нам, оставшимся на весь год, полный интересных событий!». «Всё так, без сомнений, – неизменно отвечают на это отезжающие, – мы просто завидуем вам, но как-нибудь в другой раз... сейчас никак, автобус уже у дверей, нам пора!». И они уезжают, улыбаясь и кивая на прощанье, а нам их не хватает, и мы считаем их виноватыми. Крыс относился к тем самостоятельным зверькам, что привыкают к обжитому месту: куда бы кто ни ехал, он оставался, хотя не мог прямо нутром не чувствовать всего, что витало в воздухе.

Трудно всерьёз сосредоточиться посреди этакой суеты. Покинув берег реки, где густой тростник стеной стоял в медленном течении спадающей воды, Крыс бродил по окрестностям, пересёк одно-два пастбища, в эту пору уже пыльных и заброшенных, и нырнул в бескрайнее море пшеницы – жёлтое, колышущееся, полное шорохов, тихого движения и едва слышных секретов. Он любил бродить здесь, в чаще сухих крепких стеблей, державших собственное золотое небо у него над головой – небо вечно

пляшущее, переливающееся, ласково-болтливое; порой колосья пригибались под порывом ветра, но всегда выпрямлялись — суматошно, с весёлым смехом. А ещё здесь было у него множество маленьких друзей, целое общество, довольно замкнутое, живущее наполненной деловой жизнью, но всегда готовое выкроить минутку, чтобы поболтать с гостем. Сегодня, однако, мыши-полёвки и хомячки, которым никак не откажешь в воспитанности, были, казалось, слишком поглощены собственными заботами. Одни копошились в земле, деловито рыли тунNELи; другие, собравшись в небольшие компании, изучали планы и чертежи своих квартирок, построенных удобно и компактно, расположенных достаточно близко к Складам. Кое-кто вытаскивал пыльные чемоданы и бельевые корзины, другие по уши погрузились в упаковку пожитков; всюду лежали готовые к перевозке снопики пшеницы, овса, ячменя, горки буковых орешков и лесных орехов.

— А, старина Крысси пожаловал! — закричали зверьки, едва завидев гостя. — Давай, Крыс, помогай, прохладиться теперь не время!

— Что это вы затеяли? — недовольно спросил Крыс. — О зимних квартирах думать рано, сами знаете!

— Конечно знаем, — чуть пристыженно согласился хомячок. — Но и загодя позаботиться не мешает, правда? Нам ведь надо собрать и мебель, и вещи, и припасы, пока на поля не заявились эти ужасные клацающие машины; а потом, знаешь ли, глазом моргнуть не успеешь, а лучшие квартиры уже займут, опоздаешь — придётся соглашаться на любую дыру, с которой неизвестно сколько провозишься, прежде чем можно будет въехать. Сборы начали, конечно, рановато, но мы ведь только начали.

— Нашли время начинать, — съязвил Крыс. — Вон, какой день чудесный. Пошли прокатимся в лодке, или пробежимся вдоль изгороди, или устроим пикник в лесу, или ещё что-нибудь.

— Нет, полагаю, не сегодня, — поторопился отказаться хомячок. — Как-нибудь в другой раз, когда у нас будет время...

Крыс презрительно фыркнул, круто развернулся, но споткнулся о шляпную картонку и слёпнулся, успев сделать замечание нелестного свойства.

— Будь некоторые повнимательнее, — несколько назидательно заметил хомячок, — да гляди себе под ноги, не ушибались бы... и не забывались. Не споткнись о портплед, Крыс! Пересядь куда-нибудь. Через часок-другой станем посвободней и займёмся тобой.

— «Посвободней», как ты выразился, вы не станете до самого Рождества, можешь мне поверить, — сердито пробурчал Крыс, с трудом выбираясь в поле.

В некотором унынии он вернулся к реке — верной, ровно текущей, старой своей реке, никогда не паковавшейся, не съезжавшей, не искашевой зимней квартиры.

В ивняке, обрамлявшем берег, Крыс приметил сидевшую на ветке ласточку. Вскоре к ней присоединилась другая ласточка, а потом и третья; беспокойно ёрзая по веточке, пичуги вполголоса завели серьезную беседу.

— Как, уже? — спросил Крыс, подходя ближе. — Что за спешка? Просто нелепо, по-моему.

— Нет, мы не прямо сейчас улетаем, — ответил первая ласточка, — мы только планируем, намечаем. Обговариваем, одним словом, какой маршрут выбрать, где сделать остановки, и всё прочее. В этом — половина удовольствия!

— Удовольствия? — переспросил Крыс. — Вот уж этого мне никак не понять. Вам *приходится* покидать чудесные места, друзей, которым будет вас не хватать, бросать уютное жильё, едва обжитое, и вот приходит час, и вы смело — в этом не сомневаюсь — отправляетесь навстречу опасностям, неудобствам, переменам, неизвестности, и, хотите сказать, не чувствуете себя при этом очень уж несчастными. Но толковать об этом, или хотя бы обдумывать, пока нет особой нужды...

— Нет, ты просто не понял, — вмешалась другая ласточка. — Сперва мы ощущаем какое-то внутреннее беспокойство, сладкое волнение; затем появляются воспоминания — одно за другим, как голуби, прилетающие домой. Они трепещут в ночных наших снах, они летают с нами днём, когда мы резвимся и кружим в небе. Нас тянет встретиться друг с другом, чтобы разделить свои чувства, убедиться в их реальности — по мере того, как запахи, звуки, названия давно забытых мест чередой проходят перед нами.

— Может, вам бы разок остаться, ну хоть в этом году? — задумчиво предложил Водяной Крыс. — А уж мы постараемся, чтоб вы чувствовали себя как дома. Вы ведь и не знаете, как весело мы тут живем, пока вас нет.

— Я как-то раз «осталась», — сказала третья ласточка. — Так уж мне полюбилось одно mestечко, что на юг все улетели без меня. Несколько недель всё было хорошо, но потом... О, длинноющие ночи! Пронизывающие пасмурные дни! Липкий, холодный воздух, и ни единого насекомого на акры вокруг! Нет в этом ничего хорошего; решимость моя растаяла, и однажды холодной, ненастной ночью я поднялась на крыло и полетела вглубь суши, куда гнали сильные восточные ветры*. В снегопад пробивалась через высокогорные перевалы, вынесла множество напастей, но никогда не забыть мне блаженного мига, когда лучи горячего солнца согрели спину, когда я ринулась к озёрам, голубым и безмятежным, раскинувшимся внизу, и почувствовала вкус первого упитанного насекомого! Прошлое показалось дурным сном, будущее — счастливым праздником; я летела к югу неделю за неделей, легко, лениво; отдыхала, сколько хотела, но всегда прислушивалась к зову! Нет, предупреждение я получила, и больше ослушаться зова не решусь.

* То ли ласточка, то ли автор что-то путают: вглубь суши и через горы английскую ласточку могут гнать только западные ветры!

– О да, зов юга, юга! – мечтательно защебетали прочие ласточки. – Его песни, его краски, его лучезарный воздух! А помните... – и, позабыв о Крысе, они предались страстным воспоминаниям, а Крыс слушал, очарованный, и сердце пылало у него в груди. Он и сам почувствовал дрожь струн, дотоле молчавших и не дававших о себе знать. Простой болтовни перелётных пташек, избитых слов, пересказов хватило, чтобы пробудить в зверьке страстное желание, заполнившее его целиком: хоть на мгновенье познать подлинную жизнь, ощутить жаркое прикосновенье настоящего южного солнца, вдохнуть струю подлинно южных запахов. Он закрыл глаза и окунулся в грёзы, на какое-то время позабыв обо всём, а когда открыл их снова, река показалась безжизненной и холодной, как сталь, а зелёные поля – серыми и мрачными. Но тут сердце, преданное родному краю, встрепенулось, укоряя отступника за минутную слабость,

– Тогда зачем вы возвращаетесь? – ревниво поинтересовался он. – Что влечёт вас к бедному, унылому захолустью?

– А ты думаешь, что другой зов, в иную пору года, не для нас? – ответила первая ласточка. – Зов сочной травы на полянах, умытых дождём садов, тёплых луж, кишащих насекомыми, пасущихся стад, сенокосов, деревенских построек вокруг Храма Совершенных Карнозов^{*}?

– Может, ты считаешь, будто кроме тебя никто не хочет вновь услышать голос кукушки? – подхватила вторая.

– Придёт время, – вмешалась третья, – и мы затоскуем по дому, по тихим белым лилиям, колыхающимся на глади английских речек. Но сейчас зов этот – слабый, еле слышный, далёкий. Сейчас другая музыка волнует нам кровь.

Птички снова защебетали промеж собой, и на сей раз их возбуждённая трескотня касалась лазурных морей, золотых песков, старых стен, на которых греются ящерицы.

Крыс, лишившись покоя, ушёл прочь; он поднялся по склону холма, плавно уходившему вверх от северного берега реки, улёгся там и долго глядел в сторону большого кольца Даунсов^{**} раскинувшегося, сколько хватало глаз, к югу; там кончался его мир до сей поры, там были его Лунные Горы^{***} – предел, за которым не было ничего такого, что он хотел бы увидеть или узнать. Смотреть на юг стало новой потребностью, зародившейся в его душе; в чистом небе над длинной чередой невысоких холмов, казалось, пульсировало обещание; прежде невидимое с этой минуты стало для него всем, неизведанное – единственным настоящим событием в жизни. По эту сторону холмов было теперь просто пустынно, по другую лежала насыщенная, многоцветная панорама, отчётливо представлявшаяся внутреннему взору. Что за моря разливались там – зелёные, в скачущих барашках волн! Что за берега – залитые солнцем, с белыми виллами средь оливковых рощ! Что за тихие гавани, откуда величавые суда готовы отплыть за винами и пряностями к пурпурным островам, низко сидящим в разомлевших водах!

Крыс встал и снова двинулся к реке, но вскоре передумал и сошёл с пыльной тропы. Наполовину зарывшись в густые, прохладные заросли под живой изгородью, бежавшей вдоль тропы, он отдался мечтаниям о полных опасностей дорогах, об удивительных странах, куда они ведут, о путниках, бредущих этими дорогами, о судьбах и приключениях, которые то ли ждут их, то ли нет – там, далеко-далеко...

* Ласточка имеет в виду, конечно, сельскую церковь, под карнизами которой так замечательно вить гнёзда.

** Даунсы – гряда холмов на юго-востоке Англии.

*** Географы древности помещали эти горы (которых, конечно, никто в глаза не видел) в центр Африки, полагая, что там – истоки Нила. В переносном смысле – край света.

Послышались чьи-то шаги, а вскоре показалась и фигура усталого странника; это тоже был крыс, но сплошь пропылённый. Поравнявшись, он приветствовал Водяного Крыса — учтиво и как-то на чужеземный манер — и, чуть поколебавшись, с вежливой улыбкой сошёл с тропы, сел рядом в прохладную траву. Чужак выглядел усталым, и Крыс дал ему передохнуть, не донимал вопросами, понимая, что пришельцу надо собраться с мыслями; Крыс знал, кроме того, как ценит любой зверёк молчаливую компанию, когда усталые мускулы отдыхают, а ум отсчитывает время.

Путник был худ, с резкими чертами мордочки, чуть сутуловат; лапы имел длинные и тощие, в уголках его глаз собирались морщинки, в аккуратных, хорошо поставленных ушках блестели некрупные золотые серьги. Вязаный свитер крыса был некогда синим, заплатанные, в пятнах штаны тоже прежде считались синими, а скучные пожитки увязаны были в синий хлопковый платок.

Немного передохнув, незнамоемец потянул носом воздух и огляделся.

— Тёплый ветерок подул, сразу клевером запахло, — заметил он, — а там, позади, слышишь, коровы на лугу пасутся, траву жуют и пыхтят между глотками. Где-то подальше жатка стучит, а вон голубой дымок поднимается над коттеджем, прямо против леса. Река где-то рядом: слышу шотландскую куропатку, да и ты, похоже, с водой неплохо знаком. Всё кажется спящим, но на самом деле всё время что-то происходит. Славная у тебя жизнь, приятель, лучшей, без сомненья, в мире не сыщешь, лишь хватило бы тебе сил так жить!

— Да, жизнь *настоящая*, так только и стоит жить, — задумчиво, без обычной своей уверенности отозвался Водяной Крыс.

— Я не совсем то имел в виду, — осторожно возразил путник, — но, ясное дело, такая жизнь самая лучшая. Пробовал, знаю. Раз уж сам так жил целых шесть месяцев, то знаю, что лучше не бывает; и вот теперь голодный, со сбитыми лапами, удираю от неё, бегу на юг, повинуясь древнему зову, к *прежней своей жизни*, к той, что не хочет отпускать.

«Ещё один такой же», — подумал Крыс.

— Откуда теперь идёшь? — опросил он, с трудом удержавшись от вопроса, куда держит путь новый знакомец: ответ казался слишком ясным.

— Со славной маленькой фермы, — кратко ответил путник. — Вон оттуда, — он кивнул на север. — Впрочем, это неважно. Имел там всё, чего можно желать, всё, на что мог рассчитывать в жизни, и даже сверх того, и вот я здесь! И счастлив, что здесь, понимаешь, счастлив! На сколько миль, на сколько часов ближе к мечте моего сердца!

Его блестящие глаза упорно скользили по горизонту; путник, казалось, вслушивался, не донесётся ли какой звук с той стороны, откуда пришёл, не прольется ли сладкой мелодией пастбищ и фермерского подворья.

— Ты не *нашего* круга, — заметил Водяной Крыс, — но и не из фермеров, и вообще, если не ошибаюсь, не здешний.

— Верно, — подтвердил путник. — Морской Крыс — вот кто я такой, порт приписки — Константинополь; впрочем, я и там вроде иностранца: выговор у меня не тот. Слыхал про Константинополь, приятель? Отличный город — древний, прославленный. Может, слыхал про Сигурда, короля Норвегии, того, что прибыл туда на шестидесяти кораблях; он со свитой проскакал верхом по всему городу, улицы в его честь украсили пурпурными и золотыми флагами, а потом император с императрицей пировали на борту его корабля. Когда Сигурду пришла пора возвращаться, многие норвежцы остались, поступили на службу в личную охрану императора; мой предок, рождённый в Норвегии, тоже остался на тех кораблях, что Сигурд подарил императору. В нашем роду все моряки, и неудивительно; что до меня, то город, где родился, кажется ничуть не роднее, чем любой приличный порт где угодно, хоть на Темзе. Я знаю их, они меня. На любом причале, у любой полосы песка, заливаемой приливом, я как дома.

— Ты, полагаю, совершил великие путешествия, — с растущим интересом сказал Водяной Крыс. — Месяц за месяцем не видеть берега, когда провинт кончается, вода на исходе, а ты — лицом к лицу с могучим океаном, и всё такое?

— Вовсе нет, — честно ответил Морской Крыс. — Жизнь, которую ты описал, мне совсем не по вкусу. Я плаваю вдоль побережья и редко теряю берег из виду. Весёлая жизнь портовых городов, по мне, ничуть не хуже морских странствий. О, эти южные порты! Запахи,очные огни на рейде, романтика!

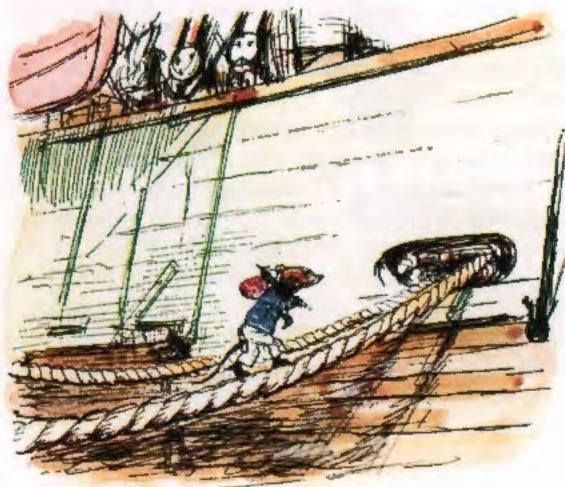
— Ну, возможно, ты избрал лучший путь, — сказал Водяной Крыс с некоторым сомнением. — Если есть настроение, расскажи о плаваньях вдоль побережья, об урожае воспоминаний, какой может собрать предприимчивый зверёк, чтобы скрасить ими на старости лет серые, скучные зимние вечера; сказать по правде, собственная жизнь кажется мне сегодня пресной и замкнутой.

— Последнее путешествие, — начал Морской Крыс, — то, что привело меня в эту страну с благородной надеждой отыскать ферму предков, служит хорошим примером любого плаванья, оно — словно отпечаток моей многоцветной жизни. Началось всё, как обычно, с семейных сложностей. На домашнем флагштоке взметнулся штормовой сигнал, и я оказался на борту небольшого торгового судна, шедшего из Константинополя античными морями, где в каждой волне бьётся бессмертный пульс истории, к островам Греции и Леванту^{*}. Да, золотые дни, благоухающие свежестью ночи! Всё время то из гавани, то в гавань, и повсюду старые друзья; в жаркий полдень спиши то в прохладе храма, то на развалинах бассейна, а после заката — праздник, песни под яркими звездами на бархатном небе! Новый курс — и мы идём вдоль берегов Адриатики, словно купающихся в янтарном, розовом, аквамариновом небе, бросаем якорь в широких гаванях, бродим по древним

* Гость всё валит в кучу: Сигурд, легендарный герой из рода Вольсунгов, сроду не бывал в Константинополе, зато правитель Норвегии Харальд Суровый служил в дружине императора Византии в 1034 — 1045 гг.

* К античными относят Мраморное, Эгейское, Ионическое и Средиземное моря, воспетые в древности. Левант — страны восточного Средиземноморья; в наши дни это Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Турция, Греция, Кипр. В более узком смысле (Морской Крыс именно так и выражался, помянув Грецию отдельно) Левант включает только Сирию и Ливан.

величавым городам, и однажды на рассвете, когда солнце взошло точно за кормой, приходим золотой дорожкой в Венецию. О, Венеция, чудный город, где любой крыс может гулять без опаски и наслаждаться жизнью! Или, устав бродить, посидеть на краю Большого канала — в весёлом обществе друзей; воздух полон музыки, небо — звёзд; огни сверкают, мерцают на блестящих сталью носах покачивающихся гондол — они стоят так тесно, что можно посуху перебраться с берега на берег! А еда... ты моллюсков любишь? Ладно, ладно, об этом не будем.

Он умолк на время, а Водяному Крысу, тоже притихшему и очарованному, пригрезилось, будто сам он плывёт по каналу и слышит отзвуки песни, звенящей под плеск волн меж призрачных серых стен.

— Наконец, мы снова пошли на юг, — продолжил Морской Крыс, — вдоль побережья Италии, пока не прибыли в Палермо, где я провёл много счастливых дней на суше. Никогда долго не хожу на одном и том же судне, от этого лишь узость взглядов и предрассудки. И вообще, Сицилия — одно из любимых моих пристанищ. Всех там знаю, и местные обычай по душе. Много весёлых недель провёл с друзьями на этом острове. А когда мною вновь овладело беспокойство, сел на судно, идущее на Сардинию и Корсику; так здорово было снова подставить морду свежему ветру и солёным брызгам!

— А в... трюме — так, кажется, это называется — не слишком жарко и душно? — спросил Водяной Крыс. Мореход чуть подмигнул.

— Я старый морской волк, — заметил он с улыбкой. — Капитанская каюта как раз по мне.

— Все равно, такая жизнь полна забот, — задумчиво пробормотал Крыс.

— Для команды — да, — важно заметил мореход и снова подмигнул. — Корсику, — продолжал он, — я покинул на судне, шедшем на материк с грузом вин. Вечером пришли в Алласио^{*}, бросили якорь, подняли из трюма винные бочки, увязали их вместе длинным тросом и спустили за борт. Матросы погрузились в шлюпки, налегли на вёсла и запели; за ними по волнам тянулась гирлянда качающихся бочек, словно растянувшиеся на милю дельфины. На песчаной отмели уже ждали лошади, они потащили бочки по крутым улочкам городка с замечательным рвением, цокотом копыт и скрипом дерева по камню. Покончив с последней бочкой, мы подкрепились и отвели душу: засиделись допоздна, попивая винцо с друзьями; на следующее утро я отправился в оливковую рощу, чтобы отдохнуть и набраться сил. Острова мне надоели, портами и морскими путешествиями был сыт по горло, вот и зажил

^{**} Большой канал (Canale Grande (ital.)) — центральный канал Венеции, длиной около 4 км.

* Алласио — небольшой итальянский порт на Лигурском море.

праздной жизнью среди крестьян: лежал под деревом и наблюдал, как они работают, или же взбирался высоко по склону холма, а Средиземное море синело далеко внизу. Наконец, не спеша, частью пешком, частью по морю, двинулся к Марселью — встречал старых приятелей, наносил визиты на большие океанские суда, весело проводил время. О, устрицы! Когда мне снятся марсельские устрицы, просыпаюсь в слезах!

— Я вспомнил, — учтиво вставил Водяной Крыс, — что ты, по собственным словам, проголодался; мне стоило бы подумать об этом раньше. Ты, конечно, останешься пообедать со мной? Моя нора неподалёку, время уже за полдень, и ты не откажешься стать моим гостем.

— Это очень славно с твоей стороны, просто по-братски, — ответил Морской Крыс. — Я и вправду проголодался в дороге, а когда неосмотрительно вспомнил про устриц, почувствовал, что брюхо совсем подвело. А ты не мог бы принести еду сюда? Не люблю люков над головой, разве что в крайнем случае; и потом: за едой я расскажу тебе про свои путешествия, о том, какой приятной жизнь живу — мне, по крайней мере, она нравится, да и тебе, судя по тому, как слушаешь, тоже. Если же пойдём в нору, то сто против одного, что вскоре меня одолеет сон.

— Отличная мысль, — согласился Водяной Крыс и бросился домой. Там он достал корзинку для провизии и, с учетом происхождения и вкусов гостя, поместил в нее ярд длинного французского батона, сосиски, нашпигованные чесноком, немного сыру, проливавшего горючую слезу, а также флягу с высоким горлом в соломенной оплётке, в коей запечатаны были лучи солнца с далёких южных склонов. Нагрузившись, он обернулся быстро и покраснел от удовольствия, выслушав, как старый мореход при совместной выгрузке содержимого корзины на траву у обочины хвалит его вкус и предусмотрительность.

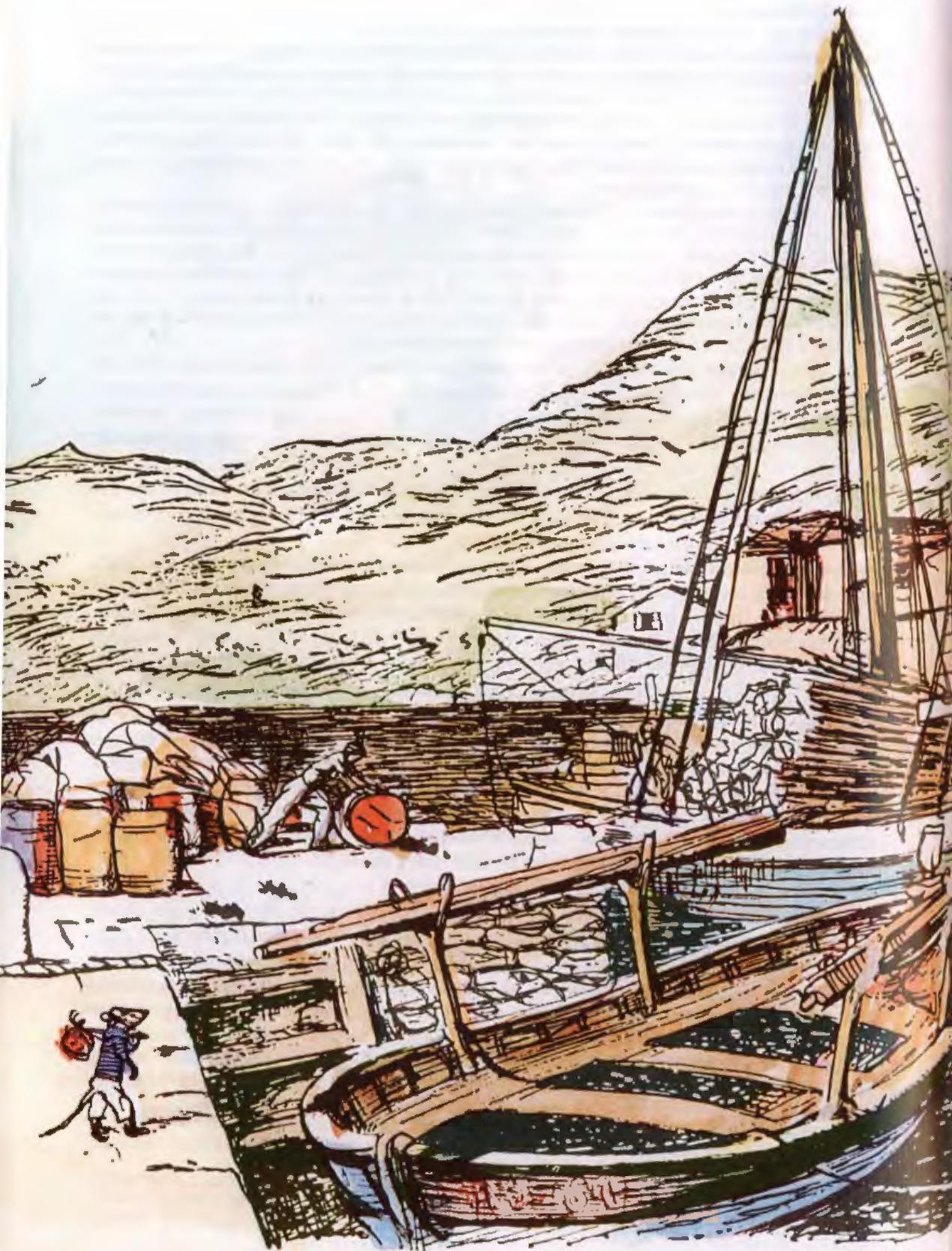
Заморив червячка, Морской Крыс продолжил рассказ о последнем своём путешествии; он вёл простодушного слушателя по портам Испании, сводил на берег в Лиссабоне, Оporto и Бордо, знакомил с удобными гаванями Корнуолла и Девона, и так до последнего причала, лавируя против ветра в Проливе^{*} где, просоленный и обветренный, уловил он первые волшебные намеки, первые признаки новой весны, и, распалённый ими, сбежал по трапу, горя желанием обосноваться на тихой ферме, подальше от усталых вздохов морской волны.

Очарованный и трепещущий от восторга, Водяной Крыс следовал за Искателем Приключений лига за лигой, сквозь бушующие заливы, борт о борт с другими судами покачивался на рейдах, входил в гавани на высокой приливной волне, поднимался вверх по рекам, прятавшим суэтливые городишки за неожиданными изгибами русла — и покинул его с тяжелым вздохом, обращенным к унылой захолустной ферме, о которой Крыс и знать не желал.

К тому времени трапеза завершилась, мореход отдохнул и подкрепился, голос его зазвенел, в глазах загорелись огоньки, словно отразившие свет далёкого маяка; он поднял стакан с красным искрящимся вином юга и взглянул Водяному Крысу прямо в глаза, пронизывая насквозь, овладевая телом и душой, захватывая своими историями. В глазах его сверкали пенистые серо-зеленые волны неспокойных северных морей, стакан пылал огненно-ярким рубином, словно занесённым сюда из самого сердца юга, чьё биение находило отклик в его душе.^{**} Сдвоенные огоньки — переменчивый серый и неколебимый алый — подчинили себе Водяного Крыса, захватили его, очаровали, лишили сил. Тихий мир вне их лучей стал совсем далёким, если не исчез вовсе.

* Британцы именуют Ла-Манш именно так. Иногда уточняют: «в Английском Проливе»...

** Весь рассказ Морского Крыса — аллюзия на «Стихи о старом мореходе» Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772 – 1834); эта поэма в Англии хрестоматийна.

А рассказ, чудесный рассказ продолжался – но был ли то просто рассказ, ведь временами он становился песней: пели матросы, дружно поднимавшие якорь, пока тот ронял тяжелые капли, звонко гудели ванты под порывами норд-оста, слышалась баллада рыбака, тянувшего сети на закате в абрикосовом небе, звенели струны гитары и мандолины с венецианской гондолы или с каика^{**}? Может, он становился воем ветра – жалобным вначале и всё более сердитым по мере того, как ветер крепчал; он то поднимался до пронзительного свиста, то падал до мелодичных напевов воздушных струй у шкаторин, держащих тугие паруса? Все эти звуки плыли в ушах очарованного Крыса: ему слышались то жалобы голодных чаек и прочих морских птиц, то мягкий рокот волны, набегающей на угрюмо протестующую гальку. И снова всё становилось рассказом, и с колотящимся сердцем следил Крыс за приключениями в дюжине портов, стычками, драками и побегами, торжеством силы, дружбой и романтическими знакомствами, искал сокровища на островах, рыбачил в тихих лагунах, дни напролёт дремал на тёплом белом песке. Он узнал, как ловят рыбу в морских глубинах, о тяжести живого серебра в сетях с милю длиной, о внезапных опасностях, о рокоте прибоя в безлунные ночи, о высоких носах океанских лайнерах, повисающих в тумане прямо над головой, о радостном возвращении домой, когда из-за мыса появляются огни гавани, причал запружен встречающими, слышны приветствия и плеск воды у швартовов, о том, как прибывшие взбираются по узким улочкам навстречу обещающим уют окнам за красными занавесками.

сквозь тёмные дверные проёмы видны каменные ступени лестниц, на которые свешиваются розовые плети валерьяны, лестниц, ведущих к искрящейся синей воде. Лодочки, что привязаны к кольцам и сваям у старой причальной стенки, весело раскрашены – точь-в-точь как те, в какие лазал, когда был маленьким; лосось плещет в приливной волне, стайки макрели игриво проносятся вдоль причалов и отмелей; мимо окон днём и ночью идут огромные суда, чтобы стать на якорь или выйти в открытое море. Сюда, рано или поздно, приходят суда всех морских держав, сюда в назначенный судьбой час зайдёт и станет на якорь и моё судно. Буду терпеливо

И когда, наконец, Крыс пробудился от сна, ему почудилось, что Искатель Приключений, ни на миг не умолкая, выпрямился во весь рост и удерживает слушателя цепким взглядом серых, как море, глаз.

– А теперь, – промолвил рассказчик, – мне пора; впереди много дней пыльной дороги на юго-запад, и в конце пути ждёт хорошо знакомый серенький приморский городок; он прилепился на склоне, круто сбегающем к гавани. Там

^{**} Каиком в Греции называют малое судно под парусом или с мотором, а в Турции – длинную весельную лодку.

ждать, пока, наконец, оно не покажется, не придет за мной, не бросит якорь посреди рейда; оно будет с полной осадкой, а бушприт нацелит на выход из гавани. Проберусь на борт — шлюпкой или по швартову — и однажды утром проснусь под песню и топот матросов, скрип брашиля и грохот якорной цепи, заходящей в клюз. Мы поставим кливер и фок, белые домики гавани медленно поплывут назад мимо набирающего ход судна, и путешествие начнётся! Ближе к мысу прибавим парусов, а сразу за ним судно поймает ветер и под шум зелёных морских волн устремится к югу!

— И ты, и ты пойдёшь с нами, юный собрат; ведь дни бегут, теряются навсегда, а юг ждёт тебя. Прислушайся к его зову прямо сейчас, испытай

Приключение, не то миг пройдёт безвозвратно!

Всего-то — захлопнуть дверь и беспечно шагнуть за порог, и старая жизнь для тебя кончится, и начнётся новая! И когда-нибудь, очень нескоро, ты вернёшься домой,

если пожелаешь, — когда осушишь чашу до дна, когда задёрнется занавес — и присядешь у своей тихой речки, принеся множество подходящих для приятелей воспоминаний. Нагонишь меня без труда: ты молод, а я старею и не так проворен, как прежде. Стану мешкать, оглядываться назад, и однажды, без сомненья, увижу тебя, бодрого и весёлого, с мордочкой, пылающей жаром юга!

Голос замер вдали и смолк, растворяясь в тишине, трескотня невидимых насекомых; Водяной Крыс не в силах был пошевелиться, он видел лишь тёмное пятнышко на белой ленте дороги.

Машинально он поднялся и стал упаковывать корзинку — аккуратно и без спешки. Машинально вернулся домой, собрал всё самое необходимое и кое-какие милые сердцу сокровища, сложил всё в сумку; он делал всё медленно, неторопливо, бродил по комнате, как лунатик, прислушивался к чему-то, полуоткрыл рот. Потом забросил поклажу за плечо, придиричivo выбрал в дорогу крепкую трость, не спеша, но и без колебаний шагнул через порог... и нос к носу столкнулся с Кротом.

— Ну, Крысси, далеко собрался?

— в большом удивлении спросил Крот и прихватил друга за руку.

— На юг, вместе со всеми, — сонно и монотонно пробормотал Крыс, не взглянув на Крота. — К морю, на борт судна, а потом к манящим меня берегам!

Крыс решительно двинулся вперёд, всё так же неспешно, но с бульдожьим упорством; однако Крот, преисполненный тревоги, преградил ему дорогу и, посмотрев прямо в глаза, убедился, что они остекленели и остановились, стали серыми, чужими, совсем не теми, что были у Крыса прежде! Крепко ухватив друга, Крот затащил его в дом, повалил на пол и придавил сверху.

Несколько секунд Крыс отчаянно вырывался, а потом силы как-то разом его покинули, и он затих, прикрыв глаза, обессиленный и дрожащий. Чуть погодя Крот помог ему подняться и усадил в кресло; Крыс сидел недвижно, ушёл глубоко в себя; его била лихорадка, временами сменявшаяся истерическими сухими рыданьями. Крот надёжно запер двери, запихнул сумку подальше в ящик комода, закрыл там на ключ и усился перед другом прямо на стол, дожинаясь, пока кончится странный приступ. Постепенно Крыс впал в беспокойную дрёму, нарушающую лишь подёргиваниями, он бормотал о вещах странных, диковинных и чуждых непосвященному Кроту; потом дрёму сменил глубокий сон.

Сильно встревоженный, Крот оставил на время Крыса одного и занялся делами по хозяйству; уже темнело, когда он вернулся в гостиную и нашел Крыса там же, где оставил, вполне очнувшимся, но ко всему безразличным, тихим и подавленным. Крот бросил на друга быстрый взгляд и с величайшим облегчением убедился, что глаза у того прояснились, потемнели, стали, как прежде, карими; тут он присел рядом и попытался приободрить друга и понять, что же с ним стряслось.

Бедняга Крыси старался изо всех сил рассказать всё по порядку, но как передать обычными словами то, что было лишь намёком? Как передать, как заставить другого услышать голос моря, певшего свои песни, как повторить, пересказать сотни воспоминаний Морехода? Что-то внутри Крыса надломилось, он опутан был колдовскими чарами, ему трудно было объяснить то, что несколько часов назад казалось неизбежным, единственно возможным. Стоит ли поэтому удивляться, что Крот так и не услышал ничего вразумительного о том, что произошло с его другом?

Крот понял главное: припадок или приступ прошёл, Крыс снова в добром здравии, хотя несколько потрясён и оттого так уныл. Он, казалось, на время утратил интерес ко всему: к тому, что составляло его повседневную жизнь, к чудесным возможностям, таящимся в будущем, к тому, что непременно принесёт приближающийся новый сезон.

Как бы невзначай, с деланным безразличием Крот перевёл беседу на урожай, который предстояло убрать, на груженые тележки — и упряжки, чтобы их возить, на растущие скирды и полную луну, висевшую по ночам над возделанными и убранными теперь полями. Он толковал о краснеющих яблоках, темнеющих орехах, о джемах, вареньях и о возгонке крепких и ароматных напитков; потихоньку добрался до середины зимы со всеми ее радостями и домашним уютом, и здесь Крот сумел подняться прямо до лирики.

Постепенно Крыс распрямился и прислушался. Глаза его заблестели, из них исчезло безразличие.

Тут тактичный Крот выскользнул за дверь и возвратился с карандашом и несколькими листочками бумаги, которые положил на стол возле локтя друга.

— Что-то давно ты не писал стихов, — заметил он. — Занялся бы этим хоть нынче вечером вместо... ну, скажем, тягостных раздумий. Сдаётся мне, тебе станет много лучше, как только набросаешь на бумаге хоть что-нибудь, хоть какую-то рифму.

Крыс устало оттолкнул бумагу, но деликатный Крот нашёл повод покинуть комнату, а когда, немного погодя, вернулся, Крыс был поглощён делом и глух к внешнему миру; он то писал что-то, то грыз карандаш. Сказать по правде, грыз он гораздо больше, чем писал, но Кроту отрадно было видеть, что излечение хотя бы началось.

X. Дальнейшие приключения Жаба

Парадный вход в дупло обращён был на восток, поэтому Жаб пробудился весьма рано: частично из-за ярких лучей солнца, брызнувших прямо на него, частично же потому, что у зверька страшно замерзли лапы; Жабу снилось, что он нежится в собственной уютной спальне с тюдоровским окном, и вдруг постель поднялась дыбом, заворчала, возмущаясь диким холодом, переносить который нет больше мочи, а потом слетела вниз по лестнице на кухню, чтобы отогреться у огня; Жабу пришлось бежать вдогонку, босиком, милю за милю по ледяным каменным плитам бесконечных коридоров, уговаривая постель, умолять её одуматься. Путник, наверно, проснулся бы ещё раньше, не доведись ему столько недель почивать на каменных плитах, едва прикрытых соломой, не успел он почти отвыкнуть от чудесного ощущения, что толстые одеяла натянуты на тебя до самого подбородка.

Усевшись, Жаб, во-первых, протёр глаза, а во-вторых, растёр озябшие пальцы на лапах; некоторое время он не мог сообразить, куда попал; он оглядывался, ожидая увидеть знакомую каменную стену и зарешёченное оконце, и тут сердце у него ёкнуло, и Жаб вспомнил всё: побег из тюрьмы, дальнейшее бегство, погоню; вспомнил и самое главное, вспомнил сразу: он свободен!

Свободен! Само слово, сама мысль о свободе стоила полусотни одеял. Жаб сразу согрелся, едва подумал о прекрасном мире свободы, нетерпеливо ждущем его триумфального выхода, готовом служить ему, поиграть с ним, спешащем к нему на помощь, готовом составить компании, как всегда было в добрые старые времена, до последних злоключений. Он встряхнулся и пятерней выгреб сухие листья из волос; завершив на этом туалет, Жаб вылез на ласковое утреннее солнышко – озябший, но уверенный в себе, голодный, но полный надежд; после отдыха и сна все вчерашние страхи растаяли под прямыми лучами живительного света.

Этим ранним летним утром весь мир лежал у его ног. Залитый росой лес, сквозь который Жаб пробирался, был тих и безжизнен; зелёные поля, подступавшие к опушке, покорно стлались ему под ноги; сама дорога, когда он, наконец, на неё выбрался, совсем пустынная, тревожно, словно запутавший пёс, искала его компании. Жаб, однако, искал того, кто умел бы говорить и объяснил ему, куда идти. Когда на сердце легко, и совесть чиста, и в кармане звенят деньги, и никто не рыщет в округе, чтобы поймать вас и снова отправить за решётку, идти по дороге – куда глаза глядят, ни о чём не заботясь – просто замечательно. Но практичного Жаба заботило многое, он готов был задать дороге взбучку за то, что она так бесполезно-молчалива, когда у него каждая минута на счету.

К обездной сельской дороге скоро присоединился робкий братец-канал, он ухватил дорогу за руку и засеменил рядом, совершенно уверенный, что так и надо; он тоже был неразговорчив и со странниками беседовать не намерен.

«Ну и ладно! – сказал сам себе Жаб. – Ясно одно. И дорога, и канал идут откуда-то и куда-то. Тут, Жаб, приятель, не поспоришь!». И он терпеливо зашагал вдоль обреза воды.

Из-за поворота показался одинокий конь; он тащился, глубоко погрузившись в собственные думы. Постромки, идущие от хомута, заканчивались длинной бечевой; бечева то провисала, то натягивалась, роняя в воду капли, когда конь делал очередной шаг. Жаб пропустил коня мимо и застыл в ожидании того, что посыпала ему судьба.

Вскоре он увидел баржу; ласковая тихая волна журчала перед тупым её носом, пёстро раскрашенный планшир был бровень с дорогой, и на барже не было ни души, кроме дородной особы в льняной шляпе; загорелая рука её лежала на румпеле.

— Чудесное утро, мэм! — заметила она Жабу, поравнявшись с ним.

— Воистину славное, мэм! — вежливо откликнулся Жаб, шагавший по тропинке со скоростью баржи. — Славное, мэм, только не для бедняжки вроде меня. Всё дочка замужняя: написала, чтоб я к ней приехала, да поскорей, вот я и кинулась, не зная толком, что стряслось и чего ждать — и всё думала о худшем; если есть у вас детки, мэм, вы меня поймёте. Бросила все дела на самотёк — я стираю и глажу, надо вам знать, мэм, — оставила деток без пригляду, а таких бедовых и озорных бесенят не сыскать на всём свете, мэм, и вот: деньги потеряла, с дороги сбилась, а уж что там с дочкой случилось — и гадать боюсь, мэм!

— А где живёт ваша дочка, мэм? — спросила женщина с баржи.

— Возле реки живёт, мэм, — ответил Жаб. — Неподалёку от чудесного дома, Жаб-холл называется, где-то в этих краях. Может, слыхали?

— Жаб-холл? Да ведь и мне в ту сторону, — отозвалась женщина с баржи. — Канал впадает в реку через несколько миль, чуть выше Жаб-холла, а там до него рукой подать. Идите ко мне, на баржу, я вас подброшу.

Она подвела баржу к самому берегу, Жаб, рассыпаясь в благодарностях, ступил на борт и уселся, страшно довольный. «Снова Жабу повезло! — подумал он. — Жаб всегда вывернется!».

— Так вы занимаетесь стиркой, мэм? — учтиво переспросила женщина, когда баржа двинулась дальше. — Достойное, скажу вам, ремесло, если позволите высказать моё мнение.

— Лучшего во всей стране же найти, — беззаботно согласился Жаб. — Все благородные господа у меня только и стирают, ни к кому другому не идут: ценят мою работу. Дело знаю и себя не жалею. Стирка, глаженье, крахмал, тонкие рубашки к смокингам — за всем лично приглядываю!

— Но, думаю, не *сами* же вы делаете всю работу, мэм? — в голосе женщины с баржи зазвучали уважительные нотки.

— О, у меня девушки работают, — не задумавшись бросил Жаб. — Десятка два или около того, и ни минутки без дела. Но сами поймите, мэм: девушки есть *девушки!* Своенравные, дерзкие девчонки, вот, скажу я вам, *моё* мнение!

— И моё тоже, — горячо подхватила женщина с баржи. — Только, похоже, вы им, лентяйкам, спуску не даёте! А вам самой стирка *очень* нравится?

— Обожаю стирать, — сказал Жаб. — Просто помешана на стирке. Не знаю ничего лучшего, чем сунуть руки в корыто с бельём. У меня всё само собой получается! Без сучка, без задоринки! Настоящее наслажденье, мэм, уверяю вас!

— Какая удача, что я вас встретила, — заметила женщина, чуть задумавшись. — Удача для нас обеих!

— О чём это вы? — Жаб занервничал.

— Послушайте, — сказала женщина. — Стирать я и сама люблю не меньше вашего, хотя, с другой стороны, люби, не люби, а стирать приходится. Муженёк вечно увиливает от работы,

вот и баржу на меня бросил, будто мне своих забот мало. Ему, по всем правилам, сейчас здесь быть надо: или баржей править, или коня вести; к счастью, конь умный, и сам себя ведёт. Так вместо этого свистнул собаку и удрал на охоту — надеется добыть к обеду кролика. Сказал, что нагонит баржу у следующего шлюза. Может, и нагонит — только надежды мало, ведь с ним этот пёс, ещё хуже хозяина. Вот сами и посудите: где уж тут заниматься стиркой?

— Да бог с ней, со стиркой! — сказал Жаб, чтобы сменить неприятную тему. — Подумайте лучше о кролике. Такой, уверяю вас, упитанный, молоденький! Лук у вас есть?

— Не могу думать ни о чём, кроме стирки, — сказала женщина, — удивляюсь, что вы толкуете о кроликах, когда перед вами такая чудесная возможность. В каюте, в углу, куча белья. Найдите одну-две вещицы из тех, что требуют стирки в первую очередь, — леди вроде вас с одного взгляда их обнаружит, не мне вас учить, — да и простирайте их в корыте, пока мы не добрались до места; и вам, как вы верно заметили, удовольствие, и мне большое подспорье. Там, внизу, и корыто, и мыло, и чайник ни плите, и ведро, чтоб набрать воды из канала. И мне будет приятно, что вы получаете удовольствие вместо того, чтобы торчать здесь без дела, глазеть по сторонам и зевать, да так, что и челость вывихнуть недолго.

— Дайте-ка мне лучше руль, — Жаб струхнул не на шутку, — а вещички свои постирайте сами. Вдруг я их испорчу или постираю как-нибудь не так. Мне привычней иметь дело с мужским бельём. Специальность моя такая.

— Дать руль? — переспросила женщина и рассмеялась. — Баржу как следует вести непросто, надо набить руку. Да и потом: работа это скучная, а я хочу

доставить вам удовольствие. Так что займитесь своей любимой стиркой, а с рулём я и сама управлюсь. Не лишайте радости: хочу, чтоб вы отвели душу.

Жаба загнали в угол. Он огляделся в поисках пути к бегству, но понял, что до берега ему не допрыгнуть, и угрюмо покорился своей участи. «Коль на то пошло, — в отчаяньи рассуждал он, — со стиркой любой дурак справится!». Он притащил на палубу корыто, мыло и все остальное, наудачу выбрал кое-что из белья, попытался вспомнить, что видел когда-то, проходя мимо окон прачечной, и принялся за дело.

Прошли долгие полчаса, и с каждой минутой Жаб выходил из себя всё больше и больше. Как ни старался он сделать хоть что-то, бельё Жаба не слушалось и чище не становилось. Он пробовал бельё уговорить, отшлёпать, наказать, но оно лишь ухмылялось в ответ из корыта, отстирываться не желало и было счастливо оставаться в прежнем непотребном виде. Разок-другой Жаб беспокойно покосился на женщину у руля, но та, казалось, ничего не замечала, занятая своим делом. У Жаба жутко ломило спину, он с тревогой наблюдал, как сморщивается кожа на лапах. А лапами Жаб очень даже гордился. Он пробормотал нечто такое, что не должно было срываться с губ ни у прачки, ни у Жаба, и в пятидесятый раз выронил мыло.

Взрыв хохота заставил его разогнуть спину и оглянуться. Женщина откинулась назад и смеялась от души, да так, что слёзы катились по щекам.

— Я за тобой всё время наблюдала, — выдохнула она. — Что ты обманщица, я сразу поняла, едва ты только расхвасталась. Ай да прачка! Бьюсь об заклад, ты и тряпки в жизни не выстирала!

В Жабе злоба закипала давно, и тут его прорвало.

— Эй, ты, пошлая, низкая толстуха с баржи! — заорал он, — попридержи язык! Прачка я, как же! Знай, что перед тобой сам Жаб — уважаемый, всем известный, достойнейший! Да, сейчас я в беде, но всё равно *не потерплю*, чтобы тётка с баржи надо мной насмехалась!

Женщина подошла и пристально заглянула под Жабову шляпку.

— Ага, так и есть! — воскликнула она. — Лопни мои глаза! Гадкий, мерзкий, кургужий Жаб! На моей славной, чистенькой барже! Уж этого я не потерплю!

На миг она оставила румпель. Одной мощной, в веснушках, рукой ухватила Жаба за переднюю лапу, другой крепко вцепилась в заднюю. Затем мир в глазах Жаба внезапно перевернулся, баржа, как ему показалось, промелькнула по небу, ветер засвистел в ушах и Жаб понял, что летит, не переставая быстро вращаться.

Вода, в которую Жаб плюхнулся-таки с громким всплеском, оказалась, на его вкус, холодноватой, но всё же не настолько, чтобы охладить разгорячённую голову, потушить огонь бешеною ярости. Он с шумом вынырнул на поверхность, и первое, что увидел, едва отлепив от глаз тину, была толстуха, со смехом глядевшая на него с кормы удалявшейся баржи; задыхаясь и кашляя, Жаб поклялся свести с ней счеты.

Он поплыл к берегу, но платье из хлопчатки мешало так сильно, что когда, наконец, Жаб достиг суши, то еле сумел вскарабкаться на крутой откос без посторонней помощи. Минута или две ушли на то, чтобы восстановить дыхание,

затем, подобрав намокшие юбки, Жаб со всех лап припустил за баржей, подстёгиваемый негодованием и жаждой мщения.

Женщина на барже всё ещё смеялась, когда Жаб поравнялся с ней.

— Засунь себя под отжимной каток, прачка, — закричала она, — прогладь утюгом лицо, да чуток завейся, тогда, гляди, сойдёшь за вполне приличного Жаба!

Жаб отвечать не стал. Он собрался жестоко отомстить, а не бросать, пусть даже с триумфом, слова на ветер, хотя словечко-другое так и рвалось у него с языка. То, к чему он стремился, было ещё впереди. Обогнав баржу, Жаб настиг коня, отвязал и отшвырнул конец бечевы, а сам лихо вспрыгнул коню на спину и пустил того галопом, сердито колотя пятками по бокам. Он гнал коня в чистое поле, подальше от воды, гнал по изрезанной колеями лужайке. Разок оглянувшись, Жаб увидел, как баржу отнесло к другому берегу канала; женщина, размахивая руками, вопила:

— Держи его! Держи!

— Эту песню я слыхал и раньше, — ухмыльнулся Жаб, погоняя скакуна, набравшего невиданную скорость. У коня, таскавшего баржу, сил бежать хватило ненадолго; галоп сменился рысью, а рысь — неспешным шагом, но Жабу и этого хватало: как бы то ни было, он двигался, а баржа — нет. Он совсем успокоился, решив, что сделал нечто умное; ему нравилось ехать спокойной трусцой, он грелся на солнышке, выбирал преимущественно второстепенные дороги и тропы для верховой езды, стараясь не думать о том, как давно в последний раз по-настоящему подкрепился; и вот, наконец, канал остался далеко-далеко за спиной.

Так, верхом, Жаб проехал несколько миль, и на солнцепеке его совсем разморило; конь остановился, опустил морду и принял пощипывать травку, всадник же едва успел проснуться вовремя и чудом избежал падения. Жаб огляделся и понял, что вокруг, сколько хватает глаз, тянется широкий выгон, заросший дроком и ежевикой. Неподалеку стояла потрёпанная цыганская кибитка, а рядом с ней на перевёрнутом ведре сидел человек, поглощённый тем, что курил и не отрываясь глядел на открытый взору широкий мир. Тут же пылал костёр, а над ним в железной кастрюльке что-то кипело и булькало, испуская манящий дух. Запахи — тёплые, насыщенные, разнообразные — соединялись, сплетались, смешивались в один — полный, роскошный, совершенный, казавшийся самой душой Природы, обретшей форму и явившейся своим детям истинной богиней, матерью утешения и покоя. Теперь Жаб точно знал, что прежде вовсе и не был по-настоящему голоден. Раньше его от голода просто чуть подташнивало. Вот теперь он и в самом деле голоден, ошибка исключается; время не ждёт, не то кому-то или чему-то не поздоровится. Он внимательно оглядел цыгана, прикидывая, что лучше: действовать силой или

попробовать одурячить. Так Жаб и сидел: всё внюхивался, внюхивался, да глядел на цыгана; а тот сидел и курил, и глядел на Жаба.

Наконец цыган вытащил изо рта трубку и небрежно спросил:

— Лошадь продаёшь, что ли?

Такого Жаб не ожидал. Он не знал, что все цыгане помешаны на торговле лошадьми и никогда не упустят случая прицениться, поскольку кибитка всегда в пути, и без тягловой силы не обойтись; об этом

Жаб совсем не подумал. Не приходило ему раньше в голову и то, что коня можно обратить в деньги, но предложение цыгана могло дать именно то, в чем Жаб нуждался: наличность и плотный завтрак.

— Что? — переспросил он. — Мне — продать этого молодого красавчика? О, нет, тут и толковать не о чём. Кто станет развозить чистое белье моим клиентам каждую неделю? И потом: я слишком его люблю, да и он от меня без ума.

— Попробуй полюбить осла, — посоветовал цыган. — Некоторые любят.

— Похоже, ты не понял, — продолжал Жаб, — что этот чудесный конь не про тебя. Крови у него добрые — частично: не в той, конечно, части, какую ты видишь, а в другой. В свое время он взял Кляч-приз, — ты его в то время не видел, но и сейчас одного взгляда достаточно, если хоть что-то смыслишь в лошадях. Нет, предложение твоё не ко времени. И всё же, сколько бы ты дал за этого прекрасного молодого коня?

Цыган оглядел коня, потом так же внимательно оглядел Жаба и снова взглянул на коня.

— Шиллинг за копыто, — коротко бросил он и отвернулся, продолжая курить и равнодушно озирать широкий мир.

— Шиллинг за копыто? — воскликнул Жаб. — Мне надо чуть подумать, если не возражашь; может, и сторгуемся.

Он слез с коня, отпустив его пастьись, сел рядом с цыганом, высчитал сумму на пальцах и, в конце концов, сказал:

— Шиллинг за копыто? Итого четыре шиллинга, не больше? О, нет, и слышать не хочу: четыре шиллинга за моего юного красавца!

— Ладно, — сказал цыган. — Я тебе вот что скажу. Пять шиллингов, и это на девять пенсов больше, чем стоит твоя животина. Это последнее мое слово.

Жаб погрузился в долгое, глубокое раздумье. Он проголодался, в кармане ни пенни, до дома далеко, и неизвестно ещё, как далеко, его, по-прежнему, могли преследовать враги. Для того, кто влип в такое, пять шиллингов — сумма изрядная. С другой стороны, за коня таких денег маловато. Хотя, с другой стороны, ему-то лошадь досталась даром, вся выручка составит чистый доход! Наконец, он решительно произнес:

— Слушай, цыган! Давай вот как решим — и это мое последнее слово. Даешь шесть шиллингов шесть пенсов, и деньги на бочку, а еще кормишь меня завтраком — таким, какой одолею (в один присест, разумеется) — вон из той железной кастрюльки, откуда доносятся такие тонкие, чудные запахи. Взамен получишь горячего молодого жеребца со всей нарядной упряжью и сбруей, в полном комплекте. Если не согласен, скажи, и я поеду дальше. Знаю тут кое-кого неподалеку, кто несколько лет только и мечтал заполучить моего конька.

Цыган пробурчал что-то сердитое в том роде, что еще сделка-другая наподобие этой, и он разорён. Закончил, всё же, тем, что вытянул грязный парусиновый мешочек из бездонного кармана штанов и отсчитал в лапу Жаба шесть шиллингов шесть пенсов. Потом нырнул ненадолго в кибитку и вылез оттуда с большой жестяной тарелкой, ножом, вилкой и ложкой. Он наклонил кастрюльку, и на тарелку хлынул восхитительный поток тушёного мяса. Это была, вне сомнений, самая вкусная в мире тушёнка: в ней присутствовали куропатки, фазаны, цыплята, зайцы, кролики, павлины, цесарки и еще два-три сорта мяса. Жаб, чуть не плача, поставил тарелку себе на колени и ел, ел, ел, и просил добавки, и цыган не жадничал. Жаб решил, что отродясь не завтракал так вкусно.

Наевшись тушёнки под завязку, Жаб встал, попрощался с цыганом и нежно попрощался с конём; цыган, хорошо знавший речную долину, указал Жабу дорогу, и

тот двинулся по ней в превосходном расположении духа. Теперь он был совсем другим, чем час назад. Солнце сияло ярко, мокре платье Жаба совсем просохло, в кармане снова позывали монеты, дом с каждым шагом становился ближе, а с ним и друзья, и безопасность, и – самое главное и самое важное – обильная еда, горячая и вкусная; Жаб чувствовал себя рослым, сильным, беззаботным и уверенным в себе.

Он шагал весело, вспоминая о побеге, о своих приключениях, о том, как ловко выходил из самих отчаянных передряг; спесь и тщеславие так и распирали Жаба. «Хо-хо! – сказал он себе, задирая нос, – что за умница этот Жаб! В целом свете не сыскать другого такого! Враги заточили его в темницу, охранники сторожили, стражники день и ночь охраняли, а он прошёл все препяды насквозь – со смекалкой да храбростью в придачу. За мной гнались на паровозе, с полисменами и револьверами, а я натянул им нос и со смехом растаял без следа. Ну, не повезло: зашвырнула меня в канал злющая толстуха с баржи; и что же? Выбрался на берег, оседлал её же коня и победно умчался, а потом ещё и продал коня за целую кучу денег и превосходный завтрак! Хо-хо! Я – Жаб, привлекательный, всем известный, удачливый Жаб!». Его так распирало самодовольство, что он тут же сочинил песенку себе во славу и запел её во всю глотку, хотя слушать певца, кроме него самого, было некому. Ни один зверёк сроду не сочинял такой хвастливой песенки:

Имён великих имён много
Мы знаем – из книг, хотя б,
Но что говорить, нельзя их сравнить
И близко с таким, как Жаб!

Пусть Оксфордский всезнайка
Во многих науках не slab,
Но знает всё ж вдвое меньше он,
Чем разумнейший мистер Жаб!

В Ковчеге все звери раскисли враз,
Лют слезы, да знай лежат.
Кто крикнул «Земля!», стоя у руля?
Бестрепетный мистер Жаб!

Честь отдаёт на марше
Гарнизон: и полки, и штаб.
Кто едет – Китченер^{*}? Король?
Нет, это – мистер Жаб.

На фрейлин взглянув, королева
Шитьё уронила, дрожа:
«Хорош-то как! Кто он, скажите?»
Ответ был: «Мистер Жаб».

И многое ещё в том же духе – такого жутко спесивого, что и записывать совестно. Приведены лишь самые скромные куплеты.

* Горацио Герберт Китченер (1850 – 1916), английский военный и политик, командовал британскими войсками в англо-бурской войне. Среди патриотов, не лишённых шовинизма, считался национальным героем.

Так он шагал, распевая, и распевал на ходу, и раздувался с каждой минутой все сильнее. Но Жабову гордыню вскоре поджидала глубокая пропасть.

После растянувшегося на мили просёлка перед Жабом открылось шоссе; он выбрался на него и бросил взгляд вдоль белого дорожного полотна; он увидел пылинку: та приближалась, выросла в точку, затем в пятнышко, а пятнышко вдруг стало чем-то очень знакомым; двойной сигнал, тоже странно знакомый, такой восхитительный, достиг восхищённых Жабовых ушей.

— Знакомый звук! — воскликнул взбудораженный Жаб. — Это снова она, настоящая жизнь, снова необъятный мир, из которого я так надолго был вырван! Я окликну их, моих собратьев на колесах, сплету побасёнку из тех, что срабатывают без осечки, и они, конечно, согласятся меня подбросить, а я ещё много чего им расскажу; а может, если повезёт, подкачу на машине прямо к Жаб-холлу. Ох, и утру же я нос Барсуку!

Он уверенно шагнул на дорогу, чтобы остановить автомобиль, а тот катился легко и, приближаясь, сбавил ход; внезапно Жаб побледнел, душа его ушла в пятки, коленки задрожали, он съежился, словно пронзённый унизительным страхом. А что ещё оставалось несчастному Жабу, если приближившаяся машина была той самой, которую он угнал со двора гостиницы «Красный Лев» в злополучный день, когда начались все его беды! И компания в машине сидела та же самая, что решила тогда победить в кофейной!

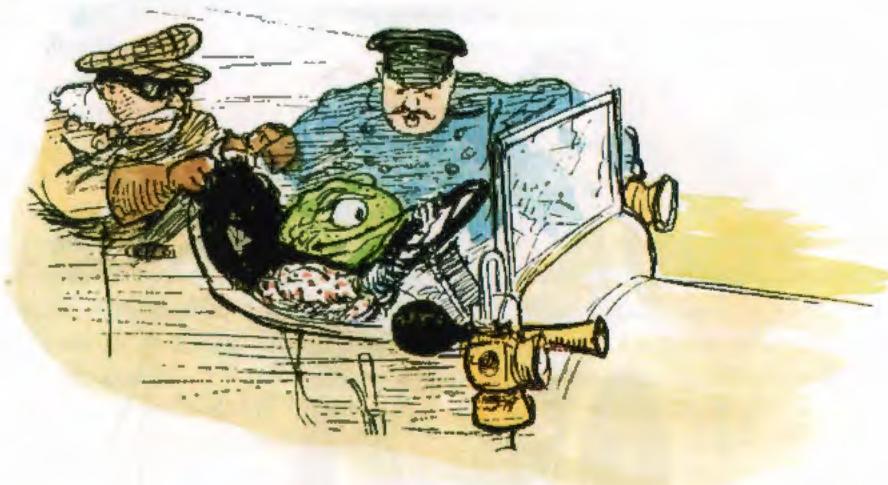
Он рухнул на дорогу, жалкий, бормочущий в отчаяньи себе под нос:

— Всё! Всё кончено! Снова цепи и полицейские! Снова тюрьма! Снова на хлеб и воду! Ну что я за дурак! И чего было болтаться, распевая хвастливые песенки, останавливать машины на шоссе, вместо того, чтобы укрыться до темноты и пробираться домой задворками. О, безрассудный Жаб! Злосчастный ты зверёк!

Ужасное авто подкатывало все ближе и ближе, и остановилось, как услыхал Жаб, совсем вплотную. Два джентльмена вылезли на дорогу и обошли жалкую груду беспросветной тоски, лежавшую на пути; один из них сказал:

— Бог мой, что за печальная картина! Бедная старушка — прачка, надо полагать — посреди дороги в обмороке! Возможно, перегрелась на солнце, бедняжка, или ничего не ела весь день. Возьмём ее в машину и довезём до ближайшей деревни, где, вне сомнений, у неё есть кто-то из близких.

Они бережно перенесли Жаба в машину, обложили мягкими подушками и поехали дальше.

Услышав столь добрые и сочувственные слова, Жаб понял, что не узнан; в нём снова ожила храбрость, он осторожно приоткрыл сначала один глаз, а потом и другой.

— Глядите, — сказал один из джентльменов, — ей уже лучше. Свежий воздух пошёл на пользу. Как чувствуете себя, мэм?

— Благодарю вас сердечно, сэр, — слабым голосом отозвался Жаб, — мне теперь много лучше!

— Вот и славно, — сказал джентльмен. — Лежите спокойно и, главное, не разговаривайте.

— Не буду, — пообещал Жаб. — Я только подумала: а что если пересесть вперёд, рядом с шофером, где свежий ветер прямо в лицо, там я скорей приду в себя.

— Вот разумная женщина! — воскликнул джентльмен. — Пересаживайтесь, какой разговор!

Жабу осторожно помогли пересесть и снова тронулись в путь.

Жаб опять стал самим собой. Он сел прямо, и огляделся, и попытался побороть дрожь и прежние ещё будоражащие желания, вновь охватившие его, овладевшие всем существом.

«Это судьба! — сказал он себе. — Зачем бороться? К чему противиться?». И повернулся к шоферу.

— Простите сэр, — сказал Жаб, — не могли бы вы хоть ненадолго дать мне руль? Я внимательно за вами наблюдала; мне кажется, вести машину так легко и так интересно; как хотелось бы мне иметь возможность рассказать своим приятельницам, что я сама управляла автомобилем!

На эту просьбу шофер рассмеялся так весело, что джентльмен поинтересовался, в чём дело. Услыхав ответ, он, к Жабовой радости, сказал:

— Браво, мэм! Мне по душе ваша смелость. Пусть попробует, только приглядывай за ней. Вреда никакого не будет.

Жаб проворно перебрался на место, освобождённое для него шофером, ухватился за руль, подчеркнуто смиленно выслушал все наставления и поехал – вначале медленно и осмотрительно: его ведь попросили соблюдать осторожность.

Джентльмен позади него захлопал в ладоши, и Жаб услышал:

– Здорово у неё получается! С первого разу прачка так ловко ведёт машину – чудо, да и только!

Жаб поехал чуть быстрее, потом ещё чуть-чуть, и ещё.

Он услышал, как встревожился джентльмен:

– Осторожней, прачка!

Эти слова его задели, и Жаб начал терять голову.

Шофер попытался вмешаться, но Жаб локтем пригвоздил его к спинке сиденья и дал полный газ. Ветер в мордочку, гуденье мотора, машина, с легкостью рванувшаяся из-под него, затуманили возбуждённый ум Жаба.

– Прачка, как же! – бесшабашно заорал он. – Хо-хо! Я – Жаб, угонщик машин, разрушитель темниц, Жаб-победитель! Сидите смирно, я покажу вам, что такое настоящая езда, ибо вы во власти знаменитого, умелого, не ведающего страха Жаба!

С воплями ужаса все повскакивали с мест и бросились на Жаба.

– Держи его! – кричали они. – Держите Жаба, злую тварь, угнавшую наш автомобиль! Вяжите его, закуйте в цепи, тащите в ближайший полицейский участок! Покончим с отчаянным, опасным Жабом!

Увы! Им следовало бы чуть-чуть подумать, быть осторожнее; вспомнить, что нужно как-то остановить машину, прежде чем затевать такие рискованные игры. Жаб крутанул руль и счесал низкую живую изгородь у обочины. Могучий рывок, сильный удар – и колёса машины взметнули толстый слой грязи в небольшом пруду, где поили и купали лошадей.

Жаб обнаружил, что летит по воздуху, словно ласточка, круто взмывая вверх. Лететь ему понравилось, он даже подумал было, не отрастут ли у него в долгом полете крылья, не станет ли он Жаб-птицей, и тут плюхнулся задом на лужайку, поросшую мягкой, густой травой. Выпрямившись, он увидел, что машина застряла в пруду, уйдя под воду до половины; джентльмены и шофер, путаясь в длинных пальто, беспомощно баражались в воде.

Жаб проворно вскочил и задал стрекача, пересекая живые изгороди, перескакивая канавы, спотыкаясь на пашне, пока не выбился из сил – и лишь тогда перешёл на прогулочный шаг. Когда он чуть отдохнул и обрёл способность соображать, то начал хихикать, с хихиканьем перешёл на хохот, а хохотал, пока не свалился под живую изгородь.

– Ха-ха! – заливался он, заходясь от восхищения собственной персоной. – Снова Жаб! Жаб, как всегда, вышел сухим из воды! Кто попросил себя подвезти? Кто сумел перебраться вперёд, чтобы подышать свежим воздухом? Кто уговорил пустить его за руль? Кто загнал их всех в эту лужу? Кто весело, без единой царапины, улетел по воздуху, оставив узколобых, завистливых, трусливых любителей покататься в грязи, где им самое место? Ну конечно, Жаб, кто ж ещё; умный Жаб, великий Жаб, хороший Жаб!

Тут он снова решил спеть и звонко затянул:

«Пуп-пуп!» – дудит автомобиль,
И что ему ухаб!

Кто в пруд загнать авто сумел?
Искусный мистер Жаб!

— Ох, умён же я! Ох, умён, как чертовски умён, как умё...

Слабый звук где-то за спиной заставил его оглянуться. О, ужас! О, несчастье! О, безнадежность! В двух полях от себя он увидел, как шофер в кожаных гетрах и два здоровенных сельских полисмена несутся во весь дух прямо за ним!

Бедолага Жаб вскочил на задние лапы и кинулся наутёк так, что сердце выскакивало у него из груди.

— О Боже! — выдохнул он, тяжело дыша. — Ну что за осёл! Хвастун, осёл и развязва! Снова расхвастался! Снова распелся, разорался! Нашёл время рассиживаться и бахвалиться! О Боже! Боже! Боже!

Он оглянулся и в отчаяньи понял, что погоня близка. Жаб наддал что было мочи, но всякий раз, оглядываясь, видел преследователей всё ближе и ближе. Жаб делал всё, что мог, но лишний вес и короткие лапки не давали ему оторваться от погони. Он чувствовал, что его настигают. Не разбирая дороги, Жаб отчаянно, безрассудно рванул наугад, оглядываясь на торжествующих недругов, как вдруг земля куда-то делась из-под лап. Жаб взлетел и — плюх! — оказался по уши в воде: глубокой, быстрой; вода схватила его и поволокла с силой, которой Жаб не мог противиться; он понял, что с перепугу угодил прямо в реку!

Жаб всплыл на поверхность и попытался уцепиться за тростник или осоку, росшие у самого берега, но быстрое течение вырывало стебли из лап.

— О Боже! — пыхтел бедный Жаб. — Чтоб я ещё раз уgnал автомобиль! Чтоб ещё раз спел хвастливую песенку! — Тут он ушёл под воду и вынырнул, задыхаясь и фыркая. Вскоре зверёк заметил, что течением его сносит к большой тёмной дыре в береговом откосе, чуть повыше Жабовой головы. Когда поток поднёс ближе, Жаб выбросил лапу, ухватился за край дыры и держался что было мочи. Потом медленно, с большим трудом подтянулся, высунувшись из воды, и, наконец, смог упереться в стенки дыры локтями. Тут он несколько минут отдыхал, пыхтя и отдуваясь, ибо силы были на исходе.

Пока Жаб сопел, отдувался и таращился в тёмную дырку, в глубине её что-то яркое блеснуло и двинулось к нему.

Приближаясь, это что-то обросло мордочкой, знакомой мордочкой! Бурой мордочкой, небольшой, усатой. Важной и круглой, с аккуратными усами и шелковистой шёрсткой. Это был Водяной Крыс!

XI. «Дождём июльским слезы льют»*

Крыс протянул ловкую бурую лапку, крепко ухватил Жаба за загривок и что было сил потянул на себя; насквозь промокший гость медленно, но верно перевалился через край дыры и встал, в конце концов, на лапы, целый и невредимый, посреди прихожей — весь, разумеется, в грязи и водорослях, в потоках сбегавшей с него воды, но счастливый и довольный, как в былые времена: оттого, что снова очутился в доме друга, что не от кого больше бежать и прятаться, что можно, наконец, сбросить личину, не подобающую его положению, и зажить привычкой жизнью.

— Ой, Крысси! — воскликнул он. — С нашей последней встречи со мной столько всего приключилось, не представляешь! Такие беды, такие страдания — и всё вынес достойно! Всякие проделки, маскарад, хитрости — всё так ловко придумано и исполнено! Попал в тюрьму — бежал, разумеется! В канал сбросили — выплыл на берег! Угнал коня — с немалым барышом сбыл! Всех провёл, всех заставил плясать под свою дудку! Да, я — ловкий Жаб, это точно! Знаешь, в чём состоял мой последний подвиг? Слушай, сейчас расскажу...

— Жаб, — серьёзно и твёрдо прервал его Водяной Крыс, — ты сейчас же поднимешься наверх, снимешь эти грязные отрепья хлопчатки, выглядящие так, словно прежде их носила какая-то прачка, и хорошенько умоешься, и наденешь что-нибудь из моего гардероба, и спустишься вниз, стараясь походить на джентльмена, *насколько сможешь*, поскольку более грязного, неопрятного, дурно выглядящего типа, чем ты теперь, я сроду не видывал! Довольно болтать и хвастать, живо наверх! А потом я тебе кое-что скажу!

Жаб решил было остаться и дать достойный ответ. Достаточно им покомандовали в тюрьме, и — на тебе, всё сначала, да кто — Крыс! Но тут он увидел

* Чуть изменённая строка из поэмы Алфреда Теннисона (1809 — 1892) «Принцесса» (1850).

себя в зеркале, висевшем над полкой для шляп – в чёрной старомодной шляпке, залихватски сдвинутой на ухо, – и отказался от своих намерений; он быстро и смущённо взбежал по лестнице в туалетную комнату Крыса. Там Жаб тщательно умылся, причесался, переоделся и долго стоял перед зеркалом, разглядывая себя с гордостью и удовольствием: каким же надо быть идиотом, чтобы его принять хоть на миг за прачку!

Когда он сошёл вниз, стол был уже накрыт, и Жаб жутко обрадовался: после всех нелегких испытаний, выпавших на его долю, и после шикарного завтрака, данного в его честь цыганом, немало воды утекло.

За трапезой Жаб пересказал Крысу все свои приключения, особо выделяя собственную смекалку и присутствие духа перед лицом опасности и находчивость в безвыходных положениях; все происшествия становились при этом забавными и увлекательными. Но чем больше Жаб болтал и бахвалился, тем мрачней и молчаливей делался Крыс. Когда, наконец, поток Жабовых рассказней иссяк, над столом на некоторое время повисла тишина; потом Крыс сказал:

– Поверь, Жабби, не хочу делать тебе больно после всего, что ты вынес, но, если честно, неужто сам не видишь, каким ужасным выглядишь ослом? Как ты рассказываешь, на тебя надели наручники, засадили за решётку, морили голодом, преследовали, до смерти запугали, оскорбляли, осыпали насмешками, с позором сбросили в воду – и кто? – женщина! Чему тут радоваться? Что в этом смешного? И всё потому, что ты решил угнать автомобиль. Сам знаешь: от автомобилей тебе одни неприятности с тех самых пор, как ты увидел первый из них. Если уж ты на машинах *tronулся*, а тебе на такое и пяти минут довольно, так зачем же *красть*? Стань калекой, если очень хочется, или стань, для разнообразия, банкротом, раз так решил, но зачем идти на преступление? Когда ты, наконец, поумнеешь, и подумаешь о друзьях, и поверишь им? Полагаешь, к слову сказать, мне приятно слышать, как вокруг только и разговоров, что Крыс водится с уголовниками?

В натуре Жаба была хорошая черта: зверёк добродушный, он никогда не обижался на того, кто был ему настоящим другом. Даже вбив себе что-нибудь в голову, Жаб всегда способен был увидеть и другую сторону дела. И хотя в течение всей серьёзной Крысовой речи он строптиво бормотал под нос: «Но ведь *весело же было! Чертовски весело!*», и хотя издавал носом какие-то странные, сдавленные звуки, вроде «Клас-сс! Пуп-пуп!» и ещё какие-то, напоминавшие фырканье или звук открываемой бутылки с шипучкой, всё же, когда Крыс смолк, Жаб учтиво и скромно сказал:

– Ты совершенно прав, Крысси! Как здраво ты всегда рассуждаешь! Я и вправду старый самовлюбленный осел, теперь и сам вижу, но отныне я стану разумным Жабом, хватит с меня глупостей. А что до автомобилей, и думать о них не хочу после того, как нырнул в твою реку. Дело в том, что пока я висел и отдувался на краю норы, мне пришла в голову идея – поистине великолепная идея – насчет моторных лодок… тише, тише, старина, не принимай всё так близко к сердцу, не нужно топать лапами и крушить мебель, это лишь идея, и не будем сейчас её обсуждать. Выпьем лучшее кофе, и покурим, поболтаем, а потом я тихо-мирно отправлюсь в Жаб-холл, переоденусь в собственный костюм и всё будет как прежде. Приключений с меня хватит. Жить стану тихо, спокойно, респектабельно; займусь делами, подумаю о доходах, а то и отдам должное декоративному садоводству. Решат навестить друзья, всегда найду, чем угостить, заведу лошадку и прогулочную коляску, чтобы кататься по окрестностям, совсем как в добрые старые времена, пока я не потерял покой и не начал *вытворять* всякие штуки.

– Тихо-мирно отправишься в Жаб-холл? – воскликнул потрясённый Крыс. – О чём ты говоришь? Хочешь сказать, что ничего не слышал?

– Не слышал чего? – спросил Жаб, заметно побледнев. – Договоривай, Крысси! Живо! Не томи! Чего я не слышал?

– Хочешь сказать, – заорал Крыс, грохнув кулачком по столу, – что ничего не слышал про Горностаев и Ласок?

– Про Лесных Жителей? – воскликнул Жаб, затрепетав всем телом. – Нет, ни слова! Что они натворили?

– Ты не знаешь, что они взяли и захватили Жаб-холл? – продолжал Крыс.

Жаб оперся локтями о крышку стола и подпёр щеки лапками; из глаз его выкатились тяжёлые слезы и закапали прямо на стол: кап! кап!

— Продолжай, Крысси, — прошептал он чуть погодя. — Расскажи мне всё. Худшее позади. Я снова прежний Жаб. Я вынесу.

— Когда с тобой... случилась эта... эта беда, — начал Крыс медленно, со значением, — я хочу сказать, когда ты на время исчез из общества из-за этого недоразумения... с машиной, ну, ты помнишь...

Жаб молча кивнул.

— Ну, здесь, конечно, разное болтали, — продолжал Крыс, — и не только у реки, в Дремучем Лесу тоже. Каждый, как всегда бывает, принял чью-то сторону. Речные Жители — твою: считали, что с тобой обошлись несправедливо, что теперь в наших краях правды днём с огнём не сыскать. А Лесные Жители говорили ужасные вещи: что и поделом тебе, давно, дескать, пора было дать за такое по лапам. Жутко обнаглели, болтали повсюду, что теперь-то уж тебе крышка! Никогда Жаб сюда не вернётся, никогда, никогда!

Жаб снова молча кивнул.

— Такие уж они мелкие пакостники; — продолжал Крыс. — Но Крот и Барсук всем и каждому твердили, что скоро ты непременно вернёшься. Они не знают в точности, как ты выкрутишься, но выкрутишься непременно!

Жаб выпрямился в кресле, и губы его тронула едва заметная самодовольная ухмылка.

— Они ссылались на примеры из истории, — продолжал Крыс. — Они говорили, что закон всегда отступает перед таким нахальством и такой благопристойностью, как у тебя, да и перед силой тугого кошелька тоже. Они перетащили собственные пожитки в Жаб-холл и спали там; проветривали комнаты, всё готовили к твоему возвращению. Им, конечно, не дано было знать, что может случиться, но подозрения насчёт Лесных Жителей у них были. А сейчас я подхожу к самой тяжкой, самой трагической части рассказа. Однажды тёмной ночью — ночь была совсем тёмной, ненастной, дождь лил как из ведра — банда ласок, вооруженных до зубов, неслышно прокралясь вдоль парадной аллеи к главному входу. Одновременно отряд отчаянных хорьков с чёрного хода овладел задним двором и пристройками, а разрозненные шайки горностаев, не встречая сопротивления, захватили оранжерею и бильярдную, и распахнули застеклённые двери на лужайку.

Крот и Барсук сидели у камина в курительной, болтали и ни о чём не подозревали, ведь такой ночью никто и носу на двор не высунет, как вдруг кровожадные разбойники высадили двери и набросились на них отовсюду. Крот и Барсук бились отчаянно, да что толку? Их, безоружных, захватили врасплох, да и как драться вдвоём, когда врагов — сотни? Их взяли и отпустили палками, бедолаг, и вышвырнули в грязь и стужу, осыпав бранью и насмешками!

Тут толстокожий Жаб захихикал, но мигом опомнился и попытался состроить постную рожицу.

— И с тех пор Лесные Жители поселились в Жаб-холле, — продолжал Крыс, — и творят там чёрт знает что! Целыми днями валяются на постелях, завтракают, когда вздумается, порядку (так мне говорили) нет ни в чём! Еду ташат из твоей кладовки, питьё — оттуда же, да ещё и насмехаются над прежним хозяином, распеваю мерзкие песенки о... ну, о тюрьмах, судьях, полисменах; в них полно гнусных намёков, а веселья — ни на грош. Каждому торговцу, и вообще всем вокруг, сообщают, что они-де поселились в Жаб-холле навсегда.

— Вот оно что! — вскричал Жаб; он вскочил и схватился за дубинку. — Ну, это мы ещё поглядим!

— Жаб, перестань! — крикнул Крыс ему вслед. — Вернись и сядь на место, иначе только нарвешься на неприятности!

Но Жаба и след простыл, ему было не до советов. С дубинкой на плече он быстро шёл по дороге, бормоча под нос что-то гневное, пока не добрался до главных ворот Жаб-холла; тут его и окликнул из-за ограды долговязый рыжий хорёк с ружьем в лапах.

— Стой! Кто идёт? — грубо рявкнул хорёк.

— Что за чушь! — рассвирепел Жаб. — Ты с кем разговариваешь? Живо прочь с дороги, не то...

Хорёк не проронил ни слова, а просто вскинул ружьё к плечу, Жаб предусмотрительно шлёпнулся на дорогу, и — *бзз!* — пуля просвистела у него над головой.

Перепуганный Жаб вскочил и кинулся прочь со всей доступной емуспешностью; он слышал, как хорёк злился смехом у него за спиной, и ещё чьи-

то тоненькие смешки донеслись до Жаба тоже. Вернулся он совсем удрученный, и всё рассказал Водяному Крысу.

— Ну, что я тебе говорил? — отозвался Крыс. — Бесполезно. У них всюду часовые, и оружия полно. Нахрапом тут не возмёшь.

Но Жаб просто так сдаваться не хотел. Он отвязал лодку и погнал её ударами вёсел вверх по течению, туда, где сад Жаб-холла сбегал в самой воде.

В виду старого своего дома Жаб сложил вёсла и внимательно огляделся. Всёказалось мирным, пустынным и тихим. Ему открылся весь фасад Жаб-холла,

блестающий в закатных лучах, увидел он голубей, парочками сидевших на деревьях парадной аллеи, ведущей к дому, сад, полный цветов, ручеек, убегающий к лодочному сараю, и деревянный мостик через ручей; всё замерло в тишине и покое, ожидая, вне сомнений, когда вернётся хозяин. «Начну-ка я с лодочного сарая», — подумал Жаб. Со всеми предосторожностями подвёл он лодку к устью ручья, и уже проходил под мостиком, и тут — трах!

Здоровенный булыжник, невесть откуда свалившийся, пробил дно лодки насеквоздь. Лодка наполнилась водой и затонула, а Жаб забарахтался в глубоком русле. Задрав вверх голову он увидел на мостице двух горностаев; оба потешались над Жабом, перегнувшись через перила:

— Следующий раз склоняешь по башке, Жабби! — кричали они.

Негодующий Жаб поплыл к берегу, а горностаи все смеялись и смеялись, поддерживая друг друга, хохотали до упаду, даже до двух упадов: сначала шлёпнулся один, а потом, разумеется, и другой.

Измученный Жаб приплёлся назад на своих двоих и опять рассказал Крысу о новом несчастном предприятии.

— Ну, что я тебе говорил? — возмутился Крыс. — А теперь слушай! Смотри, что ты натворил. Погубил мою любимую лодку, вот что ты сделал! Испакостил приличный костюм, который я тебе одолжил! Право, Жаб, не пойму, как ты ещё сохранил друзей — с твоими-то замашками!

До Жаба дошло, наконец, какого дурака он свалял. Он признал свои ошибки и заблуждения, он чистосердечно попросил у Крыса прощения за потопленную лодку и изгаженный костюм. Он честно признал себя виноватым — это всегда обезоруживало осуждавших его друзей, заставляло их снова встать на защиту Жаба — и сказал:

— Крысси! Теперь я вижу, каким был тупоголовым и упрямым Жабом! Отныне, поверь мне, я стану уступчивым и гговорчивым, и шагу не ступлю без твоего совета и полного одобрения!

— А коль вправду так, — ответил добродушный Крыс, успевший поостыть, — то вот первый тебе совет: поскольку час уже поздний, сесть и поужинать (стол будет накрыт через минуту), и набраться терпения. Ибо я убеждён, что ничего делать не надо, пока не вернутся Крот и Барсук с последними новостями, пока мы не обсудим положение и не получим от них доброго совета в этом нелёгком деле.

— О, да, конечно, подождём Крота с Барсуком, — охотно согласился Жаб. — Как они там, славные наши приятели? Я совсем о них позабыл.

— Насилу вспомнил! — упрекнул его Крыс. — Пока ты разъезжал по стране в роскошных авто, гордо скакал на кровных конях, завтракал на лоне природы, эти двое преданных друзей лагерем стояли в чистом поле в любую погоду: днём жили как получится, а ночью спали где придётся; караулили твой дом, дозором ходили по границам твоего поместья, глаз не спускали с горностаев и ласок, задумывали, планировали, головы ломали, как вернуть тебе утраченное. Ты недостоин таких верных и преданных друзей, Жаб, нет, недостоин. Однажды пожалеешь, что не умел их ценить, да поздно будет!

— Я — неблагодарная тварь, сам знаю, — всхлипнул Жаб, роняя горючие слезы.

— Позволь мне прямо сейчас отправиться на поиски друзей — сейчас, в холод, в ночную тьму; я разделю с ними все тяготы, искуплю... Постой! Вроде как на подносе посуда звякнула! Это ужин, урра! Пошли, Крысси!

Крыс вспомнил, что Жаба держали на тюремных харчах, поэтому его следует накормить поплотнее. Он составил гостю компанию за ужином, заботливо наблюдая, как тот пытается разом наверстать упущенное.

Едва они покончили с ужином и расположились в креслах, как в дверь громко постучали. Жаб всполошился, но Крыс, загадочно подмигнув другу, пошёл прямо к двери, и распахнул её, и в дом вошёл мистер Барсук.

Вид нового гостя свидетельствовал, что последние ночи он провел вдали от домашнего тепла и уюта. Башмаки его были в грязи, а сам Барсук взъерошен и неухожен; правда, и в лучшие времена Барсука щёголем никто не называл бы. Он торжественно приблизился к Жабу, пожал ему лапу и сказал;

— Добро пожаловать домой, Жаб! Ба, да что это я? Домой, как же! Разве это дом. Бедняга Жаб! — тут он повернулся к Жабу спиной, подсел к столу, придвинул стул поближе и отхватил большой кусок холодного пирога.

От такого сурового, чтоб не сказать зловещего, приветствия Жабу стало не по себе, но Крыс шепнул ему:

— Ерунда, не обращай внимания; ничего ему сейчас не говори. Он всегда в хандре и унынии, пока не подкрепится. Через полчаса Барсука не узнаешь.

Так они ждали в тишине, и вскоре раздался ещё один стук в дверь, совсем тихий. Кивнув Жабу, Крыс подошёл к двери и ввёл в комнату Крота — нечесаного, немытого, в клочьях сена и пучках соломы в шёрстке.

— Урра! Старина Жаб! — завопил Крот, и мордочка его просияла. — Счастлив видеть тебя снова! — И он заплясал вокруг Жаба. — Мы и не мечтали, что ты так скоро вернёшься! Да ты, верно, удрал — умный находчивый, смекалистый Жаб!

Встревоженный Крыс потянул его за локоть, но было слишком поздно. Жаб успел заважничать и раздуться.

— Умный? О, нет! — сказал он. — Не слишком умный, если послушать моих друзей. Я лишь выкарабкался из самой страшной тюрьмы в Англии, только и всего! Захватил поезд и бежал на нём — только-то! Загrimировался и разгуливал по стране, и дурачил кого ни попадя, подумаешь! О нет! Глупый осёл, вот я кто! Я расскажу тебе об одной-двух своих проделках, Крот, и ты поймёшь, что к чему!

— Ладно, ладно, — согласился Крот, придвигаясь к накрытому столу, — допустим, ты мне всё это расскажешь, пока я буду есть. Маковой росинки во рту не держал с самого завтрака! О Боже! Боже! — Он сел за стол и занялся холодной говядиной с пикулями. Жаб встал на коврик перед камином, запустил лапу поглубже в брючный карман и вытащил горсть серебра.

— А это видели? — воскликнул он, показывая монеты. — Не так уж мало за несколько минут работы! И как, по-твоему, я их раздобыл, Крот? Торгую лошадьми, вот как!

Продолжай, — весьма заинтересованно попросил Крот.

— Жаб, помолчи, прошу! — вмешался Крыс. — А ты, Крот, ему не потакай, ты ведь Жаба знаешь; лучше расскажи, да поскорей, как обстоят дела, и что можно предпринять теперь, когда Жаб, наконец, вернулся.

— Дела — хуже некуда, — пробурчал Крот, — и что можно предпринять не знаю, провалиться мне на этом месте! Мы с Барсуком всё кружили и кружили вокруг Жаб-холла, день и ночь кружили, и всё одно и то же; часовые, отовсюду торчат стволы, отовсюду летят камни, охрана начеку, а уж когда нас завидят — Боже, как они хохочут! Это противней всего!

— Положеньице, — протянул Крыс в глубоком раздумье. — Но теперь я, кажется, нутром чую, как поступить Жабу. Вот послушайте. Ему надо...

— Нет, не надо! — с набитым ртом заорал Крот. — Ничего подобного! Ты просто не понимаешь. Что ему надо, так это...

— Да ничего мне не надо! — заверещал возмущённый Жаб. — Я и не подумаю вас, ребята, слушаться! Дом, о котором речь, мой, и я тоже знаю, как быть, вот послушайте. Я нamerен...

Тут все трое загаддали разом, да так громко, что перепонки в ушах лопались, и вдруг прозвучал четкий сухой голос:

— А ну-ка, тихо, вы все! — и сразу наступила тишина.

Голос принадлежал Барсуку: тот расправился с пирогом, обернулся и строго посмотрел на друзей. Убедившись, что он в центре внимания, что все с нетерпением ждут, что он скажет, Барсук вновь повернулся к столу и занялся сыром. И так велико было уважение к несомненным достоинствам этого восхитительного зверя, что ни слова не прозвучало, пока тот не покончил с едой и не смахнул с колен крошки. Жаб было заёрзal, но Крыс тут же его угомонил.

Подкрепившись, Барсук встал из-за стола и в глубокой задумчивости остановился перед камином. Наконец, он заговорил.

— Жаб! — строго сказал он. — Ты — скверный, непутёвый зверёк! Стыдись! Ты подумал, что сказал бы твой отец, старинный мой приятель, будь он здесь сегодня? И знай он обо всех твоих похождениях?

Жаб, дотоле лежавший, задрав лапы, на диване, уткнулся носом в подушку и затрясся в рыданьях.

— Ну, будет, будет, — продолжал Барсук уже мягче. — Успокойся. Хватит плакать. Не будем ворошить старое, начнём с чистого листа. Крот рассказал сущую правду. Горностай на страже, а они — лучшие часовые в мире. Нечего и думать о том, чтобы напасть в открытую. Они нам не по зубам.

— Значит, всё кончено, — всхлипнул Жаб, орошая подушку слезами. — Пойду запишусь в солдаты, и никогда больше не увижу милого своего Жаб-холла!

— Не вешай нос, Жабби, — сказал Барсук. — Кроме штурма есть и другие способы вернуть твоё поместье. Я ещё не закончил. Сейчас ты узнаешь великий секрет.

Жаб медленно сел и вытер глаза. Его необъяснимо тянуло к секретам, поскольку сам он не сохранил ни единого, испытывая что-то вроде нечестивого азарта: выдать чужой секрет, поклявшись перед тем молчать как могила.

— Там-есть-подземный-ход! — веско заявил Барсук, — он тянется с речного берега, прямо отсюда, и ведёт в самое сердце Жаб-холла.

— А, чепуха, Барсук! — довольно пренебрежительно бросил Жаб. — Ты просто наслушался всякой болтовни. Я знаю в Жаб-холле каждый дюйм — и в доме, и вокруг. Нет там ничего похожего, уверяю тебя!

— Мой юный друг, — возразил Барсук весьма сурово, — твой отец, достойный зверёк — много более достойный, чем кое-кто из нынешних моих знакомых — был близким моим другом и рассказал такое, о чём тебе не думал и заикаться. Он открыл этот ход — открыл, а не отрыл, разумеется; прорыли ход за сотни лет до того, как он поселился в наших краях — и старый Жаб восстановил его, прочистил, полагая, что ход может выручить в случае беды или при опасности, и показал его мне. «Только сыну не говори, — попросил. — Жаб — славный малый, но в голове у него ветер, он просто не удержится, чтобы не сболтнуть лишку. Если уж его действительно припрут к стенке, а ход сможет помочь, тогда и расскажи, но не раньше».

Крот и Крыс в упор посмотрели на Жаба, желая понаблюдать, как он воспримет сказанное. Поначалу Жаб насупился, но тут же просиял — таким уж отходчивым уродился.

— Ладно, ладно, — сказал он, — может, я и вправду люблю поговорить. Душа общества — всегда в кругу друзей, все мы вечно острим, блистаем, рассказываем весёлые истории — как тут ни дать волю красноречию. Я — прирожденный рассказчик. Мне советовали даже завести салон — хотел бы знать, что это такое. Ничего. Продолжай, Барсук. Так этот твой ход может нам помочь?

— Я выяснил тут ещё кое-что, — продолжал Барсук. — Попросил Выдра нарядиться трубочистом, постучать с чёрного хода — с щётками через плечо — и попросить работу. Завтра вечером в Жаб-холле большой банкет. У кого-то день рождения — у Главного Ласка, полагаю — и вся их компания соберётся в банкетном зале: станут есть, пить, смеяться и прочее в этом роде, ни о чём не подозревая. Ни револьверов, ни сабель, ни дубинок, вообще никакого оружия!

— Но часовые-то будут на постах, — заметил Крыс.

— Разумеется, — подтвердил Барсук, — в этом вся и штука. Ласки целиком полагаются на своих замечательных часовых. Вот тут-то и пригодится наш ход. Этот очень полезный туннель ведёт прямо под кладовую дворецкого, через стенку от банкетного зала!

— Точно! Скрипучая половица в кладовой! — сказал Жаб. — Теперь ясно!

— Мы потихоньку проберёмся в кладовую... — воскликнул Крот.

— ... с пистолетами, шпагами и дубинками... — подхватил Крыс.

— ... и набросимся на них... — продолжил Барсук.

— ... и отлупим их, отлупим, отлупим! — зашёлся Жаб, кругами бегая по комнате и прыгая через стулья.

— Ну и прекрасно, — сказал Барсук, подводя итог с обычной своей сухостью. — План готов, обсуждениям и спорам конец. Уже поздно, так что живо все по постелям. Всё необходимое подготовим завтра утром.

Жаб, разумеется, послушно отправился в спальню — хватило ума не спорить — хотя уверен был, что не уснёт: слишком всё его взбудоражило. Но день позади был долгий, много чего произошло, а простыни и одеяла были такими мягкими, удобными после соломенной не слишком обширной подстилки на каменном полу в камере, продуваемой сквозняками; коснувшись головой подушки, Жаб через несколько секунд уже мирно похрапывал. Ему снились, конечно же, чудесные сны: дороги, убегавшие прямо из-под ног в самую нужную минуту, каналы, что преследовали и хватали его; он видел баржу, вплывавшую в банкетный зал — с

накопившейся за неделю грудой белья – в разгар затеянной Жабом вечеринки; вот он один пробирается секретным ходом, а ход вдруг свернулся кольцом, встрихнулся и встал на дыбы; и всё же, в конце концов, Жаб снова увидел себя в Жаб-холле: в безопасности, на гребне славы, в окружении обступивших его друзей, уверяющих, что он – ну очень умный Жаб.

На следующее утро Жаб проснулся поздно, а когда спустился вниз, друзья его с завтраком уже управились. Крот ускользнул по каким-то своим делам, ни словечком не обмолвившись, куда направляется. Барсук, сидя в кресле, читал газету и, казалось, думать забыл о том, что творилось здесь прошлым вечером. То ли дело Крыс: он деловито сновал по комнате с охапкой всевозможного оружия и раскладывал его на полу в четыре кучки; запыхавшись, Крыс на бегу приговаривал:

– Это...шпага...для...Крыса, это...шпага...для...Крота, это...шпага...для...Жаба, это...шпага...для...Барсука! Это...пистолет...для...Крыса, это...пистолет...для...Крота, это...пистолет...для...Жаба, это...пистолет...для...Барсука! – и так далее: безостановочно и ритмично; а кучки, тем временем росли и росли.

– Всё это чудесно, Крыс, – промолвил Барсук немного погодя, и взглянул на деловитого зверька поверх газеты, – я совсем не против. Только давай сперва проскочим мимо горностаев с их погаными револьверами, и, уверяю тебя, нам шпаги и пистолеты будут ни к чему. Вчетвером мы и палками очистим банкетный зал от этой публики за пять минут. Я бы сам справился, да не хочу лишать вас, ребята, удовольствия!

– Всегда лучше подстраховаться, – задумчиво отозвался Крыс; он полировал о рукав пистолетный ствол и как бы целился.

Подкрепившийся Жаб ухватил тяжёлую дубинку и лихо рубанул по воздуху, поражая невидимых врагов.

– Я им закажу, как красть мой дом! – завопил он. – Закажу, закажу, закажу!

– Не говори «закажу», Жаб, – поморщившись, поправил друга Крыс. – Скверный стиль.

– Чего ты вечно к Жабу придираешься? – взвился Барсук. – Что тебе до его стиля? У меня стиль такой же, а что годится для меня, сойдет и для прочих!

– Прошу прощения, – робко возразил Крыс. – Я полагаю, лучше было бы сказать не «закажу», а «покажу»!

– Не станем мы ничего им показывать, – отрезал Барсук. – Мы им закажем, закажем, закажем! Не на словах, а на деле!

– Ну, прекрасно, делай, как знаешь, – смирился Крыс. – Он немного смутился и вскоре вернулся в свой угол, бормоча: «закажем-покажем, закажем-покажем», пока Барсук довольно резко не велел ему замолчать.

Вскоре в комнату ввалился Крот, явно довольный собственными успехами.

– Ох, я и повеселился! – начал он с порога. – Такую шутку с горностаями сыграл!

– Надеюсь, Крот, ты был осторожен? – встревоженно осведомился Крыс.

– Пожалуй, что да, – самоуверенно бросил Крот. – Мысль пришла мне в голову на кухне: зашёл туда приглядеть, как разогревается завтрак для Жаба. Старое прачкино платье, в котором Жаб сюда заявился, висело на вешалке для полотенец у очага. Я надел его, и шляпку, и шаль тоже, и пошёл прямо в Жаб-холл – чего бояться-то! Часовые, конечно, на постах, все со своими ружьями, «стой, кто идет?» и прочей чепухой. «Доброе утро, джентльмены! – говорю им очень даже вежливо. – Не сдадите ли чего в срочную стирку?».

Они поглядели на меня – гордо так, надменно, свысока – и отвечают: «Убирайся, прачка! На посту нам не до стирки!» – «А в другое время?» – спрашиваю. Ха-ха-ха! Забавно, правда, Жаб?

– Скверно это и легкомысленно! – высокомерно протянул Жаб. На самом деле он жутко ревновал к содеянному Кротом. Ведь совершить это должен был именно Жаб, додумайся он раньше Крота; как он проглядел эту возможность, как прошляпил?

– Кое-кто из горностаев покраснел, – продолжал Крот, – а сержант, он у них за старшего, коротышка этакий, так и рубанул: «Прочь, добрая женщина, прочь отсюда! Не отвлекай моих подчинённых, нечего болтать с часовыми!». «Прочь, говоришь? – отвечаю. – Убираешься прочь придётся не мне, и придётся скоро!».

– Ой, Кротти, как ты мог? – воскликнул испуганный Крыс.

Барсук отложил газету в сторону.

– Вмиг ушки у них стали торчком, начали горностаи переглядываться, – продолжал Крот, – а сержант им и говорит: «Нечего её слушать, сама не знает, что городит». – «Это я не знаю? – говорю. – Ну, так слушайте. Дочка моя для мистера Барсука стирает, так что сами смекайте, знаю я, о чём говорю, или нет; скоро и вы узнаете, очень скоро! Сотня кровожадных барсуков, вооруженных винтовками, собрались напасть на Жаб-холл этой самой ночью через загон. Шесть лодок, полные крысов с пистолетами и абордажными саблями, поднимутся по реке и высадят бойцов в огороде, а отряд отборных жабов, известных как Непоколебимые, или Слава-или-Смерть, приступом возьмёт сад и захватит всех на своём пути, мечтая о мщении. Немного от вас останется для мытья после того, как они здесь побывают, если только не уберёtesесь подобру-поздорову, пока не поздно!». Потом я удрал и, как только скрылся у них с глаз, затаился; чуть погодя подполз назад по канаве и стал подглядывать за ними сквозь живую изгородь. Задергались, всполошились – дальше некуда, забегали туда-сюда, друг об другу спотыкаются; все командуют – никто не слушается, сержант отправил отряд горностаев на самый край имения, а следом другой отряд, чтобы первый вернуть; я слышал, как они судачили промеж собой: «Это вполне во вкусе ласок: устроились, лучше некуда, в банкетном зале, празднуют, тосты провозглашают, песни поют, веселятся как могут, а мы сторожим здесь в потёмках, на холоде, и ждём, пока кровожадные барсуки в клочья не разорвут!».

– Глупый ты осёл, Крот! – завопил Жаб. – Всё испортил!

— Крот, — сухо и, как всегда, не повышая голоса, сказал Барсук, — у тебя в мизинце больше ума, чем у некоторых во всей жирной тушке. Ты вёл себя великолепно, начинаю возлагать на тебя большие надежды. Молодец, Крот! Крот — умница!

Жаба душила дикая зависть, тем более, что он никак не мог сообразить, что же такое особенно умное сотворил Крот; к счастью для него, звонок к ленчу раздался раньше, чем Жаб дал волю чувствам и нашёл, чем ответить на сарказм Барсука.

Еда была простая, но сытная: бекон с конскими бобами* и макаронный пудинг; когда со всем этим было покончено, Барсук уселся в кресло и сказал:

— Ладно, нынче ночью работы нам хватит, и управимся с ней, возможно, не слишком скоро; вздремну-ка, пока есть время!

Он накрыл морду платком и вскоре захрапел.

Неугомонный трудяга Крыс тут же возобновил свои приготовления, забегал промеж четырех кучек, бормоча:

— Это...ремень...для...Крыса, это...ремень...для...Крота, это... ремень... для... Жаба, это...ремень...для...Барсука, — и так далее с каждым новым предметом амуниции, которой, казалось, конца не видно; Крот же взял Жабу под локоток, проводил на свежий воздух, усадил в плетёное кресло и заставил пересказать все свои приключения с начала до конца, а Жабу только того и не хватало. Крот умел слушать, а Жаб, поскольку никто рядом не мог ни проверить рассказ, ни подвергнуть его нeliцеприятной критике, на радостях разошёлся. Многое из рассказанного на самом деле относилось к разряду того-что-могло-случиться-приди-мне-это-на-ум-сразу-а-не-десять-минут-спустя. Такие приключения — всегда лучшие, самые лихие; и почему бы им ни быть такими же нашими, как те оплошности, какие мы допустили на самом деле?

* Ничего сомнительного друзья не ели: у конских бобов есть как кормовые, так и пищевые сорта.

XII. Возвращение Улисса

Когда стало темнеть, Крыс, с видом взволнованным и таинственным, снова позвал всех в гостиную, поставил каждого возле его кучки и принял снаряжение друзей для предстоящей вылазки. Он трудился так ревностно и старательно, что сборы заняли довольно много времени. Первым делом каждого зверька опоясал ремень, потом под ремень с одного боку сунули шпагу, а с другого, для равновесия, абордажную саблю. Затем каждый получил пару пистолетов, полицейскую дубинку, несколько комплектов наручников, бинт, пластырь, фляжку и мешочек с бутербродами. Барсук добродушно усмехнулся и сказал:

— Порядок, Крысси! Тебе это в радость, а мне не в тягость. Вообще-то, всё, что нужно, я сделаю вот этой дубинкой.

На это Крыс попросил лишь:

— Барсук, ну, пожалуйста! Не хочу, чтобы потом ты упрекнул меня и сказал, что я чего-то не захватил!

Когда всё было готово, Барсук зажал в одной лапе фонарь, а другой ухватил здоровенную палку и скомандовал:

— Ну-ка, за мной! Первым — Крот, потому как я очень им доволен, следом — Крыс, Жаб — последним. И гляди мне, Жабби. Заведёшь, по обыкновению, разговоры — отправлю назад, как пить дать!

Жаб так боялся, что его вообще не возьмут, что безропотно согласился с отведённой ему ролью замыкающего, и отряд тронулся в путь. Сперва, и недолго, Барсук вёл друзей берегом реки; потом он вдруг перегнулся через край норы в береговом откосе у самой воды. Крот и Крыс молча следовали за ним и успешно пролезли в нору точно так, как сделал это Барсук; когда же очередь дошла до Жаба, тот, разумеется, умудрился поскользнуться и полетел в воду — с громким всплеском и воплями о помощи. Друзья выудили Жаба, отжали его и поскорей растёрли, после чего успокоили и поставили на задние лапы; тут Барсук разозлился не на шутку и заявил, что, свалий Жаб дурака ещё раз, отправится назад без возражений.

Итак, наконец, они попали в секретный ход, и экспедиция по вытеснению противника началась!

Было холодно, темно, сырое, низко и узко, бедняга Жаб дрожал как от страха перед тем, что их ждёт, так и просто оттого, что насквозь промок. Фонарь мерцал далеко впереди и мало чем помогал; Жаб постепенно стал отставать. Тут до него долетел предостерегающий оклик Крыса: «Шевелись, Жаб!»; зверёк испугался, что может застрять в потёмках один, и «зашевелился» так рьяно, что налетел на Крыса, тот — на Крота, Крот — на Барсука, и в единий миг всё смешалось. Барсук решил, что на них напали с тыла, и поскольку теснота не позволяла пустить в ход дубинку или абордажную саблю, выхватил пистолет и чуть не пристрелил Жаба. Когда же понял, что случилось на самом деле, то окончательно вышел из себя и объявил:

– Всё, хватит, Жаб, ты мне надоел. Живо домой!

Но Жаб расхыкался, а остальные двое за него поручились; Барсук, в конце концов, смягчился, и процессия двинулась дальше, только теперь замыкал цепочку Крыс, крепко державший Жаба за плечо.

Ощупью, шаркая лапами, они продвигались вперед, прислушивались к любому шороху и крепко сжимали пистолеты; наконец, Барсук сказал:

– Теперь мы, должно быть, прямо под банкетным залом.

Тут вдруг словно бы вдалеке, но и где-то прямо над головами у них послышался слабый шум, какой бывает, когда компания бузит, галдит, топает ногами и гремит на столе посудой. У Жаба снова задрожали коленки, но Барсук спокойно заметил:

– Ох уж эти ласки-кутилы!

Туннель начал подниматься, друзья продвинулись по нему еще немного – и шум послышался вновь; теперь источник был совсем близко, прямо над ними. «Ур-ра-а-а, ур-ра-а-а!» – долетало сверху; потом затопали маленькие лапки и раздался стук рюмок: чьи-то кулаки прежде сжимали их, а теперь поставили на стол.

– Веселятся на славу! – сказал Барсук. – Пошли!

Они заспешили по проходу, и тот скоро упёрся в стену, а прямо над головой у зверьков оказался люк, ведущий в кладовую дворецкого.

В банкетном зале стоял такой гвалт, что опасность быть услышанными почти не грозила. Барсук скомандовал:

– Теперь, ребята, навались!

Вся четвёрка упёрлась плечами в люк и высадила его. Помогая друг другу, зверьки вылезли в проём и оказались в кладовой; одна только дверь отделяла их от банкетного зала, где пировали ни о чём не подозревавшие враги.

Шум, долетавший прежде до туннеля, на самом деле был оглушительным. Наконец, крики и топот постепенно стихли, и в тишине прозвучал голос:

– Не хочу злоупотреблять вашим вниманием (бурные аплодисменты), но прежде, чем сяду на место (новый взрыв приветствий), я хотел бы сказать несколько слов о нашем добром хозяине, мистере Жабе. Все мы знаем Жаба! (громкий смех) – славного Жаба, скромного Жаба, честного Жаба! (восторженный визг).

– Ну, дай только до него добраться! – пробормотал Жаб, скрежеща зубами.

– Потерпи немного! – сказал Барсук, с трудом удерживая его. – Всем приготовиться!

– Позвольте спеть вам песенку, – продолжал голос, – которую я сочинил на тему о Жабе (несмолкающие аплодисменты).

Тут Главный Ласк – голос принадлежал ему – тонко и пискляво затянул:

Поразвлечься Жаб решил:
Вскочь по мостовой...

Барсук весь подобрался, крепко ухватил дубинку обеими лапами, оглянулся на товарищей и закричал:

— Час настал! За мной!
И широко распахнул дверь.
Боже!

Какими воплями, визгом и писком наполнился воздух!

И кинулись перепуганные ласки под столы, и попрыгали, обезумевшие, в окна! И метнулись в дикой панике хорьки прямо в каминный дымоход, и безнадёжно там застряли! И опрокинулись столы и стулья, разлетелись вдребезги бокалы и столовый фарфор в тот миг, когда четвёрка Героев решительно и гневно ворвалась в зал! Могучий Барсук — усы топорщатся, дубинка так и свистит в воздухе; Крот, чёрный и мрачный, размахивает палкой под собственный боевой клич: «Я — Крот! Я — Крот!»; Крыс, отчаянный и бесстрашный, с оружием всех эпох и видов за поясом; Жаб, полный гнева и оскорблённой гордости, раздувшийся чуть не вдвое, скачущий вокруг с душераздирающим кваканьем!

— «Поразвлечься Жаб решил!» — вопил он. — Уж я их развлеку! — и с этим воплем бросился прямо на Главного Ласка.

Их было всего четверо, но перепуганным ласкам мерещилось, что зал полон чудовищ — серых, черных, бурых и желтых, орующих и машущих огромными дубинами; ласки дрогнули и побежали, вопя в страхе и смятении, побежали, не разбирая дороги, попрыгали в окна, полезли в камин — куда угодно, лишь бы укрыться от разящих ударов жутких палок.

Вскоре всё было кончено. Четвёрка Друзей прошлась вдоль и поперёк всего банкетного зала, опуская дубинки на всякую башку, готовую ещё подняться, и в пять минут помещение было очищено. Через разбитые окна неслись крики перепуганных ласок: те удирали через лужайку, и вопли их долетали до ушей все слабее; на полу валялись без чувств враги — несколько дюжин или около того — и Крыс деловито надевал им наручники. Барсук, утомлённый трудами, опирался на дубинку и утикал пот со лба.

— Крот, — сказал он, — ты — молодчина! Выйди-ка наружу и пригляди за своими друзьями-горностаями, посмотри, чем заняты. Думаю, что, благодаря твоим стараниям, они этой ночью особо беспокоить нас не станут!

Крот проворно исчез в окне, а Крысу и Жабу Барсук велел расставить столы по местам, подобрать с полу ножи, вилки, посуду, смести осколки и выяснить, не осталось ли чего из припасов для ужина.

— Что-то я проголодался, — заявил он в обычной своей манере. — Пошевеливайся, Жаб, да гляди веселей! Мы вернули тебе дом, а ты не предложил нам и бутерброда.

Жаба слегка обидело, что Барсук не похвалил его, как похвалил Крота, не сказал, как храбро вёл себя Жаб, как великолепен был в битве; сам собой Жаб был отменно доволен: он ведь пошёл прямо на Главного Ласка и одним ударом дубинки заставил того скакать через столы. Но Жаб лишь засуетился, и Крыс тоже, и вскоре они обнаружили банку джема из гуавы*, холодных цыплят, изрядно погрызенный язык, немного бисквитов и много салата из омаров; в кладовой нашлась корзина французских булочек, немного сыру, масла и сельдерея. Они уже садились за стол, когда через окно ввалился, посмеиваясь, Крот с охапкой винтовок.

— Всё кончено, — доложил он. — Насколько понял, горностаи услышали вопли, визг и шум в зале, а они и так уже были на взводе; многие сразу бросили винтовки и улепетнули. Некоторые, правда, сохранили твёрдость, но когда на них посыпались драпающие ласки, часовые решили, что их предали; горностаи сцепились с ласками

* Гуава — растение семейства миртовых со съедобными ягодами.

— сплелись в клубки, боролись, пинали друг другу, катались кубарем — пока не свалились в воду! Теперь все разбежались кто куда, а винтовки оставили мне. Вот такие дела!

— Великолепно, молодец, — похвалил Барсук, сидевший с полной пастью цыплят и бисквитов. — Для тебя осталось последнее поручение, Крот, и сядешь с нами ужинать; не хотел тебя беспокоить, но тебе я полностью доверяю за всем проследить — и хотел бы так доверять остальным, кого знаю. Послал бы Крыса, не будь он поэтом. Хочу, чтобы ты взял с собой наверх этих молодцов, что валяются тут на полу; пусть приберут в спальнях, всё вымоют, наведут порядок, чтоб там стало уютно. Проследи, чтобы подмели под кроватями, постелили чистые простыни, сменили наволочки, отвернули уголки у одеял — всё как полагается; пусть согреют воды, развесят полотенца, положат по свежему куску мыла в каждую спальню. Напоследок можешь дать им по доброй затрещине, если это доставит тебе удовольствие, и выпроводить с чёрного хода — надеюсь, больше мы их не увидим. Потом возвращайся, отведаешь холодного языка. Еда превосходная. Я очень доволен тобой, Крот!

Покладистый Крот поднял дубинку, выстроил пленных в колонну; скомандовал «бегом марш!» и повёл за собой наверх. Вскоре он появился опять, улыбаясь, и сообщил, что все спальни готовы и блестят, как новенькие.

— Обошёлся без затрещин, — сказал он. — Решил, что хватит с них на сегодня; так и объявил, и ласки согласились, и сказали, что зла на меня не держат. Они теперь пристыжены: очень сожалеют, что натворили такое, во всем винят Главного Ласка и горностаев, и заверяют, что если чем-нибудь где-нибудь когда-нибудь смогут нам помочь, то достаточно одного слова. Дал им по куску булки и выпустил через заднюю дверь; ох, и задали они стрекача!

Тут Крот придвинул стул поближе к столу и запустил зубы в холодный язык, а Жаб, как и подобает джентльмену, унял зависть и сказал вполне искренне:

— Большущее тебе спасибо, Крот, за все хлопоты этой ночи, а особенно за мудрость, проявленную утром.

Барсuku такие речи понравились, и он признал:

— Вот это — слова храброго Жаба!

Друзья окончили ужин радостные, довольные собой, а чуть погодя отправились спать на чистые простыни, чувствуя себя в безопасности здесь, в родовом гнезде Жаба, отвоёванном благодаря несравненной доблести, совершенной стратегии и умелому применению дубинок.

На следующее утро Жаб, по обыкновению, проспавший, спустился к завтраку постыдно поздно и увидел на столе некоторое количество яичной скорлупы, остатки холодных и жёстких, как подошва, гренков, на три четверти пустой кофейник – и более почти ничего; всё это настроения ему не улучшило: ведь он, в конце концов, был у себя дома. Через застеклённую дверь столовой Жаб видел, как Крот и Водяной Крыс, сидя на лужайке в плетёных креслах, увлечённо рассказывают друг другу разные истории; друзья заливались смехом и дрыгали в воздухе короткими лапками. Барсук тоже сидел в кресле и с головой ушёл в утреннюю газету; он лишь мельком взглянул на Жаба, когда тот вошёл в комнату, и кивнул ему. Жаб, как и подобает мужчине, сел за стол и съел всё, что мог, подумав, между делом, что рано или поздно за всё с приятелями посчитается. Когда он почти покончил с едой, Барсук взглянул на него и довольно кратко заметил:

– Прости, Жаб, но боюсь, что нынче утром тебе предстоит нелёгкая работёнка. Видишь ли, надо устроить банкет, чтобы отпраздновать вчерашнее событие. От тебя этого ждут, таковы уж обычаи.

– О, конечно, – с готовностью согласился Жаб, – всё, как полагается. Вот только зачем, скажи на милость, устраивать банкет с утра, ума не приложу. Правда, ты ведь знаешь: я живу не для собственного удовольствия, но единственное чтобы угадывать желания моих друзей и потом исполнять их, не так ли, милый Барсук, старина?

– Не старайся выглядеть глупей, чем ты есть, – сердито отозвался Барсук, – и хватит хихикать и разбрызгивать кофе, когда разговариваешь, это неприлично. Банкет, разумеется, будет вечером, это я и сам понимаю, но приглашения надо написать и отправить прямо сейчас, и писать придётся тебе. Садись-ка за стол, вон стопка почтовой бумаги – на каждом листе сверху надпись синим и золотым: «Жаб-холл» – и пиши приглашения всем своим друзьям; если приналяжешь, успеем всё разослать до обеда. *А я тоже без дела не останусь, возьму на себя часть забот. Сам буду распоряжаться банкетом.*

– Что? – испуганно вскричал Жаб. – Мне – сидеть взаперти и писать кучу этих чёртовых бумажек в такое чудесное, как сегодня, утро, когда я хочу обойти свои владения, привести всё и всех в порядок, немного похвастать и полюбоваться собой! Ни за что! Я... я тебе... Впрочем, погоди минутку! Ну конечно, Барсук, старина! Что мои удовольствия в сравнении с удовольствиями других! Хочешь, чтоб было сделано – будет сделано! Слушай, Барсук, заправляй банкетом, как пожелаешь, примкни к юным гостям в их беззаботном веселье, забудь про мои труды и заботы. Я принесу это чудное утро на алтарь долга и дружбы!

Барсук преисполнился немалых подозрений, но при взгляде на честную, открытую мордочку Жаба трудно было найти в столь крутой перемене недостойные мотивы. Поэтому Барсук покинул комнату и направился в сторону кухни, и как только дверь у него за спиной захлопнулась, Жаб бросился к письменному столу. Замечательная идея пришла ему в голову, пока они беседовали. Он *напишет* приглашения, и он позаботится о том, чтобы выделить свою ведущую роль в сражении, распишет, как поверг ниц Главного Ласка, намекнёт на все свои приключения, расскажет, с каким успехом провёл всё дело, а на обложке представит нечто вроде программы развлечений на весь вечер – вроде той, что уже сложилась в Жабовой голове:

РЕЧЬ.....«ЖАБА
(Будут и другие речи Жаба в продолжение вечера)

ОБРАЩЕНИЕ.....ЖАБА
Краткое содержание: Наша тюремная система. –
Водные пути Старой Англии. – Торговля лошадьми; как
ей вести. – Собственность: права и обязанности. – Назад
к земле. – Типичный английский сквайр.

ПЕСНЯ.....ЖАБА
(Собственного сочинения)

ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ.....ЖАБА
будут исполнены в течение вечераСОЧИНИТЕЛЕМ.

Идея страшно ему понравилась, он трудился не покладая лап и всё закончил к полудню; тут ему как раз доложили, что какой-то маленький и довольно замурзанный ласкёнок стоит у дверей и робко интересуется, не может ли он быть чем-нибудь полезен джентльменам. Жаб вышел к нему и узнал одного из вчерашних пленников, очень почтительного и услужливого. Жаб потрепал малыша по загривку, сунул в лапку пачку приглашений и велел разнести как можно скорее, а если он решит заглянуть ещё раз ближе к вечеру, то его, возможно, будет ждать шиллинг, а, возможно, и нет; бедняжка рассыпался в благодарностях и полетел выполнять поручение.

Когда все прочие зверьки возвратились к ленчу, возбуждённые и посвежевшие после проведённого на реке утра, Крот, мучимый угрызениями совести, с опаской взглянул на Жаба, ожидая увидеть его угрюмым или подавленным. Тот, напротив, был так самодоволен и надут, что Крот начал кое-что подозревать, а Крыс и Барсук многозначительно переглянулись.

Как только трапеза завершилась, Жаб сунул лапы в бездонные карманы брюк и небрежно заметил:

– Ну, ребята, развлекайте себя сами! Заказывайте всё, чего душа пожелает! – И двинулся было по направлению к саду, где собирался обдумать одну-две мыслишки для своих речей на банкете, но Крыс ухватил его за лапу. Жаб почувял неладное и попробовал удрать, но когда Барсук намертво вцепился ему в другую

лапу, Жаб понял, что дело плохо. Друзья подхватили его с двух сторон, отвели в маленькую курительную комнату, смежную с прихожей, затворили двери и усадили Жаба в кресло. Потом оба надвинулись на Жаба, а тот сидел тихо и смотрел на них, полный подозрений и дурных предчувствий.

— Слушай-ка, Жаб, — начал Крыс, — мы насчёт банкета, и мне очень жаль, что приходится разговаривать с тобой в таком тоне. Но мы хотим, чтобы ты раз и навсегда зарубил на носу: на банкете не будет никаких речей и никаких песен. Постарайся уяснить, что в данном случае с тобой никто не советуется, тебе просто приказывают.

Жаб понял, что попался. Его раскусили, его видели его насквозь, предвосхищали все его шаги. Сладкая мечта Жаба растаяла.

— А можно, я спою совсем маленькую песенку? — жалобно попросил он.

— Нет, никаких маленьких песенок, — сказал Крыс, как отрезал, хотя сердце у него сжалось при виде того, как задрожала губа у вконец расстроенного Жаба. — Ни к чему это, Жабби, сам ведь знаешь: все твои песни — хвастливые, самодовольные, тщеславные, а речи — самовлюбленные и... и... ну ладно, полные преувеличений и... и...

— И пустые, — бросил Барсук в своей манере.

— Это для твоей же пользы, Жаб, — продолжал Крыс. — Тебе всё равно придётся начать новую жизнь, рано или поздно, а сейчас как раз великолепный для этого случай, пусть он станет переломной точкой в твоих делах. И не думай, пожалуйста, что этот разговор ранит тебя сильнее, чем меня самого.

Жаб надолго задумался. Наконец он поднял голову, и следы глубокого потрясения стали совершенно очевидны.

— Ваша взяла, друзья, — сказал он срывающимся голоском. — Вы правы; единственная мелочь, о которой прошу, — позволить покрасоваться один-единственный вечер, показать себя, сорвать аплодисменты — они всегда, как мне кажется, пробуждают лучшие мои качества. Тем не менее, я знаю, что вы правы, а я заблуждался. Отныне я стану совсем другим Жабом. Я больше не дам вам повода стесняться Жаба, друзья мои. Но Боже, Боже, как жесток этот мир! — И, приложив к мордочке платок, Жаб, спотыкаясь, вышел из комнаты.

— Барсук, — сказал Крыс, — я чувствую себя последней скотиной; что, интересно, чувствуешь ты?

— Да понимаю я, понимаю, — мрачно отозвался Барсук, — но без этого никак. Парень славный, но ему тут жить; придётся и за себя постоять, и выглядеть прилично. Или ты хочешь, чтоб он стал посмешищем для каких-то ласок и горностаев?

— Нет, конечно, — сказал Крыс. — А что до ласок, то большая удача, что мы встретили маленького ласкёнка, когда тот выходил с Жабовыми приглашениями. После твоего рассказа я заподозрил неладное и прочитал бумажку-другую; они были просто возмутительны. Я все их конфисковал, и добряк Крот сидит теперь в голубом будуаре и заполняет простые, понятные карточки с приглашениями.

Час, на который назначили банкет, стал, наконец, приближаться; Жаб, брошенный всеми, удалился в собственную спальню и сидел там, грустный и задумчивый. Голова его покосилась на лапах, задумался он глубоко и надолго. Постепенно мордочка зверька прояснилась, а губы медленно расплылись в широкой улыбке. Затем Жаб застенчиво, смущенно хихикнул. Наконец, он поднялся, запер дверь, задёрнул шторы на окнах, собрал все стулья в комнате и расставил их полукругом, а сам встал перед ними, переполненный чувствами. Потом Жаб поклонился, дважды откашлялся и, дав себе волю, взволнованно запел восхищенной публике, существовавшей лишь в его воображении, нечто под названием

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСЕНКА ЖАБА!

Жаб-вновь-тут!

Паника в гостиной, в воплях утонул банкетный зал,
Кто-то выл на весь коровник, визг над стойлами стоял:
Ведь Жаб-вновь-тут!

Ведь Жаб-вновь-тут!

Двери хлопали, а в окнах не осталось ни стекла,
Ласки громко верещали — вот такие, брат дела,
Ведь Жаб-вновь-тут!

Бумм! — барабан!

Всё трубы поют, честь солдаты отдают,
И все пушки палят, и авто вовсю дудят,
Раз-Герой-идёт!

Кричи: Ур-ра!

Пусть каждый, кто хочет, орет что есть мочи
И славит зверька, восхищенья достойного очень,
В Жабов-главный-день!

Жаб пел очень громко, с пылом, выразительно, а когда допел до конца, повторил ещё раз.

Потом он издал глубокий вздох — долгий, долгий, долгий вздох.

Потом окунул расческу в кувшин с водой, разделил шёрстку на голове надвое, расчесал ровно и гладко по обеим сторонам мордочки и, открыв дверь, тихо

спустился по лестнице навстречу гостям, которые, как он знал, ждали его в гостиной.

Когда Жаб вошёл, все захлопали в ладоши и столпились вокруг хозяина; его поздравляли, восхваляли его отвагу, находчивость и бойцовские качества, но Жаб лишь слегка улыбался и бормотал: «Ну что вы!». Или, иногда, для разнообразия: «Напротив!». Выдр, стоявший на коврике перед камином и рассказывавший восхищённому кружку друзей, как в точности поступил бы сам, участвой он в деле, с воплем подлетел к Жабу, обнял его за шею и попытался увлечь на круг почета по комнате, но Жаб мягко остановил его, вежливо заметив, едва вырвался из объятий:

— Всем заправлял Барсук, Крот и Водяной Крыс вынесли основную тяжесть боя, я же сражался как рядовой и сделал мало — или совсем ничего не сделал.

Зверьков явно озадачило и удивило такое неожиданное признание, Жаб же, скромно переходя от одной группы гостей к другой, чувствовал, что находится в центре всеобщего внимания.

Барсук вёл банкет отменно, и тот прошёл с огромным успехом. Было много болтовни, смеха и шуток, но весь вечер Жаб, не покидавший, разумеется, собственного кресла, бормотал, опустив глаза, приятные пустячки соседям по столу. Временами он поглядывал украдкой на Барсука и Крыса и получал величайшее наслаждение при виде того, как друзья изумленно переглядываются, разинув рты. Кое-кто из жизнерадостной молодёжи к концу банкета зашептал было, что времена настали не столь весёлые, как прежде, кто-то начал стучать по столу и требовать:

— Жаб! Речь! Слово Жабу! Песню! Песню мистера Жаба!

Но Жаб лишь вежливо покачивал головой, сдержанно приподнимал лапу в знак отказа и, деликатно направляя разговоры своих гостей, обсуждал с ними семейные дела, расспрашивал о младших отпрысках, еще не доросших до собраний такого рода; у гостей сложилось впечатление, что обед прошёл с соблюдением всех принятых приличий.

Это и вправду был другой Жаб!

После столь бурных событий четыре зверька зажили прежней своей жизнью, так грубо прерванной гражданской войной, — зажили в радости и довольстве, не тревожимые более никакими волнениями и нашествиями. Жаб, посоветовавшись с друзьями, выбрал прелестную золотую цепочку с медальоном, отделанным жемчугом, и отоспал подарок дочке надзирателя, сопроводив письмом, которое даже Барсук признал скромным, благодарным и почтительным; машинист, в свою очередь, также дождался благодарности и вознаграждения за все хлопоты и неприятности. Под сильным напором Барсука разыскали даже, пусть с немалым трудом, женщину с баржи, и полностью возместили ей стоимость коня, чему Жаб отчаянно сопротивлялся, доказывая, что был орудием Судьбы, посланным для наказания особ с веснушчатыми руками, неспособных побеседовать с истинным джентльменом, когда окажутся в его обществе. Сумма была, по правде сказать, не слишком обременительной, оценку цыгана местные знатоки признали довольно справедливой.

Иногда, в долгие летние вечера, друзья отправляются погулять в Дремучий Лес, теперь успешно укрощённый в нужных им пределах; истинное удовольствие видеть, как почтительно приветствуют их Лесные Жители, как ласки-мамы выводят на пороги нор своих малышей и говорят:

— Смотри, детка! Вон идёт великий мистер Жаб! А рядом — элегантный Водяной Крыс, потрясающий боец! А там — знаменитый мистер Крот, про которого тебе так часто рассказывал папа!

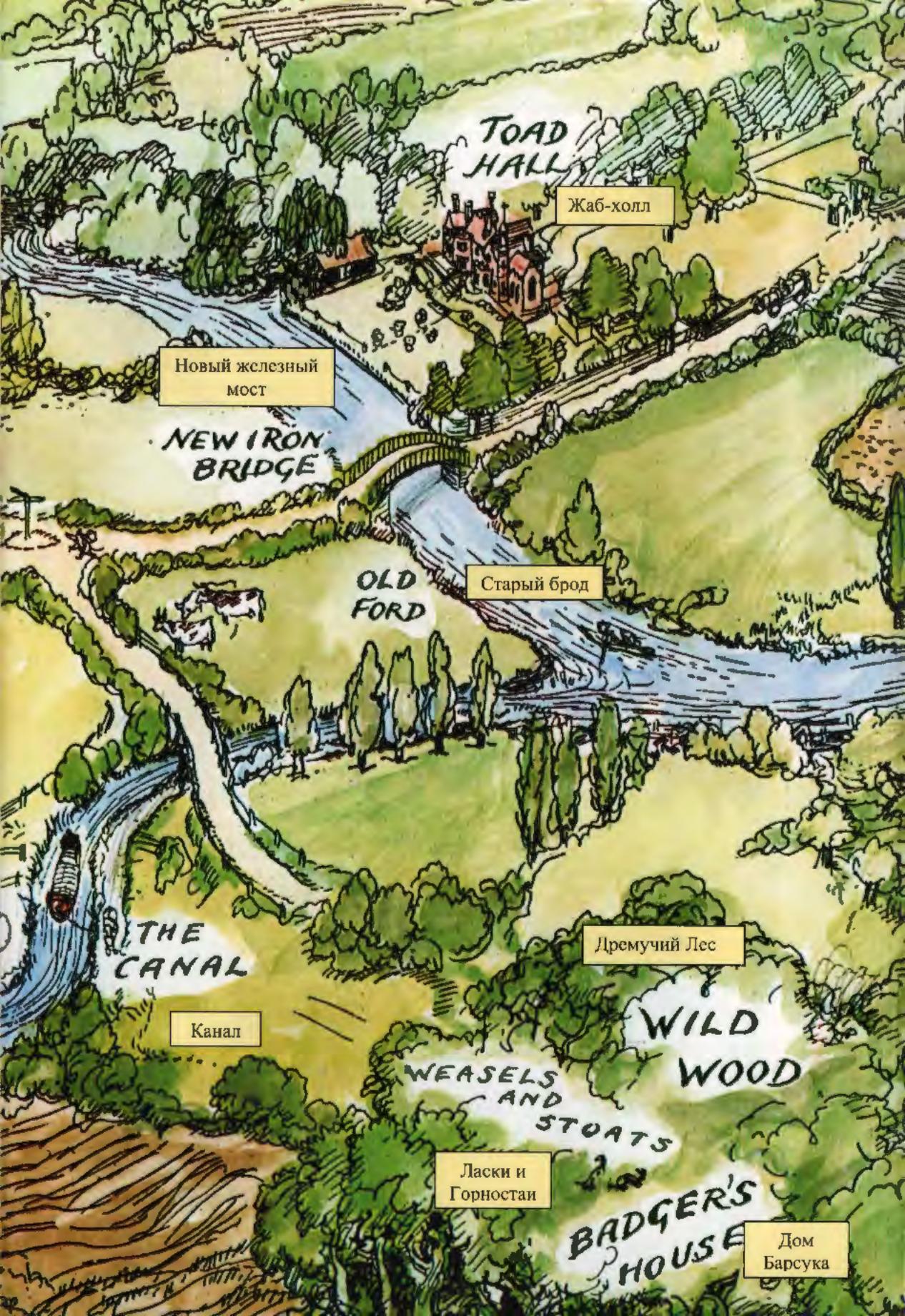
Но когда детишки начинают капризничать и не слушаются, родители говорят, что, если те не угомонятся и не успокоятся, то страшный серый Барсук возьмёт да доберётся до них. Это — ужасная клевета на Барсука, который, хоть и чурался Общества, но малышей очень любил; и всё же угроза действовала безотказно.

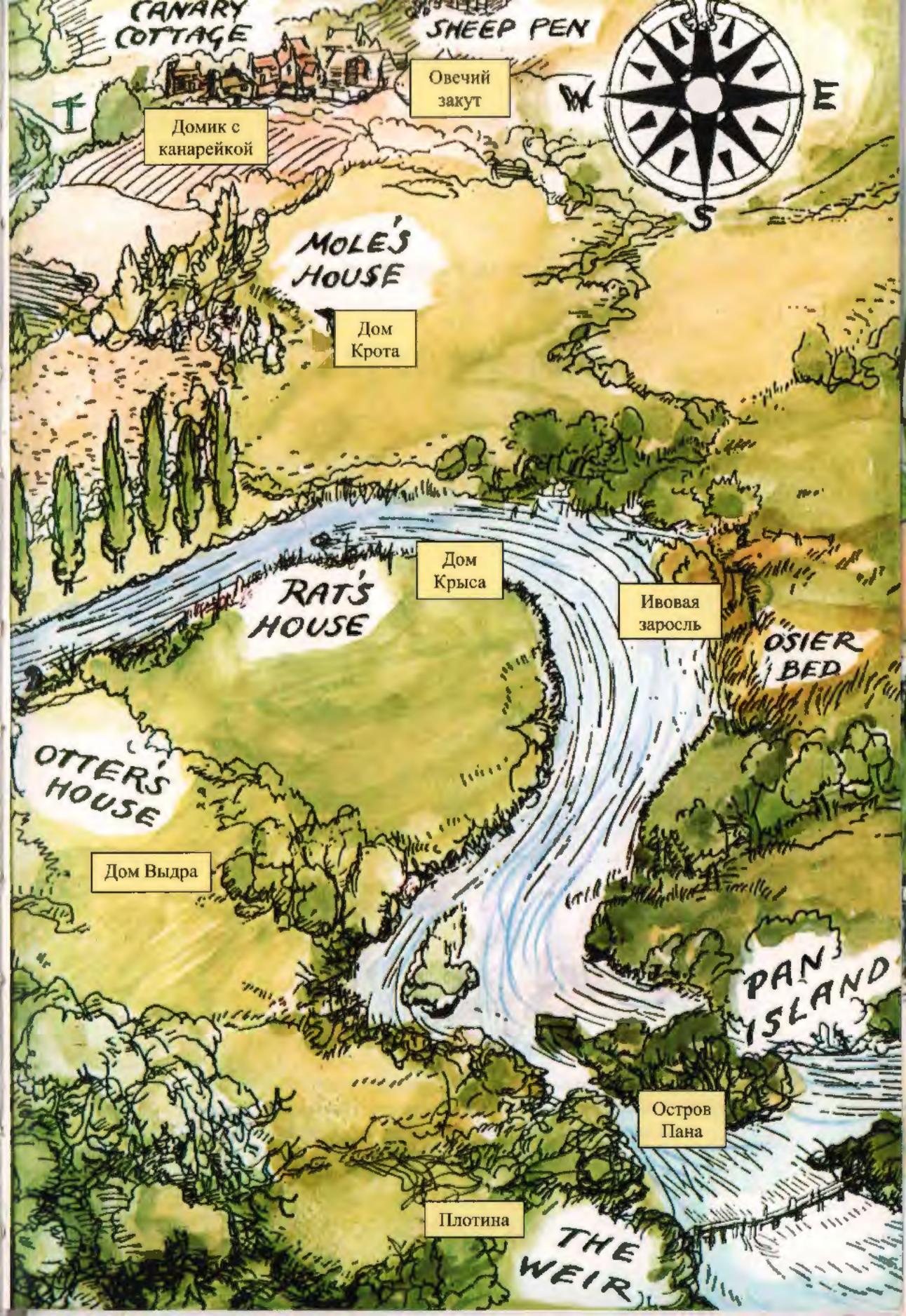

Содержание

Предисловие (<i>A.A. Милн</i>)	4
I. Речной берег	8
II. Широкая дорога	21
III. Дремучий Лес	32
IV. Мистер Барсук	42
V. Dulce Domum	53
VI. Мистер Жаб	64
VII. Предрассветная свирель	76
VIII. Приключения Жаба	85
IX. Все – в путь!	98
X. Дальнейшие приключения Жаба	112
XI. «Дождём июльским слезы льют»	124
XII. Возвращение Улисса	137

Грэхем Кеннет

ВЕТЕР В ИВАХ

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 29.09.2008. Формат 70×100/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100. Заказ 1849.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного переводчиком, в Цифровом типографском центре
Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел.: 550-40-14
Тел./факс: 297-57-76

